



# Крас и Коссов

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА  
«ШЕСТЕРКА ВОРОНОВ»

ЛИ БАРДУГО

ГришиВерс

Ли Бардуго  
**Крах и восход**

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-4

**Бардуго Л.**

Крах и восход / Л. Бардуго — «Издательство АСТ»,  
2014 — (ГришиВерс)

ISBN 978-5-17-108822-4

Столица пала. Дарклинг правит Равкой. Ответственность за судьбу страны ложится на плечи сломленной заклинательницы Солнца, опального следопыта и жалких остатков некогда великой магической армии. Горечь поражения и тягостные мысли о безрадостном будущем подтачивают их силы, но Алина верит в лучшее – ее дух поддерживают поиски неуловимой жар-птицы и надежда, что принц-изгнанник жив.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-17-108822-4

© Бардуго Л., 2014

© Издательство АСТ, 2014

## Содержание

|               |     |
|---------------|-----|
| Пролог        | 7   |
| Глава 1       | 9   |
| Глава 2       | 21  |
| Глава 3       | 28  |
| Глава 4       | 38  |
| Глава 5       | 45  |
| Глава 6       | 58  |
| Глава 7       | 71  |
| Глава 8       | 84  |
| Глава 9       | 92  |
| Глава 10      | 98  |
| Глава 11      | 109 |
| Глава 12      | 116 |
| Глава 13      | 125 |
| Глава 14      | 136 |
| Глава 15      | 145 |
| Глава 16      | 154 |
| Глава 17      | 164 |
| Глава 18      | 173 |
| Эпилог        | 184 |
| Благодарности | 186 |

# Ли Бардуго

## Крах и восход

Leigh Bardugo  
RUIN AND RISING

Печатается с разрешения New Leaf и литературного агентства Andrew Nurnberg

Серия «Миры Ли Бардуго. Grishaverse»

Copyright © 2014 by Leigh Bardugo  
© А. Харченко, перевод на русский язык  
© ООО «Издательство АСТ», 2018

\* \* \*

*Моему отцу Харви.  
Порой наши герои не доживают до конца.*



## Пролог

Гигантского червяка звали Изумруд, и ходили слухи, что именно он проделал туннели, раскинувшиеся под Равкой. Прожорливое чудовище съедало ил и щебень, закапываясь все ниже и ниже в поисках чего-то, что утолило бы голод, пока не оказалось слишком глубоко под землей, затерявшись во тьме.

Это просто легенда, но жители Белого собора все равно побаивались отходить слишком далеко от проходов, разветвляющихся вокруг главных пещер. В тусклых лабиринтах туннелей разносилось эхо странных звуков – стоны и бурчание; в зябких закоулках тишину нарушало тихое шуршание, которое могло ничего не значить, а могло быть шорохом длинного извивающегося тела, ползущего по ближайшему проходу в поисках добычи. В такие моменты было легко поверить, что Изумруд до сих пор обитает где-то, ожидая, когда ему бросят вызов герои, и мечтая о прекрасном ужине из какого-нибудь несчастного ребенка, который забредет к нему в пасть. Такие чудища не умирают; они затаиваются на время.

Мальчик рассказал девочке эту легенду и многие другие – все новые слухи, которые удалось собрать в те дни, когда ему еще позволялось ее посещать. Он предпочитал сидеть рядом с ее кроватью, упрашивая что-нибудь съесть, слушая болезненные хрипы в ее легких и рассказывая предание о реке, укрощенной могущественным проливным и обученной просачиваться сквозь слои горных пород в поисках волшебной монеты. Мальчик шепотом поведал о проклятом бедняге Пелекине, который тысячу лет орудовал волшебной киркой, оставляя за собой пещеры и проходы – одинокое существо в поисках золота и драгоценностей, которые ему не суждено было тратить.

Но одним утром мальчик обнаружил, что путь к комнате девочки перекрыт вооруженными мужчинами. И когда мальчик отказался уходить, его оттащили от двери в цепях. Священник предостерег, что вера принесет ему успокоение, а покорность – позволит дышать.

Запертая в клетке, совсем одна, если не считать капающей воды и медленного биения собственного сердца, девочка знала, что легенды об Изумруде – правда. Ее слопали целиком, поглотили, и под алебастровыми сводами Белого собора осталась только святая.

\* \* \*

Каждый день святая просыпалась под звуки воспевания собственного имени, и каждый день ее армия прирастала. Ряды пополнялись изголодавшимися и потерявшими надежду, ранеными солдатами и детьми, едва повзрослевшими, чтобы держать ружье в руках. Священник говорил верующим, что однажды она станет королевой, и они верили. Но ее побитые и загадочные придворные вызывали вопросы: смольноволосяя шквальная с острым язычком, Сокрушенная, скрывающая безобразные шрамы под черной паломнической шалью, бледный ученый, ютящийся со своими книгами и странными инструментами. Все они были жалкими остатками Второй армии – неподходящая компания для святой.

Мало кто знал, что она сломлена. Чем бы ни была ее сила – благословением или проклятием, она исчезла – ну или, по крайней мере, находилась вне доступа. Последователи держались от святой на расстоянии и не могли видеть, что ее глаза стали темными впадинами, что дышала она прерывистыми рывками, будто в испуге. Ходила она медленно, осторожно неся свои иссохшие хрупкие кости – болезненная девочка, на которую возлагались все надежды.

На поверхности правил новый король со своей призрачной армией, и он требовал возвращения заклинательницы Солнца. Он сыпал угрозами и сулил награды, но получил в ответ вызов от разбойника, которого люди окрестили Принцем Воздуха. Он ударил по северной гра-

нице, подорвав линии снабжения, и тем самым принудил Короля Теней возобновить торговые пути и путешествовать через Каньон наудачу, под защитой лишь огня инфернов, чтобы приструнить монстров. Некоторые поговаривали, что этим дерзким соперником был принц Ланцов. Другие считали, что это фьерданский мятежник, отказавшийся сражаться на стороне ведьм. Но все сходились в одном: он тоже могущественен.

Святая сотрясала прутья своей подземной клетки. Это – ее война, и она требовала свободы, чтобы бороться. Священник ей запретил.

Но он забыл, что, прежде чем стать гришей и святой, она была привидением Керамзина. Они с мальчиком копили тайны, как Пелекин копил сокровища. Они умели быть и ворами, и фантомами, умели скрывать силу так же искусно, как шалости. Как и учителя в поместье князя, священник думал, что знает, на что способна девочка.

Но он ошибался.

Он не слышал их тайного языка, не понимал решимости мальчика. Не заметил того момента, когда девочка перестала нести свою слабость как бремя и начала носить ее как обличье.

## Глава 1

Я стояла на высеченном в камне балконе, раскинув руки, дрожа в своей жалкой мантии, и пыталась играть хороший спектакль. Мой кафтан был сшит из лоскутков наряда, в котором я сбежала из дворца, и пестрых штор, которые, как мне сказали, изъяли из закрывшегося театра где-то рядом с Салой. Отделку составляли бусины, снятые с люстры в тамошнем фойе. Вышивка на рукавах пообтрепалась. Давид и Женя сделали все возможное, но их ресурсы под землей ограничены.

Издавека кафтан выглядел вполне сносно, мерцая золотом в свете, который будто бы исходил из моих ладоней, посылая яркие лучи на восторженные лица последователей далеко внизу. Вблизи же было видно, что нити распустились, а блеск – искусственный. Прямо как я. Потрепанная святая.

Голос Апрата громом пронесся по Белому собору, и толпа закачалась с закрытыми глазами и вздымающимися руками, как маковое поле, где руки – словно бледные стебельки, потревоженные ветром, которого я не чувствовала. Я повторила хореографическую серию жестов, двигаясь медленно, чтобы Давид и любой инферн, помогавший ему этим утром, могли проследить за моими действиями со своего места в нише, скрытой прямо над балконом. Утренние молитвы приводили меня в ужас, но, по словам священника, эти напускные представления были необходимы.

«Это – твой дар людям, Санкта-Алина, – говорил он. – Это – надежда».

На самом деле это иллюзия, тусклый намек на свет, над которым я некогда властвовала. Золотые отблески – в действительности огонь инферна, отраженный от разбитой зеркальной тарелки, которую Давиду удалось смастерить из спасенных осколков. Она походила на те тарелки, которые мы использовали в неудачной попытке остановить орду Дарклинга во время битвы в Ос Альте. Нас застали врасплох, и ни моя сила, ни наша стратегия, ни изобретательность Давида и предприимчивость Николая не смогли предотвратить бойню. С тех пор мне не удавалось призвать даже лучик света. Но большинство из прихожан Абрата никогда не видели, на что способна их святая, так что пока этой уловки было достаточно.

Священник завершил проповедь. Это был наш сигнал к финалу. Инферн позволил свету ярко вспыхнуть вокруг меня. Луч лихорадочно подпрыгивал и дрожал, а затем наконец померк, когда я опустила руки. Что ж, зато теперь я знаю, кто сегодня на огненном дежурстве с Давидом. Кинула хмурый взгляд на пещеру. *Хэришоу*. Его постоянно заносило. Из битвы в Малом дворце вышло три инферна, но одна умерла от ранений всего через пару дней. Один из двух оставшихся, Хэришоу, был самым могущественным и непредсказуемым.

Я спустилась с платформы, желая побыстрее избавиться от общества Абрата, как вдруг оступилась и подалась вперед. Священник схватил меня за руку и придержал.

– Осторожнее, Алина Старкова. Ты слишком беспечно относишься к своей безопасности.

– Спасибо, – кивнула я. Мне хотелось отстраниться от него, и от выворачивающего наизнанку смрада сырости и ладана, который тянулся за ним, куда бы он ни шел.

– Ты сегодня плохо себя чувствуешь?

– Нет, просто неуклюжая.

Мы оба знали, что это ложь. Я окрепла с тех пор, как пришла в Белый собор – мои кости срослись, еда оставалась в желудке, – но все равно оставалась хилой, тело изнывало от болей и постоянной усталости.

– Возможно, тебе не помешает день отдыха.

Я сжала челюсти. Очередной день взаперти в моей пещере. Подавила чувство раздражения и слабо улыбнулась. Я знала, что он хочет увидеть.

– Я замерзла. Немного отогреться в котельной было бы кстати.

Строго говоря, это правда. Кухня – единственное место в Белом соборе, где не так сыро. Сейчас уже должны были разжечь как минимум один из утренних очагов. Большая круглая пещера наполнится запахами свежеевыпеченного хлеба и сладкой каши, которую повара готовили из сухого гороха и порошкового молока – запасов, поставляемых союзниками с поверхности и накопленных пилигримами.

Я вздрогнула для верности, но единственным ответом священника было уклончивое «гм-м».

Мое внимание привлекло движение на входе в пещеру: новоприбывшие паломники. Я невольно присмотрелась к ним со стратегической точки зрения. На некоторых была форма, говорившая, что они дезертировали из Первой армии. Все были юными и трудоспособными.

– А где ветераны? – поинтересовалась я. – И вдовы?

– Путь под землю нелегок, – ответил Апрат. – Многие слишком старые или слабые, чтобы его преодолеть. Они предпочитают оставаться в своих уютных домах.

Сомнительно. Паломники приходили и на костылях, и с клюками, невзирая на старость и немощность. Даже находясь при смерти, они желали кинуть прощальный взгляд на закли-нательницу Солнца. Я осторожно обернулась через плечо и смогла заметить стражей священ-ника, стоящих на страже в арке. Они были монахами-книжниками, как Апрат, и под землей только им дозволялось носить оружие. На поверхности они служили привратниками, разобла-чали шпионов и неверующих, а также предоставляли убежище тем, кого считали достойными. В последнее время число пилигримов сократилось, а те, кто все же пополнял наши ряды, каза-лись скорее крепкими, чем набожными. Апрат нуждался в потенциальных солдатах, а не только ртах, чтобы кормить.

– Я могла бы навестить немощных и стариков, – предложила я. Знала, что спорить бес-смысленно, и все равно произнесла это. Ответ можно было предугадать наперед. – Святая должна выходить к своим людям, а не прятаться, как крыса, в лабиринте пещер.

Священник улыбнулся той доброжелательной, снисходительной улыбкой, которую обо-жали паломники и которая вызывала у меня желание закричать.

– В тяжелые времена большинство животных уходят под землю. Так они выживают, – сказал он. – Когда глупцы прекращают воевать, именно крысы правят на полях брани и в горо-дах.

«И питаются мертвечиной», – подумала я, поежившись. Словно прочитав мои мысли, священник опустил руку мне на плечо. Его длинные бледные пальцы распластались на нем, как восковой паук. Если Апрат предполагал, что этот жест должен меня утешить, у него ничего не вышло.

– Терпение, Алина Старкова. Мы взойдем, когда придет время, не раньше.

*Терпение.* Таково было его предписание. Я подавила желание коснуться голого запястья, пустого места, предназначенного для костей жар-птицы. Я добыла чешую морского хлыста и рога оленя, но последний кусочек головоломки Морозова отсутствовал. Возможно, третий усилитель был бы уже у нас, если бы Апрат отправил своих людей на охоту или просто позволил нам вернуться на поверхность. Но у этого разрешения была своя цена.

– Мне холодно, – напомнила я, пряча глубже свое раздражение. – Хочу в котельную.

Он нахмурился.

– Мне не нравится, что ты общаешься с этой девушкой...

Стража позади нас яростно зашептала, и до меня донеслось слово. *Сокрушенная.* Я отмахнулась от руки Апрата и шагнула в проход. Святые стражи вытянулись по стойке «смирно». Как и их братья, они были одеты в коричневое и носили на груди эмблему в виде золотых солнечных лучей, тот же символ значился на мантии Апрата. *Мой* символ. Но они никогда не смотрели на меня прямо и ни разу не заговаривали ни со мной, ни с другими бежен-

цами-гришами. Вместо этого стражи молча стояли по углам комнат и следовали за мной по пятам, как бородатые вооруженные призраки.

– Я запретила так ее называть, – сказала я. Они продолжали смотреть прямо перед собой, словно я была невидимкой. – Ее зовут Женя Сафина, и если бы не она, я бы до сих пор оставалась пленницей Дарклинга.

Никакой реакции. Но я заметила, как они напряглись при упоминании ее имени. Взрослые мужики с ружьями боятся изуродованную шрамами девушку! Суеверные идиоты!

– Спокойно, Санкта-Алина, – примирительно сказал Апрат, беря меня под локоть, чтобы отвести по проходу в свою комнату для аудиенций.

Потолок из каменной породы с серебристыми прожилками был украшен резьбой в форме розы, а стены расписаны святыми с золотыми нимбами. Должно быть, это работа фабрикаторов – ни один обычный пигмент не выдержал бы холода и сырости Белого собора. Священник устроился на низком деревянном стульчике и предложил мне занять другой. Я попыталась скрыть свое облегчение, оседая на него. Силы покидали меня даже от долгого стояния.

Апрат присмотрелся ко мне, отмечая тусклую кожу, темные круги под глазами.

– Наверняка Женя способна на большее.

С моей битвы с Дарклингом прошло больше двух месяцев, но я никак не могла оправиться. Впавшие щеки образовали сердитую гримасу на моем лице, а белая копна волос так истончилась, что походила на паутину. В конце концов мне удалось уговорить Апрата позволить Жене видаться со мной на кухне в обмен на обещание, что она поработает над моей внешностью и придаст мне более презентабельный вид. Она единственный гриш, с которым я общалась за последние недели. Я наслаждалась каждым мгновением, каждой доходящей до меня ничтожной новостью.

– Она старается изо всех сил.

Священник вздохнул.

– Полагаю, нам всем нужно проявить терпение. Ты исцелишься со временем. При помощи веры. И молитв.

Меня охватила ярость. Он чертовски хорошо знал, что меня может исцелить только использование силы, но для этого нужно вернуться на поверхность.

– Если бы вы позволили мне рискнуть подняться наверх...

– Ты слишком ценна для нас, Санкта-Алина, а риск – слишком велик, – он виновато пожал плечами. – Если ты не будешь заботиться о своей безопасности, придется мне этим заняться.

Я промолчала. Мы часто играли в эту игру, еще с тех пор, как меня сюда привели. Апрат многое для меня сделал. Он единственная причина, по которой мои гриши спаслись из битвы с чудовищами Дарклинга. Он дал нам убежище под землей. Но с каждым днем Белый собор казался больше темницей, чем укрытием.

Он сцепил пальцы вместе.

– Месяцы идут, а ты все мне не доверяешь.

– Доверяю, – солгала я. – Как же иначе.

– И тем не менее, ты не даешь мне помочь. Если мы раздобудем жар-птицу, все может измениться.

– Давид работает над записями Морозова. Уверена, ответ кроется в них.

Апрат вперился в меня взглядом своих черных глаз. Он подозревал, что я знаю о местонахождении жар-птицы – третьего усилителя Морозова и ключа к раскрытию силы, которая может побороть Дарклинга и уничтожить Каньон. Он прав. По крайней мере, я на это надеялась. Единственная наша подсказка о ее местопребывании была закопана в моих скудных детских воспоминаниях и надежде, что пыльные руины Двух Столбов не так просты, как кажется. Так или иначе, возможную локацию жар-птицы я намеревалась хранить в секрете. Я была изо-

лирована под землей, почти бессильна, и за мной постоянно следили святые стражи. Мне не хотелось расставаться со своим единственным преимуществом.

– Я желаю тебе только лучшего, Алина Старкова. Тебе и твоим друзьям. Выжили столь немногие. Если с ними что-нибудь случится...

– Оставьте их в покое, – прорычала я, позабыв об игре в вежливость и покорность.

Мне не понравился проницательный взгляд Апрата.

– Я просто имел в виду, что подземелье непредсказуемо, тут может всякое случиться. Я знаю, что каждая потеря сильно по тебе ударит, а ты и так очень *слаба*. – При последнем слове его губы растянулись, открывая десны. Они были черными, как у волка.

И снова меня захлестнула волна гнева. С первого дня в Белом соборе в воздухе чувствовалась угроза, держа меня под постоянным давлением страха. Апрат никогда не упускал возможности напомнить о моей уязвимости. Почти не осознавая, я пошевелила пальцами в рукавах. По стенам комнаты поползли тени.

Апрат вжался в стул. Я нахмурилась, изображая недоумение.

– Что-то не так?

Он прочистил горло, глазки забегали вправо-влево.

– Нет... ничего, – с запинкой ответил священник.

Я позволила теням отступить. Его реакция стоила наплыва головокружения, охватывающего меня каждый раз при проделывании этого трюка. На этом мои способности заканчивались. Я могла заставить тени прыгать и плясать, но не более. Это печальное тихое эхо способностей Дарклинга, отголоски силы, использованной в противостоянии, которое чуть не убило нас обоих. Я обнаружила ее, когда пыталась призвать свет, и делала все возможное, чтобы развить ее во что-то большее, что-то, чему я могла бы противостоять. Безуспешно. Тени казались наказанием, призраками великой силы, служившей единой цели – насмехаться надо мной, святой фарсов и зеркал.

Апрат встал, пытаясь вернуть самообладание.

– Ты пойдешь в архив, – решил он. – Время за тихими штудиями и созерцанием поможет прояснить разум.

Я подавила стон. Это действительно наказание – часы, потраченные на бесплодное просматривание старых религиозных текстов в поисках сведений о Морозове. Не говоря уж о том, что в архиве влажно, мерзко и он кишел святыми стражами.

– Я провожу тебя, – добавил Апрат. Еще лучше.

– А котельная? – спросила я, пытаясь скрыть отчаяние в своем голосе.

– Позже. Сокру... Женя подождет, – ответил он, и я последовала за ним в проход. – Знаешь, тебе ведь необязательно сбегать в котельную. Вы могли бы встречаться с ней здесь. В уединении.

Я покосилась на стражей, следовавших за нами. В уединении, смешно! А вот мысль о том, что мне запретят ходить на кухню, – совсем не смешная. Может, сегодня главный дымоход откроют больше чем на пару секунд. Слабая надежда, но ничего другого мне не оставалось.

– Я предпочитаю котельную. Там тепло. – Я одарила его скромной улыбкой, нижняя губа слегка задрожала, и я добавила: – Она напоминает мне о доме.

Священник любил такое – образ смиренной девицы, жмушейся у кухонного очага, подол мантии пачкается в пепле. Очередная иллюзия, еще одна глава в его книгу о святых.

– Хорошо, – наконец сказал он.

Чтобы спуститься с балкона, понадобилось много времени. Белый собор получил свое название из-за алебастровых стен и огромной главной пещеры, где мы проводили службу по утрам и вечерам. Но он был куда больше – разросшаяся сеть туннелей и пещер, целый город под землей. Я ненавидела каждый его сантиметр. Влагу, которая просачивалась сквозь стены, капала с потолков и собиралась бусинками на моей коже. Холод, от которого некуда деваться.

Поганки и ночные цветы, растущие в щелях и трещинах. Я ненавидела способ, которым мы отмечали время: по утренним службам, дневным молитвам, вечерним службам, по дням святых, дням поста и дням нестрогого поста. Но больше всего мне претило чувство, что я действительно маленькая крыса, белая и красноглазая, царапающая стены лабиринта своими немощными розовыми коготками.

Апрат повел меня через пещеры к северу от главного зала, где тренировались солнечные солдаты. Люди жались к каменным стенам или тянулись прикоснуться к моему золотому рукаву, пока мы проходили мимо. Шагали мы медленно и горделиво – вынужденно. Я не могла идти быстрее, чтобы не выбиться из сил. Люди Апрата знали, что я больна, и молились за мое здоровье, но он боялся, что поднимется паника, если они прознают, насколько я хрупкая, насколько по-человечески уязвима.

К тому времени как мы пришли, солнечные солдаты уже начали тренировку. Они – священные воины Апрата, носящие мой символ, вытатуированный на руках и лицах. Большинство из них были дезертирами Первой армии, но другие – просто молодые, дерзкие, готовые умереть. Они помогли спасти меня из Малого дворца, и потери были велики. Святые или нет, они и в подметки не годились ничегоям Дарклинга. И все же на службе у Дарклинга были и воины из числа людей и гришей, так что наши солнечные бойцы продолжали тренироваться.

Только теперь они это делали без настоящего оружия – с деревянными мечами и винтовками, заряженными восковой дробью. Солнечные солдаты отличались от других паломников, в культ солнечной святой их привело обещание перемен. Многие из них были слишком юны и не слишком преданы Апрату и старым церковным обычаям. С моего прибытия в подземелье священник держал их на коротком поводке. Он нуждался в них, но не мог им полностью доверять. Мне было знакомо это чувство.

Святые стражи выстроились вдоль стен, пристально наблюдая за тренировкой. Их пули настоящие, как и лезвия сабель.

Входя в зал, я заметила группку, наблюдавшую за спаррингом Мала и Стигга – одного из двух выживших инфернов. Плечистый, светловолосый и с полным отсутствием юмора – фьерданец до мозга костей.

Мал уклонился от огненной дуги, но вторая вспышка пламени задела его рубаху. Зрители ахнули. Я думала, что он попятится, но вместо этого тот кинулся в бой. Он прыгнул и перекатился, потушив пламя об землю, сбил Стигга с ног и через секунду уже прижимал его лицом к полу. Мал скрутил инферну руки, чтобы тот не мог снова атаковать.

Наблюдавшие солдаты разразились одобрительным свистом и аплодисментами.

Зоя откинула блестящие черные волосы через плечо.

– Отлично, Стигг. Ты скручен и готов к взбучке.

Мал заставил ее умолкнуть одним взглядом.

– Отвлечь, обезоружить и обезвредить, – сказал он. – Главное не паниковать. – Он встал и помог подняться Стиггу. – Ты в порядке?

Тот раздраженно надулся, но кивнул и пошел тренироваться с симпатичной девушкой-солдатом.

– Давай же, Стигг, – сказала она, широко улыбаясь. – Я постараюсь быть с тобой помягче.

Ее лицо выглядело знакомо, но мне потребовалось несколько секунд, чтобы признать ее – Руби. Мы с Малом тренировались с ней в Полизной. Она была в нашем полку. Я помнила ее смеющейся, радушной, счастливой кокеткой, из-за которой я чувствовала себя неуклюжей и жалкой. У нее была все та же яркая улыбка, та же длинная светлая коса. Но даже издалека в ней была заметна настороженность, бдительность, приобретаемая в военное время. На правой стороне лица темнело черное солнце. Странно думать, что эта девушка, сидевшая однажды напротив меня в столовой, теперь считала меня божеством.

Апрат и его стражи редко водили меня в архив этой дорогой. Что же изменилось сегодня? Может, он привел меня сюда, чтобы я посмотрела на остатки своей армии и вспомнила цену своих ошибок? Чтобы показать, как мало союзников у меня осталось?

Я наблюдала, как Мал ставит в пары солнечных солдат и гришей. Там были шквальные: Зоя, Надя и ее брат Адрик. Вместе со Стиггом и Хэршоу они были моими последними эфирами. Но Хэршоу нигде не было видно. Возможно, он снова завалился спать после того, как призывал мне огонь во время утренней молитвы.

Что же касается корпоралов, единственными сердцебицами в тренировочном зале были Тамара и ее огромный брат-близнец Толя. Я обязана им жизнью, и этот долг меня тяготил. Они были приближенными Апрата, которым поручили обучать солнечных солдат, и они вращались месяцами в Малом дворце. Я пока не знала, что с этим делать. Доверие – это роскошь, которую я не могла себе позволить.

Оставшиеся солдаты ждали своей очереди для спарринга. Гришей попросту не хватало на всех. Женя и Давид держались в стороне, да и сражаться не умели. Максим, целитель, предпочитал практиковать свое ремесло в лазарете, хотя мало кто из людей Апрата доверял гришу настолько, чтобы воспользоваться его услугами. Сергей был могущественным сердцебитом, но мне сказали, что он слишком нестабилен, чтобы спокойно подпускать его к ученикам. Он находился в гуще сражения, когда Дарклинг организовал свое неожиданное нападение, и видел собственными глазами, как монстры разорвали его любимую девушку на кусочки. Второй и последний наш сердцебит был убит ничегоями где-то между Малым дворцом и часовней.

«Из-за тебя, – отозвался голос в моей голове. – Потому что ты их подвела».

От мрачных мыслей меня отвлек голос Апрата:

– Мальчишка слишком многое себе позволяет.

Я проследила за его взглядом к Малу, расхаживающему между солдатами, чтобы объяснить что-то одному или исправить другого.

– Он помогает им тренироваться, – сказала я.

– Он раздает приказы. Оретцев! – подозвал его к себе священник. Я напряглась, наблюдая за приближением Мала. Мы едва виделись с тех пор, как ему запретили приходить ко мне в комнату. Помимо тщательно нормированных встреч с Женей, Апрат изолировал меня от всех потенциальных союзников.

Мал изменился. На нем была крестьянская рубаха из грубой материи, служившая ему формой в Малом дворце, но он похудел и побледнел за время, проведенное под землей. Узкий шрам на подбородке выделялся острым рельефом.

Он остановился перед нами и поклонился. В последние месяцы ближе нас друг к другу не подпускали.

– Ты здесь не капитан, – осадил его Апрат. – Толя и Тамара старше тебя по званию.

Мал кивнул.

– Так и есть.

– Тогда почему ты ведешь тренировку?

– Ничего я не веду. Мне есть чему научить. Им есть чему научиться.

«Это верно», – горько подумала я. Мал хорошо поднатерел в борьбе с гришами. Я вспомнила, как он, разбитый и истекающий кровью, стоял над шквальным в конюшне Малого дворца, какой вызов и презрение читались в его глазах. Я бы с радостью обошлась без этого воспоминания.

– Почему этим новобранцам не нанесли татуировку? – спросил Апрат, указывая на группу, дерущуюся на деревянных мечах у дальней стены. Всем им было не больше двенадцати.

– Потому что они еще дети, – ответил Мал ледяным тоном.

– Это их выбор. Ты же не откажешь им в возможности показать свою верность нашему делу?

– Я отказываю им в том, о чем они пожалеют.

– Это не в нашей власти.

Челюсти Мала заходили желваками.

– Если мы проиграем, эти татуировки заклеят их как солнечных солдат. С тем же успехом они могут хоть сейчас записаться на встречу с расстрельной командой.

– Поэтому на твоём лице нет татуировки? Твоя вера в нашу победу настолько слаба?

Мал покосился на меня, затем снова на Апрата.

– Я храню свою веру для святых, – спокойно ответил он. – А не для людей, которые посылают детей на верную смерть.

Священник прищурился.

– Мал прав, – вмешалась я. – Пусть они останутся непомятыми. – Апрат равнодушно взглянул на меня своими черными глазами. – Пожалуйста, – тихо добавила я, – в знак доброты ко мне.

Я знала, как сильно ему нравится этот голосок – ласковый, теплый, как колыбельная.

– До чего у тебя нежное сердце, – ответил священник, цокая языком. Но я видела, что он доволен. Несмотря на то что я перечила его желаниям, такой святой он и хотел меня видеть – любящей матерью, утешением для своего народа. Я впила ногти в ладонь.

– Это же Руби, верно? – спросила я, желая сменить тему и отвлечь Апрата.

– Она прибыла пару недель назад, – ответил Мал. – Руби хороша... служила в пехоте.

Я невольно почувствовала крошечный укол зависти.

– Стигг выглядит недовольным, – заметила я, кивая на инферна, который, похоже, решил отыграться на Руби. Девушка делала все возможное, чтобы постоять за себя, но явно проигрывала бой.

– Ему не нравится быть битым.

– По-моему, ты даже не вспотел.

– Нет, – помотал головой Мал. – И это проблема.

– Почему? – спросил Апрат.

На долю секунды Мал перевел взгляд на меня.

– Проиграв, больше учишься, – он пожал плечами. – Ну, хоть Толя все еще может надрать мне зад.

– Следи за языком! – рявкнул Апрат.

Мал проигнорировал его. Внезапно он прижал два пальца к губам и громко свистнул.

– Руби, ты открыта!

Слишком поздно. Ее коса загорелась. Еще один юный солдат подбежал к ней с ведром воды и вылил его ей на голову.

Я скривилась.

– Постарайся не зажарить их до корочки.

Мал поклонился.

– Моя правительница.

А затем двинулся обратно к воинам.

Этот титул... Произнес он его без привычной злобы, которую я так явственно слышала в Ос Альте, но слова все равно действовали на меня как удар под дых.

– Ему не стоит так к тебе обращаться, – заметил Апрат.

– Почему?

– Это был титул Дарклинга, и он неуместен для святой.

– Тогда как ему ко мне обращаться?

– Напрямую – никак.

Я вздохнула.

– В следующий раз, когда ему будет что сказать, я прикажу написать мне письмо.

Апрат поджал губы.

– Что-то ты сегодня беспокойная. Думаю, дополнительный час тишины архива пойдет тебе на пользу.

Говорил он с упреком, словно я капризный ребенок, засидевшийся допоздна, вместо того чтобы идти спать. Я заставила себя вспомнить об обещанной мне котельной и выдавила улыбку.

– Уверена, вы правы.

«Отвлечь, обезоружить и обезвредить».

Когда мы свернули к проходу, который вел к архиву, я оглянулась через плечо. Зоя опрокинула солдата на спину и закружила его, как черепаху, лениво вычерчивая рукой круги в воздухе. Руби что-то говорила Малу – улыбка широкая, лицо страстное. Но Мал смотрел на меня. В тусклом свете пещеры его глаза стали насыщенного голубого оттенка, цвета сердцевины огонька.

Я отвернулась и поспешила за Апратом, пытаюсь усмирить свист в легких. Подумала об улыбке Руби, ее опаленной косе. Милая девушка. Нормальная девушка. Вот в ком нуждался Мал. Если он еще не увлекся кем-то новым, в конце концов это неминуемо произойдет. И однажды я стану достаточно хорошим человеком, чтобы пожелать ему всего наилучшего. Но не сегодня.

\* \* \*

По пути в архив мы встретили Давида. Как обычно, выглядел он неопрятно – волосы торчали во все стороны, рукава испачканы в чернилах. В одной руке у него была чашка горячего чая, из кармана торчал кусочек поджаренного хлеба.

Его взгляд скользнул по Апрату и страже.

– Вы за мазью? – спросил он.

Губы Апрата слегка скривились. Мазью была смесь Давида для Жени. Помимо ее собственных усилий, бальзам помогал заживить худшие из шрамов, но раны от ничего никогда не исцелялись полностью.

– Санта-Алина пришла для утренних штудий, – торжественно заявил священник.

Давид дернулся, что отдаленно напоминало пожатие плечами, и юркнул в дверной проем.

– Но ты же потом придешь в котельную?

– Я пришлю за тобой стражу через два часа, – сказал Апрат. – Женя Сафина будет ждать тебя, – его глаза осмотрели мое изможденное лицо. – Проследи, чтобы она внимательнее исполняла свои обязанности.

Он отвесил низкий поклон и скрылся в туннеле. Я осмотрела помещение и шумно, разочарованно выдохнула. Архив мог бы стать моим излюбленным местом, с запахом чернил на бумаге и тихим поскрипыванием перьев. Но на деле он был логовом святых стражей – плохо освещаемый лабиринт из арок и колонн, вытесанных в белой скальной породе.

Когда Давид впервые увидел эти маленькие куполообразные ниши, которые частично обвалились, с выставленными в ряд древними книгами и манускриптами, страницы которых почернели от гнили, а корешки набухли от влаги, он единственный раз на моей памяти вспыл. В пещерах было так сыро, что через пол проступали лужи. «Вы не можете... не можете хранить тут записи Морозова! – чуть ли не взвизгнул он. – Это же *болото*!»

Теперь Давид коротал свои дни и большую часть ночей в архиве, изучая тексты Морозова, набрасывая теории и зарисовки в собственном журнале. Как и большинство гришей, он верил, что записи Морозова были уничтожены после создания Каньона. Но Дарклинг ни за что бы не лишил мир таких знаний. Он спрятал журналы, и хоть я так и не добила четкого ответа от Апрата, но подозревала, что каким-то образом священник отыскал их в Малом дворце и выкрал, когда Дарклингу пришлось бежать из Равки.

Я опустила на сиденье напротив Давида. Он притащил стул и стол в самую сухую из пещер и заполнил одну из полок запасным маслом для светильников, а также травами и смесями для бальзама Жени. Обычно он корпел над какой-то формулой или что-нибудь чинил, не отрываясь от своего занятия часами, но сегодня не находил себе места – суетился с чернилами, постоянно поглядывал на карманные часы, которые выложил на стол.

Я вяло пролистывала один из журналов Морозова. От их вида уже тошнило – бесполезные, сбивающие с толку и, что важнее всего, *незавершенные*. Он описывал свои гипотезы касательно усилителей, охоту на оленя, двухгодичное путешествие на китобое в поисках морского хлыста, теории насчет жар-птицы, а затем... ничего. Либо какие-то записи отсутствовали, либо же Морозов оставил работу неоконченной.

Перспектива поисков и использования жар-птицы и без того была достаточно грандиозной. Но мысль о том, что ее может не существовать и мне придется снова сражаться с Дарклингом без нее? Думать об этом было слишком страшно, так что я просто отмахнулась от этих размышлений.

Я заставила себя переворачивать страницы. Единственным способом следить за временем были часы Давида. Не знаю, где он их откопал, как заставил работать и соответствовало ли время на них времени на поверхности, но я испепеляла циферблат взглядом и мысленно потираливая минутную стрелку, чтобы шла быстрее.

Святые стражи приходили и уходили, погруженные в изучение каких-то текстов. Они должны были проливать свет на рукописи, изучать священные писания, но я сомневалась, что их основная работа заключалась в этом. Шпионская сеть Апрата раскинулась по всей Равке, и эти люди считали своим призванием поддерживать ее, расшифровывать послания, собирать информацию, выстраивать культ новой святой. Трудно не сравнивать их с моими солнечными солдатами, большинство из которых были молодыми и неграмотными, не ведающими древних таинств, которые охраняли эти мужчины.

Когда мне окончательно осточертели каракули Морозова, я поерзала на стуле, пытаясь размять затекшую спину. Затем достала старый сборник текстов, где в основном обсуждались молитвы, но в них также описывалась версия мученичества Санкт-Ильи.

В этой Ильи представал каменщиком, а соседского мальчишку затоптала лошадь – это что-то новенькое. Обычно мальчика изрезало на кусочки плугом. Но история заканчивалась так же, как и все остальные: Ильи вернул мальчонку с того света, и за его труды жители деревни бросили мужчину в реку, предварительно сковав железными цепями. В некоторых версиях утверждалось, что он не утонул, а выплыл в море. Другие клялись, что его тело всплыло через пару дней на дальнем берегу – прекрасно сохранившись и источая аромат роз. Я выучила их все наизусть, но ни в одной не было ни словечка о жар-птице или указаний, что Два Столба – подходящее место для начала поисков.

Все наши надежды на обнаружение жар-птицы опирались на старую иллюстрацию: Санкт-Илья в цепях, окруженный оленем, морским хлыстом и жар-птицей. Позади него виднелись горы, а еще дорога и арка. Арка давно разрушилась, но я думала, что эти руины можно найти в Двух Столбах, неподалеку от поселения, где родились мы с Малом. По крайней мере, я надеялась на это. Сегодня во мне было меньше уверенности, что Ильи Морозов и Санкт-Илья – один человек. Я больше не могла читать копии «Истории Святых». Они лежали заплесневелой стопкой в дальнем углу, больше напоминая детские сказки, которые вышли из моды, чем предзнаменования некой великой судьбы.

Давид снова ухватился за часы, положил на место, опять потянулся, попутно опрокинув пузырек с чернилами и водрузив его на место дрожащими пальцами.

– Да что с тобой сегодня такое? – не выдержала я.

– Ничего, – резко ответил Давид.

Я уставилась на него.

– У тебя губа кровоточит.

Парень вытер ее рукой, но кровь снова выступила. Должно быть, он прокусил ее.

– Давид...

Он стукнул костяшками пальцев по столу, и я чуть не подпрыгнула. За мной стояли два стража. Пунктуальные и устрашающие, как всегда.

– Вот, – сказал Давид, вручая мне маленькую жестянку. Прежде чем я успела ее забрать, страж выхватил ее из рук.

– Что вы делаете? – сердито поинтересовалась я. Хотя и так знала. Ничто не передавалось между мной и другими гришами без тщательного осмотра. Для моей же безопасности, разумеется.

Святой страж меня проигнорировал. Пробежался пальцами по верху и дну жестянки, открыл ее, понюхал содержимое, изучил крышку, затем закрыл и молча вручил мне. Я вырвала жестянку из его хватки.

– Спасибо, – сухо сказала я. – И тебе, Давид.

Тот уже вернулся к своему журналу, делая вид, будто с головой ушел в чтение. Но перо сжимал так крепко, что оно едва не ломалось.

\* \* \*

Женя ждала меня в котельной – просторной, почти идеально круглой пещере, которая обеспечивала пищей всех в Белом соборе. В вогнутых стенах было устроено множество очагов – напоминание о древнем прошлом Равки – которые, как любили жаловаться повара, были далеко не такими практичными, как духовки и кафельные печи наверху. Для крупной дичи изготовили большие вертела, но в руки поваров редко попадало свежее мясо. Вместо него подавали солонину, рагу из корнеплодов и странный хлеб, изготовленный из серой муки грубого помола, который на вкус смутно напоминал вишню.

Повара почти привыкли к Жене, ну или, по крайней мере, уже не кривились и не начинали молиться при ее виде. Я обнаружила ее греющейся у очага у дальней стены котельной. Он стал нашим местом встречи, и повара каждый день оставляли там мисочку с овсянкой или супом. Когда я подошла со своим вооруженным эскортом, Женя откинула платок, и моя стража застыла. Девушка закатила единственный глаз и по-кошачьи зашипела. Те отпрянули и ретировались ко входу на кухню.

– Перебор? – поинтересовалась Женя.

– Да нет, в самый раз, – ответила я, поражаясь перемене в ней. Раз она может смеяться над реакцией этих олухов, это очень хороший знак. Мазь Давида исцеляла ее шрамы, а в остальном это была неоценимая заслуга Тамары.

На протяжении многих недель после нашего прибытия в Белый собор Женя отказывалась покидать свою комнату. Она просто лежала в темноте, не желая никуда выходить. Под пристальным вниманием стражей я говорила с ней, упрашивала, пыталась рассмешить. Но ничто не срабатывало. В итоге именно Тамара выманила ее из комнаты, требуя, чтобы Женя хотя бы научилась защищать себя.

– Какая тебе вообще разница? – пробормотала Женя, натягивая на себя одеяло.

– Никакой, – ответила Тамара. – Но если ты не можешь драться, то становишься обузой.

– Мне плевать, если меня ранят.

– А мне нет, – возразила я.

– Алине нужно следить за собственной безопасностью, – отрезала шуханка. – Она не может приглядывать и за тобой.

– Я и не просила.

– Разве не было бы чудесно, если бы мы получали только то, о чем просили? – сказала Тамара. А потом принялась щипать, трясти и попросту донимать Женю, пока та не откинула одеяло и не согласилась на одно занятие по борьбе – приватное, вдали от остальных, и чтобы только святые стражи присутствовали в качестве зрителей.

– Да я ее в лепешку размажу, – тихо пробурчала она мне. Должно быть, мой скептицизм читался на лице, поскольку Женя сдула рыжий завиток с исполосованного шрамами лба и сказала: – Ладно, тогда я дождусь, пока она заснет, а затем сделаю из ее носа пяточок.

Но она сходила на одно занятие, а затем на второе, и, насколько мне было известно, Тамара так и не проснулась ни с пяточком, ни с защитными веками.

Женя продолжала прятать лицо за платком и проводить большую часть времени у себя в комнате, но она уже не горбилась и не сторонилась людей в туннелях. Девушка сшила для себя черную шелковую повязку на глаз из подкладки старого пальто, а ее волосы значительно порыжели. Если Женя использовала свою силу, чтобы изменить цвет волос, значит, ее тщеславие частично вернулось, а значит, прогресс налицо.

– Что ж, начнем, – сказала она.

Женя села спиной к комнате, лицом к огню, и слегка надвинула платок на голову, раздвигая его края по бокам, чтобы создать ширму от посторонних глаз. Когда мы впервые это попробовали, уже через секунду на нас бросилась стража. Но увидев, что я просто наношу мазь на шрамы Жени, они предоставили нам немного пространства. Раны от ничегой Дарклинга они воспринимали как некий божественный приговор. За что – кто знает. Если преступление Жени в том, что она примкнула к Дарклингу, то большинство из нас были в этом виновны в то или иное время. А как бы они отреагировали на следы укуса на моем плече? Или на то, что я могла заставить тени извиваться?

Я достала жестянку из кармана и начала наносить бальзам на раны. У него был резкий травяной запах, от которого слезились глаза.

– Я никогда не осознавала, до чего сложно долго сидеть смирно! – пожаловалась Женя.

– А ты и не сидишь смирно. Только и делаешь, что ерзаешь.

– Чешется!

– Может, почесать тебя гвоздем? Как думаешь, это поможет снять зуд?

– Просто скажи, когда закончишь, противная девчонка! – Она пристально посмотрела на мои руки и прошептала: – Сегодня тоже не получилось?

– Пока нет. Горят только два очага, да и огонь слабый. – Я вытерла руки об грязноватое кухонное полотенце. – Все готово.

– Твоя очередь, – кивнула Женя. – Выглядишь...

– Кошмарно. Я знаю.

– Это относительное понятие.

Печаль явственно читалась в ее голосе. Я чуть не стукнула себя за бестактность.

Коснулась рукой ее щеки. Кожа между шрамами была гладкой и белой, как алебастровые стены.

– Ну я и ослица.

Уголки ее губ изогнулись. Почти в улыбке.

– Иногда бываешь. Но я сама об этом заговорила. Теперь помолчи и позволь мне выполнить свою работу.

– Ровно настолько, чтобы Апрат позволил нам и дальше здесь встречаться. Не хочу дарить ему симпатичную маленькую святую, чтобы порисоваться.

Девушка театрально вздохнула.

– Это надругательство над устоями моей веры, и позже ты мне это *компенсируешь*.

– Как?

Она склонила голову набок.

– Думаю, тебе стоит позволить мне сделать тебя рыжей.

Я закатила глаза.

– Не в этой жизни, Женя.

Пока она медленно меняла мое лицо, я крутила жестянку в руках. Попыталась приладить крышку на место, но тут какая-то ее часть высвободилась из-под мази. Я подняла ее кончиками пальцев – тонкий кусочек воощенной бумаги. Женя заметила его одновременно со мной.

На обороте неразборчивыми каракулями Давида было написано только одно слово: «сегодня».

Женя выхватила бумажку у меня из рук.

– О, ради всех святых. Алина...

Тогда-то мы и услышали топот тяжелых ботинок и какую-то возню снаружи. Котел упал на землю с громким лязгом, и одна из поварих взвизгнула, когда комната наполнилась святыми стражами с ружьями наготове и глазами, которые будто горели праведным огнем.

Апрат влетел вслед за ними в вихре коричневой робы.

– Очистить помещение! – рявкнул он.

Мы с Женей вскочили на ноги, а стражи начали грубо выпихивать поварих из кухни, пока те недоуменно возражали и испуганно вскрикивали.

– Что происходит? – требовательно спросила я.

– Алина Старкова, – сказал Апрат, – ты в опасности.

Мое сердце выпрыгивало из груди, но голос оставался спокойным.

– И что же представляет для меня опасность? – поинтересовалась я, поглядывая на котелки, кипящие в очагах. – Обед?

– Заговор! – провозгласил он, указывая на Женю. – Те, кто называют себя твоими друзьями, хотят тебя уничтожить!

Еще больше бородатых приспешников Апрата протопали через дверь позади него. Когда они выстроились в два ряда, я увидела испуганного Давида с круглыми глазами.

Женя ахнула, и я опустила руку ей на плечо, чтобы не дать ей кинуться вперед.

Следующими вошли Надя с Зоей, их руки были связаны, чтобы не могли призвать силу. Из уголка губ Нади стекала струйка крови, ее кожа побелела под веснушками. С ними был и Мал, его лицо сильно разбито. Он держался за бок и сутулился от боли, словно ему сломали ребро. Но хуже всего на меня подействовал вид стражей, охраняющих его по сторонам – Толя и Тамара. Девушке вернули ее топоры. Вообще-то, близнецы были вооружены не хуже, чем святые стражи. Они избегали встречаться со мной взглядами.

– Заприте двери, – приказал Апрат. – Мы разберемся с этой прискорбной ситуацией без свидетелей.

## Глава 2

Массивные двери котельной захлопнулись, и я услышала, как повернулся ключ в замке. Попыталась не обращать внимания на то, как мой желудок скрутило до тошноты, и вникнуть в представшую картину. Надя и Зоя – две шквальные, – Мал и Давид, безобидный фабрикатер. «Сегодня», – говорилось в записке. Что это значило?

– Я спрашиваю еще раз, священник. Что происходит? Почему мои друзья под стражей? Почему они *избиты*?

– Эти люди тебе не друзья. Мы раскрыли их замысел – они планировали обрушить Белый собор прямо на наших глазах.

– О чем вы говорите?

– Ты сама видела сегодняшнюю дерзость мальчишки...

– Так проблема в этом? Что он не трепещет в вашем присутствии?

– Проблема в измене! – Он достал из мантии небольшой холщовый мешочек и подвесил его на кончиках пальцев вытянутой руки. Я нахмурилась. Мне встречались такие мешочки в мастерской фабрикатеров. Их использовали для...

– Взрывчатое вещество, – сказал Апрат. – Изготовленное этим фабрикатерским отрепьем с помощью материалов, которые собрали твои так называемые друзья.

– Подумаешь, ну сделал Давид взрывчатое вещество. Для этого могут быть сотни причин.

– Оружие запрещено в стенах Белого собора.

Я вздернула бровь, глядя на ружья, направленные на Мала и моих гришей.

– А это что? Поварешки? Если собираетесь бросаться обвинениями...

– Нам удалось подслушать, как они обсуждают свои планы. Выйди вперед, Тамара Кир-Батар. Поведай нам правду, которую ты разузнала.

Тамара низко поклонилась.

– Гриши и следопыт хотели усыпить тебя и отнести наверх.

– Я и *хочу* вернуться наверх.

– Взрывчатое вещество нужно, чтобы убедиться, что за вами не будет погони, – продолжила она, – и чтобы обрушить пещеры на Апрата и твою паству.

– На сотни невинных людей? Мал бы ни за что так не поступил. И другие тоже. – Даже эта мерзавка Зоя. – Да и не складывается ваша теория. Как бы они меня усыпили?

Тамара кивнула на Женю и наш чай.

– Я сама его пила! – рявкнула Женя. – В него ничего не подсыпано.

– Она опытная отравительница и лгунья, – ответила Тамара ледяным тоном. – И уже предавала тебя ради Дарклинга.

Женя вцепилась пальцами в шаль. Мы обе знали, что в этих упреках есть доля правды. Я ощутила неприятное покалывание зарождающихся подозрений.

– Ты ей доверяешь, – сказала Тамара. Ее голос звучал странно. Словно она отдавала приказ, а не выносила обвинение.

– Они только и ждали, когда запасутся достаточным количеством взрывчатого порошка, – сказал Апрат. – А затем собирались нанести удар, забрать тебя наверх и сдать Дарклингу.

Я покачала головой.

– Неужели вы ждете, что я поверю, будто Мал сдал бы меня Дарклингу?

– Его обманули, – тихо отозвался Толя. – Он так отчаянно хотел тебя освободить, что стал их пешкой.

Я покосилась на Мала. По его лицу ничего невозможно было прочесть. Во мне проклюнулись первые сомнения. Я никогда бы не доверилась Зое, да и что мне по-настоящему известно о Наде? Женя... Женя вынесла так много страданий из-за Дарклинга, но их связь глубоко уко-

ренилась. На шее выступили холодные капельки пота, и я почувствовала, как паника захватывает меня, путает мысли.

– Интрига на интриге! – прошипел Апрат. – У тебя мягкое сердце, и оно тебя подвело.

– Нет, – отрезала я. – Все это какая-то бессмыслица.

– Они шпионы и обманщики!

Я прижала пальцы к вискам.

– Где мои остальные гриши?

– Их задержали для дальнейшего допроса.

– Я хочу знать, что им не причинят вред.

– Видите эту заботу о тех, кто ее предал? – спросил Апрат святых стражей. «Он наслаждается ситуацией, – осознала я. – Он ждал этого». – Вот что знаменует ее доброту, ее щедрость. – Его взгляд встретился с моим. – Некоторые *получили* травмы, но предателям обеспечат лучший уход. Только слово скажи.

Предупреждение было ясным, и я наконец поняла. Независимо от того, настоящим ли был заговор гришей или уловка, придуманная священником, он мечтал об этом моменте, возможности изолировать меня полностью. Больше никаких визитов в котельную с Женей, никаких разговоров украдкой с Давидом. Священник использует этот шанс, чтобы разлучить меня с любимым, кто был предан мне больше, чем его делу. А я слишком слаба, чтобы его остановить.

Но говорила ли Тамара правду? Может ли быть, что мои союзники – на самом деле враги? Надя повесила голову. Зоя задрала нос, ее лазурные глаза сверкали с вызовом. Было легко поверить, что одна из них или обе могли пойти против меня, отыскать Дарклинга и преподнести меня в качестве подарка, надеясь на помилование. А Давид помог бы надеть ошейник...

Могли ли они обвести Мала вокруг пальца и втянуть его в предательский заговор? Он не выглядел испуганным или обеспокоенным... нет, он выглядел как в Керамзине, когда собирався сделать что-то, что закончится для нас неприятностями. Его лицо было все в синяках, но я заметила, как он выпрямился. А затем поднял взгляд, будто к небу, как если бы молился. Но я-то хорошо его знала. Мал никогда не был религиозным. Он смотрел на дымоход.

*Интрига на интриге.* Нервозность Давида. Слова Тамары. «Ты ей доверяешь».

– Отпустите их, – приказала я.

Апрат покачал головой, его лицо было полно печали.

– Наша святая ослаблена теми, кто клялся ей в любви. Посмотрите, какая она хрупкая, болезненная. Всему виной их пагубное влияние. – Некоторые из святых стражей закивали, и я заметила странный фанатичный блеск в их глазах. – Не стоит забывать, что она не только святая, но и юная девушка, управляемая эмоциями. Она не понимает, какие силы орудуют здесь.

– Я понимаю, что вы сбились с пути, священник.

Апрат одарил меня жалостливой, снисходительной улыбкой.

– Ты больна, Санкта-Алина. Ты не в своем уме. Не можешь отличить друга от врага.

«Как типично для этого места», – мрачно подумала я. Сделала глубокий вдох. Пришло время делать выбор. Мне нужно кому-то довериться, но точно не Апрату – человеку, который предал собственного короля, затем Дарклинга, и который с радостью организовал бы мое мученичество, если бы это послужило его целям.

– Вы отпустите их, – повторила я. – Второй раз предупреждать не стану.

Его губы растянулись в ухмылке. За жалостью крылось высокомерие. Он прекрасно понимал, какая я слабая. Оставалось надеяться, что остальные знают, что делают.

– Тебя сопровождают в твои покои, чтобы ты провела день в уединении, – ответил Апрат. – Ты обдумашь все произошедшее, и к тебе вернется здравый смысл. Сегодня мы вместе помолимся о наставлениях.

Почему мне кажется, что под «наставлениями» подразумевалось местонахождение жар-птицы и любые возможные сведения, которые у меня имелись, о Николае Ланцове?

– А если откажусь? – спросила я, оглядывая святую стражу. – Осмелятся ли ваши солдаты поднять оружие против своей святой?

– Тебя никто не тронет. Мы тебя защитим, Санта-Алина, – сказал Апат. – Но я не могу оказать ту же любезность тем, кого ты называешь друзьями.

Очередные угрозы. Я всмотрелась в лица стражей, в их горящие глаза. Они убьют Мала, убьют Женю, запрут меня в комнате, и при этом назовут свои поступки праведными.

Я сделала шаг назад. Знала, что Апат истолкует это как признак слабости.

– Вы знаете, почему я прихожу сюда, священник?

Тот отмахнулся, не скрывая своего нетерпения.

– Это место напоминает тебе о доме.

Я на секунду встретилась взглядом с Малом.

– Вам давно стоило бы понять... у сироты нет дома.

Пошевелила пальцами в рукавах. По стенам котельной поползли тени. Маленькая уловка, чтобы отвлечь их, но этого хватило. Святые стражи вздрогнули, бешено размахивая винтовками, а их пленники-гриши удивленно отпрянули. Мал не мешкал.

– Сейчас! – заорал он. Затем рванул вперед, выхватывая взрывчатый порошок из рук Апата.

Толя взмахнул кулаками. Двое стражей повалились на пол, хватаясь за грудь. Надя и Зоя подняли руки, а Тамара повернулась, рассекая топорами их веревки. Обе шквальные приготовились к атаке, и по комнате пронесся ветер, поднимая сор с земли.

– Схватить их! – крикнул Апат. Стражи опомнились и начали действовать.

Мал подкинул мешочек с порошком в воздух. Надя и Зоя подняли его выше, к дымоходу.

Мал накинулся на одного из стражей. Должно быть, он притворялся, что у него сломано ребро, так как теперь в его движениях не было ничего осторожного. Удар кулаком, замах локтем – и страж повергнут. Мал схватил его пистолет и прицелился вверх, в дымоход, во тьму.

Это их план? Никто не может попасть с такого расстояния.

Еще один страж наскочил на Мала. Тот увернулся и выстрелил.

На секунду воцарилась тишина, а затем, среди напряженного молчания, высоко над нами я услышала приглушенный взрыв.

В нашу сторону понесся рев. Из дымохода вылетело облако сажи и щебня.

– Надя! – воскликнула Зоя, сцепившись со стражем.

Надя взмахнула руками, и облако замерло, скрутилось и приняло форму вихрящейся колонны. Затем отлетело и рухнуло на пол безвредной кучкой гальки и грязи.

Я воспринимала все как в тумане – борьба, гневные крики Апата, пожар от возгорания жира, начавшийся у дальней стены.

Мы с Женей приходили на кухню лишь по одной причине: очаги. Не ради тепла или любого намека на уют, а потому что каждый из этих древних очагов выходил к главному дымоходу. А тот, в свою очередь, был единственным местом в Белом соборе с прямым доступом на поверхность. Прямым доступом к солнцу.

– Стреляйте в них! – крикнул Апат святым стражам. – Они пытаются убить нашу святую! Они убьют нас всех!

Я приходила сюда каждый день, надеясь, что повара разожгут как можно больше очагов, и дымоход откроют полностью. Пыталась призывать свет, прячась от святой стражи за платком Жени и пользуясь их суеверным страхом. Но я терпела неудачу раз за разом. Теперь же Мал подорвал дымоход и открыл его. Мне оставалось только призвать свет и молиться, что он ответит.

Я чувствовала его, в милях надо мной – еле различимый, словно тихий шепот. Меня охватила паника. Расстояние слишком велико. С моей стороны было глупо надеяться.

И вдруг показалось, будто что-то внутри меня поднялось и потянулось, как животное, залежавшееся в спячке. Его мышцы ослабли от бездействия, но оно по-прежнему там, ждет. Я позвала, и свет откликнулся, усиленный мощью рогов на моей шее и чешуек на запястье. Он стремился ко мне, нетерпеливо и радостно.

Я улыбнулась Апрату, позволив ликованию наполнить меня.

– Как человеку, столь одержимому священным огнем, вам стоит обращать больше внимания на дым.

Свет пронзил меня и затопил всю комнату ослепительным каскадом, который озарил почти комичное выражение потрясения на лице Апрата. Святые стражи вскинули руки, зажав глаза от яркого сияния.

Со светом пришло и облегчение, ощущение правильности и целостности, которого я не испытывала месяцами. Какая-то часть меня искренне боялась, что я никогда не восстановлюсь полностью. Что, используя скверну в своей борьбе с Дарклингом, осмелившись создать теневых солдат и посягнуть на творение в сердце мира, каким-то образом я утратила этот дар. Но теперь мое тело оживало, клетки восстанавливались. Сила текла в моей крови и вибрировала в костях.

Апрат быстро пришел в себя.

– Спасите ее! – взывал он. – Спасите от предателей!

Некоторые стражи выглядели сбитыми с толку, другие испуганными, но двое шагнули вперед, чтобы выполнить его приказ, наставив сабли на Надю и Зою.

Я заточила свою силу в сверкающую косу, почувствовала мощь разреза в руках.

Тут передо мной прыгнул Мал. Я едва успела остановиться. Дрожь от сдерживаемой силы пронеслась по моему телу, и сердце пропустило удар.

Мал выхватил меч и, сверкнув лезвием, проткнул одного стража, а затем и другого. Они повалились, как подкошенные.

Еще двое кинулись в атаку, но Толя с Тамарой тут же их остановили. Давид подбежал к Жене. Надя и Зоя подкинули очередного бойца в воздух. Я видела других стражей по периметру, поднимающих ружья, чтобы открыть огонь.

Ярость пульсировала во мне, но я попыталась ее обуздать. «Довольно, – сказала я себе. – Хватит смертей на сегодня». Метнула разрез огненной дугой. Тот прошел сквозь длинный стол и проделал в земле перед святыми стражами темную зияющую траншею на кухонном полу. Как глубока она была – неизвестно.

На лице Апрата был написан ужас – ужас и что-то, что вполне можно было трактовать как восторг. Стражи пали на колени, и через секунду священник последовал их примеру. Одни заплакали, другие начали читать молитвы. За кухонными дверями раздался стук кулаков и крики: «Санкта! Санкта!»

Меня порадовало, что они зывали ко мне, а не к Апрату. Я опустила руки, и свет погас. Мне не хотелось его отпускать. Посмотрела на тела поверженных стражей. У одного в бороду набились опилки. Я чуть не стала человеком, положившим конец его жизни.

Я призвала слабый свет и заставила его гореть теплым ореолом вокруг себя. Нужно быть осторожной. Сила меня подпитывала, но я слишком долго жила без нее. Мое ослабшее тело с трудом удерживало ее, и я не знала, где мои границы. И все же я месяцами находилась под контролем Апрата, другой такой возможности уже не представится.

Вокруг мертвых мужчин собирались лужи крови, за дверями котельной ожидала толпа. В голове зазвучал голос Николая: «Люди любят зрелище». Спектакль еще не окончен.

Я вышла вперед, осторожно обходя собственноручно проделанную траншею, и встала перед одним из стражей, преклонивших колено.

Он был моложе остальных – борода только начала отрастать; он потупил взгляд в пол и бормотал молитвы. Я услышала не только свое имя, но и имена настоящих святых, произнесенные так быстро, словно это было одно слово. Когда я прикоснулась к его плечу, юноша закрыл глаза, и по его щекам потекли слезы.

– Пожалуйста, простите меня, – сказал он. – Простите меня.

– Взгляни на меня, – нежно произнесла я.

Он заставил себя поднять голову. Я ласково, как мать, взяла его лицо в свои руки, хотя он едва ли был старше меня.

– Как тебя зовут?

– Владим... Владим Озваль.

– Иногда полезно сомневаться в святых, Владим. И в людях тоже.

Он, содрогнувшись, кивнул, и из его глаз покатились новые слезы.

– Мои воины носят мой символ, – сказала я, подразумевая татуировки солнечных солдат. – До сегодняшнего дня вы отделяли себя от них, уходя с головой в книги и молитвы, вместо того чтобы слушать свой народ. Будешь ли ты носить мой символ теперь?

– Да, – пылко прошептал юноша.

– Клянешься ли в верности мне и только мне?

– С радостью! – воскликнул он. – Солнечная королева!

У меня скрутило живот. Часть меня ненавидела то, что я собиралась сделать. Нельзя ли просто заставить его что-то подписать? Дать кровную клятву? Твердое обещание? Но мне нужно быть сильнее этого. Этот юноша и его товарищи ополчились против меня. Нельзя позволить, чтобы это случилось вновь. Это язык святых и страданий, язык, который они понимают.

– Расстегни рубаху, – приказала я. Уже не любящая мать и совсем другая святая – воин, орудующий священным огнем.

Солдат не мешкая завопил с пуговицами. Распахнул рубашку, обнажая грудь. Я устала и все еще чувствовала себя слабой. Нужно сосредоточиться. Мне хотелось сделать отметину, а не убить его.

Я почувствовала свет в своей руке. Прижала ладонь к гладкой коже над его сердцем, и выпустила импульс. Владим вздрогнул от прикосновения, обжигающего его плоть, но не закричал. Его глаза расширились и смотрели не моргая, лицо выражало восхищение. Когда я отняла руку, на его груди воспаленно пульсировал отпечаток моей ладони.

«Неплохо, – мрачно подумала я, – для первого опыта по нанесению увечий человеку».

Я отпустила силу, радуясь окончанию представления.

– Готово.

Владим посмотрел на свою грудь, и его лицо расплылось в блаженной улыбке. «У него есть ямочки, – осознала я, вздрагивая. – Ямочки и отвратительный шрам, который останется с ним на всю жизнь».

– Спасибо, Солнечная королева.

– Встань, – приказала я.

Он поднялся, не прекращая счастливо улыбаться, по его щекам все еще текли слезы.

Апрат зашевелился, будто решил встать.

– Не двигайтесь! – рыкнула я, снова приходя в ярость. Это он виноват, что мне пришлось заклеить юношу. Это он виноват, что двое мужчин мертвы и их кровь собирается в лужу, в которой плавают шелуха от лука и морковная стружка.

Я посмотрела на него сверху вниз. Ощутила соблазн лишить его жизни, избавиться от него навсегда. Это было бы очень глупо. Я впечатлила нескольких солдат, но если убить Апрата, кто знает, какой тогда воцарится хаос. «Но ты этого хочешь», – отозвался голос в моей голове. Отплатить за месяцы под землей, за страх и угрозы, за каждый день, потерянный впустую, в то время как я могла бы охотиться на жар-птицу и мстить Дарклингу.

Должно быть, он прочел это намерение в моих глазах.

– Санкта-Алина, я просто хотел защитить тебя, чтобы ты снова стала здоровой, – залезил он.

– Тогда считайте, что ваши молитвы услышаны. – Такого лжеца еще поискать. Последнее слово, которым я решила бы себя описать, это «здоровая». – Священник, вы обеспечите убежищем всех, кто его ищет, а не только тех, кто поклоняется солнечной святой.

Он помотал головой.

– Безопасность Белого собора...

– Если не здесь, то где-то еще. Разберитесь с этим.

Он тяжело вздохнул.

– Разумеется.

– И мы больше не будем забирать детей в солдаты.

– Если верующие хотят сражаться...

– Вы на коленях, – заметила я. – Это не переговоры.

Он поджал губы, но через секунду покорно склонил голову.

Я осмотрелась.

– Вы все свидетели моих распоряжений. – Затем повернулась к одному из стражей. – Дай мне свое ружье.

Он отдал его без колебаний. Я с удовольствием отметила, как глаза Апрата округлились от ужаса, но я просто передала оружие Жене, а затем потребовала саблю для Давида, хотя знала, что тому от нее мало пользы. Зоя и Надя были готовы призвать силу, а Мал и близнецы уже хорошо вооружены.

– Встаньте, – сказала я Апрату. – Давайте объединимся во имя достижения мира. Сегодня мы стали свидетелями чуда.

Он поднялся, и я обняла его, шепча на ухо:

– Вы благословите нашу миссию и будете следовать моим приказам. Или я разрежу вас пополам и брошу по частям в Каньон. Все понятно?

Священник сглотнул и кивнул.

Мне было необходимо время, чтобы все обдумать, но его не хватало. Пришла пора открыть двери и объяснить людям смерть стражей и взрыв.

– Позаботьтесь о своих павших, – сказала я одному из святых стражей. – Мы понесем их с собой. У них... есть семьи?

– Мы – их семья, – ответил Владим.

Я обратилась к остальным:

– Соберите верующих со всего Белого собора и приведите в главную пещеру. Я буду говорить с ними через час. Владим, как только мы выйдем из котельной, освободи других гришей и приведи в мои покои.

Он коснулся клейма на груди, будто отсалютовав.

– Санкта-Алина.

Я глянула на помятое лицо Мала.

– Женя, приведи его в порядок. Надя...

– Я все сделаю, – вставила Тамара, уже вытирая кровь с губы Нади полотенцем, которое окунула в котелок, полный кипяченой воды. – Прости за это, – сказала она девушке.

Надя улыбнулась.

– Все должно было выглядеть правдоподобно. К тому же я еще верну должок.

– Посмотрим, – ответила Тамара.

Я оглядела других гришей в их потрепанных кафтанах. Впечатлить своим парадом мы не сможем.

– Толя, Тамара, Мал, вы пойдете со мной и Апратом. – Я понизила голос. – Постарайтесь держаться уверенно и... властно.

– У меня вопрос... – начала Зоя.

– У меня их сотни, но они подождут. Я не хочу, чтобы толпа начала бесноваться.

Я посмотрела на Апрата. Почувствовала мрачное желание унижить его, заставить ползать передо мной за долгие недели гнета под землей. Низкая, глупая мысль. Может, это и доставит мне жалкое удовольствие, но какой ценой? Я глубоко вдохнула и сказала:

– Я хочу, чтобы вы смешались со святой стражей. Это будет свидетельствовать об альянсе.

Мы собрались перед дверями. Апрат и я во главе процессии, гриши и святая стража выстроились сзади, тела павших понесли их братья.

– Владим, – обратилась я, – открой двери.

Когда тот начал отпирать замок, Мал занял его место рядом со мной.

– Откуда ты знал, что я смогу призвать свет? – спросила я себе под нос.

Он посмотрел на меня, и его губ коснулась легкая улыбка.

– Я верил.

## Глава 3

Двери распахнулись. Я вскинула руки и позволила яркому свету озарить проход. Люди, заполонившие туннель, вскрикнули. Те, кто еще не успел преклониться, пали на колени, и хор молитв захлестнул меня.

– Говорите, – пробормотала я Апрату, окуная молящихся в сияющий солнечный свет. – И хорошенько постарайтесь.

– Сегодня мы столкнулись с великим испытанием, – спешно заявил он. – И наша святая вышла из него сильнее, чем прежде. В это священное место явилась тьма.

– Я все видел! – крикнул один из святых стражей. – По стенам поползли тени...

– Кстати об этом... – пробурчал Мал.

– Позже.

– Но мы их победили, – продолжил Апрат, – и всегда будем побеждать. С помощью веры! Я шагнула вперед.

– И могущества.

И вновь я позволила свету промчаться по проходу ослепляющим каскадом. Большинство людей никогда не видели, на что я способна. Кто-то рыдал, кто-то выкрикивал мое имя, утопающее среди восклицаний: «Санкта! Санкта!»

Пока я вела Апрата и святую стражу по Белому собору, мой разум лихорадочно работал, перебирая варианты. Владим шел впереди нас, чтобы проконтролировать, что мои указы четко выполняются.

Наконец нам представилась возможность выбраться из этого места. Но что будет, если мы действительно покинем Белый собор? Я брошу свою армию и оставлю их на попечение Апрата. И все же выбора у нас не оставалось. Мне необходимо попасть на поверхность. Мне нужна жар-птица.

Мал отправил Тамару собирать остальных солнечных солдат и искать дополнительное огнестрельное оружие. Мой контроль над святой стражей в лучшем случае можно назвать шатким. Если случится беда, было бы хорошо иметь при себе ружья. Оставалось только надеяться, что на преданность солнечных солдат можно положиться.

Я лично проводила Апрата в его покои, Мал и Толя следовали за нами.

У двери сказала:

– Через час мы вместе проведем службу. Сегодня мы с гришами уйдем, и вы позволите нам взойти наверх.

– Солнечная королева, – прошептал Апрат, – я настоятельно прошу не возвращаться так скоро на поверхность. Положение у Дарклинга очень шаткое. У мальчишки Ланцова по-прежнему есть несколько союзников...

– Я – его союзник.

– Он бросил тебя в Малом дворце.

– Он *пытался выжить*, священник. Вам ли его не понять.

Николай планировал увезти свою семью и Багру в безопасное место, а потом вернуться к борьбе. Я надеялась, что он преуспел, и слухи о хаосе на северной границе – правда.

– Пусть они ослабят друг друга, а потом посмотрим, куда подует ветер...

– Я обязана Николаю Ланцову гораздо большим.

– Так тобой движет преданность? Или алчность? – не отступал Апрат. – Усилители ждали бесчисленное количество лет, чтобы воссоединиться, а ты не можешь подождать еще пару месяцев?

При мысли об этом я стиснула зубы. Я не знала, что мною движет: жажда отмщения или что-то более возвышенное, потребность в жар-птице или дружба с Николаем. Но, по сути, это не имело значения.

– Это и моя война, – сказала я. – Я не стану прятаться, как ящерица под камнем.

– Умоляю, прислушайся к моим словам. Я всегда служил тебе только верой и правдой.

– Так же как королю? И Дарклингу?

– Я – голос народа. Он не выбирал королями ни Ланцовых, ни Дарклинга. Но он выбрал тебя своей святой и полюбит в качестве королевы.

Эти слова не вызвали во мне ничего, кроме усталости.

Я оглянулась через плечо на Мала с Толей, ожидающих в почтительном отдалении.

– Вы в это верите? – спросила я священника. Вопрос преследовал меня с тех пор, как я впервые услышала, что он основал культ. – Вы действительно считаете меня святой?

– Не важно, во что я верю, – ответил он. – Этого-то ты никогда и не понимала. Ты знаешь, что во *Фьерде* начали строить для тебя алтари? Во *Фьерде*, где гришей сжигают на кострах! Между страхом и почитанием существует очень тонкая грань, Алина Старкова. Я могу ее передвинуть. Этот дар я тебе и предлагаю.

– Он мне не нужен.

– Но ты его получишь. Люди сражаются за Равку, потому что король им приказывает, потому что их жалованье не дает умереть с голоду их семьям, потому что у них нет выбора. За тебя же будут сражаться потому, что для них ты – спасение. Ради тебя будут голодать, отдадут свою жизнь и жизни своих детей. Они бесстрашно пойдут на войну и умрут с радостью. Нет более великой силы, чем вера, и не будет более великой армии, чем та, которой она движет.

– Вера не защитила ваших солдат от ничегой. Фанатизм тут не поможет.

– Ты видишь только войну, а я вижу будущий мир. Вера не знает границ или национальностей. Любовь к тебе пустила корни во *Фьерде*. За ней последуют Шухан и Керчия. Наши люди пойдут дальше и будут проповедовать слово твое, не только в Равке, но и во всем мире. Это – наш путь к умиротворению, Санкта-Алина. Через тебя.

– Цена слишком высока.

– Война – плата за перемены.

– И платят ее обычные люди, такие же простолюдины, как я. Но не такие, как вы.

– Мы...

Я подняла руку, чтобы он замолчал. Подумала о том, как Дарклинг уничтожил целый город, о том, как брат Николая, Василий, приказал снизить призывной возраст. Апат утверждал, что говорит от имени народа, но он ничем не отличался от остальных.

– Берегите их, священник, – эту паству, эту армию. Кормите их. Не уродуйте лица детям и не давайте им оружия. Об остальном позабочусь я.

– Санкта-Алина...

Я открыла дверь в его комнату.

– Скоро мы вместе помолимся. Но мне кажется, что вам не помешает начать пораньше.

\* \* \*

Мы с Малом заперли Апрата в комнате и приставили Толю охранять его – с четкими указаниями проследить, чтобы дверь не открывали и никто не прерывал молитвы священника.

Я подозревала, что скоро Апат вернет святую стражу и, возможно, даже Владима под свой контроль. Но мы нуждались всего лишь в небольшой форе. Ему повезло, что я не посадила его во влажный угол в архиве.

Когда мы наконец дошли до моей комнаты, я обнаружила, что тесное белое помещение заполнено гришами, а Владим ждет у двери. Моя спальня была чуть ли не самой большой в

Белом соборе, но двенадцать человек все равно помещались в ней с трудом. Все выглядели не так уж и плохо. Губа Нади опухла, а Максим обрабатывал порез над глазом Стигга. Мы впервые смогли собраться под землей, и было что-то утешающее в созерцании гришей, столпившихся вместе и разместившихся на скудной мебели.

Но Мал, похоже, был не согласен.

– С тем же успехом мы можем путешествовать с бродячими артистами, – проворчал он себе под нос.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил Сергей, как только я отпустила Владима. – Я спокойно сидел в лазарете с Максимом, как вдруг меня затолкали в клетку! – Он шагнул назад. Его кожа блестела от пота, под глазами пролегли темные круги.

– Успокойся, – сказала Тамара. – Ты уже не за решеткой.

– Велика разница. Мы все равно заперты. А этот ублюдок просто ищет возможность избавиться от нас.

– Если хочешь выйти из пещер, то у тебя появился такой шанс, – сказала я. – Мы уходим. Сегодня.

– Как? – спросил Стигг.

Вместо того чтобы ответить, я позволила яркому солнечному свету на секунду вспыхнуть на моей ладони – в доказательство, что во мне снова загорелась сила, – даже несмотря на то, что этот небольшой жест требовал больше усилий, чем могло показаться.

Комната наполнилась свистом и ликующими криками.

– Да-да, – сказала Зоя. – Заклинательница Солнца снова может заклинать. Всего-то потребовалась пара смертей и небольшой взрыв.

– Вы что-то подорвали? – жалобно протянул Хэршоу. – Без меня?

Он стоял у стены рядом со Стиггом. Двое инфернов были удивительно разными: более не похожих друг на друга людей трудно найти. Стигг был низеньким, коренастым и с почти белыми волосами. Выглядел он таким же плотным и твердым, как молитвенная свеча. Хэршоу же был высоким и долговязым, с волосами рыжее, чем у Жени, почти кроваво-красного цвета. Каким-то образом в недра Белого собора пробралась костлявая рыжая кошка и прониклась к Хэршоу симпатией. Она следовала за ним повсюду, мелькала между его ног или сидела у него на плече.

– И все-таки, *откуда* вы взяли взрывчатый порошок? – спросила я, садясь рядом с Надей и ее братом на край кровати.

– Я изготовил его, пока якобы делал мазь, – объяснил Давид. – Как и сказал Апат.

– Прямо под носом у святой стражи?

– Не то чтобы они разбираются в Малой науке.

– Ну, раз тебя поймали, значит, кто-то да разбирается.

– Не совсем, – встрял Мал. Он встал у двери вместе с Тamarой, и каждый из них приглядывал за коридором.

– Давид знал о нашей встрече в котельной, – сказала Женя, – и угадал насчет дымохода. Юноша нахмурился.

– Я не гадаю.

– Но порошок было невозможно вынести из архива, когда стражи постоянно нас обыскивают.

Тамара ухмыльнулась.

– Поэтому мы сделали так, что Апат лично его принес.

Я изумленно уставилась на них.

– Вы специально попались?

– Как оказалось, самый быстрый способ назначить встречу – быть арестованными, – сказала Зоя.

– Вы хоть понимаете, как вы рисковали?

– Вيني Оретцева, – Зоя шмыгнула носом. – Это его представление о гениальном плане.

– Но он же *сработал*, – возразила Женя.

Мал пожал плечом.

– Как Сергей и сказал, Апарат ждал возможности вывести нас из игры. Я решил ее предоставить.

– Единственное, чего мы не знали, это когда ты появишься в котельной, – сказала Надя. – Когда ты ушла из архива, Давид сделал вид, что забыл что-то у себя в комнате, и прошел мимо тренировочного зала, чтобы подать нам сигнал. Мы знали, что Апарат поверит Толе с Тамарой, так что они слегка нас помяли...

– Не слегка, – вставил Мал.

– А потом заявили, будто раскрыли коварный план с участием нескольких злокозненных гришей и одного очень легковерного следопыта.

Мал с насмешкой отсалютовал.

– Я боялась, что он настоит на том, чтобы отправить всех в камеры, – сказала Тамара. – Поэтому мы сказали, что ты в большой опасности, и нам нужно немедленно бежать в котельную.

Надя улыбнулась.

– А потом просто надеялись, что кухня на нас не обрушится.

Давид нахмурился пуще прежнего.

– Это был контролируемый взрыв. Вероятность того, что структура пещеры выдержит, была значительно выше среднего.

– Ах, выше среднего, – протянула Женя. – Что ж ты сразу не сказал?

– Сказал, только что.

– А как же те тени на стене? – спросила Зоя. – Кто это сделал?

Я напряглась, не зная, что ответить.

– Я, – сказал Мал. – Мы подстроили их, чтобы отвлечь внимание.

Сергей зашагал по комнате, хрустя костяшками пальцев.

– Вам стоило рассказать нам об этом плане. Мы заслуживали предупреждения.

– Могли бы хоть дать мне что-нибудь подорвать, – добавил Хэршоу.

Зоя жеманно пожала плечами.

– Мне так жаль, что вы чувствуете себя отвергнутыми. И не важно, что за нами пристально следили и лишь чудом не рассекретили. Нам определенно нужно было поставить под угрозу всю операцию, чтобы пощадить ваши чувства.

Я прочистила горло.

– Меньше чем через час я проведу службу с Апаратом. Мы уйдем сразу после этого, и мне нужно знать, кто со мной.

– Есть хоть какой-нибудь шанс, что ты расскажешь нам, где третий усилитель? – поинтересовалась Зоя. Пока только я, близнецы и Мал знали, где мы надеялись обнаружить жарптицу. «И Николай», – напомнила я себе. Николай тоже знает – если он еще жив.

Мал покачал головой.

– Чем меньше вы знаете, тем безопаснее.

– Значит, вы даже не скажете, куда мы направимся? – недовольно спросил Сергей.

– Не совсем. Мы попытаемся связаться с Николаем Ланцовым.

– Думаю, нам нужно искать его в Раевости, – сказала Тамара.

– В речных городах? – удивилась я. – Почему?

– У Штурмхонда были контрабандные пути по всей Равке. Возможно, Николай использует их, чтобы ввозить оружие в страну. – Кому знать, как не Тамаре. Они с Толей были доверенными членами команды Штурмхонда. – Если слухи – правда, и он обосновался где-то на севере, тогда есть большая вероятность, что точка высадки неподалеку от Раевости активна.

– Много домыслов и мало фактов, – заметил Хэршоу.

Мал кивнул.

– Верно. Но это наша лучшая зацепка.

– А если это тупик? – спросил Сергей.

– Мы разделимся, – ответил Мал. – Найдем вам убежище, чтобы залечь на дно, а потом я поведу группу на поиски жар-птицы.

– Вы вольны остаться здесь, – сказала я остальным. – Я знаю, что паломники не особо дружелюбны к гришам, но после сегодняшнего дня, уверена, их отношение изменится. Но если нас поймают наверху...

– Дарклинг не очень добр к предателям, – тихо закончила Женя.

Все смущенно заерзали, но я заставила себя встретиться с ней взглядом.

– Да, не очень.

– На мне он уже отыгрался, – ответила она. – Я иду с вами.

Зоя разгладила складку на рукаве кафтана.

– Без тебя мы пойдем быстрее.

– Не волнуйся, я поспею, – парировала Женя.

– Уж постарайся, – сказал Мал. – Мы вступим на территорию, кишашую ополченцами, не говоря уж об опричниках Дарклинга. Ты довольно узнаваема. Как и Толя, раз уж на то пошло.

Губы Тамары дрогнули в улыбке.

– Хочешь лично ему заявить, что он не может пойти?

Мал призадумался.

– Может, нам удастся замаскировать его под очень крупное дерево.

Адрик так быстро подскочил на ноги, что чуть не столкнул меня с кровати.

– Увидимся через час, – объявил он, словно бросая вызов любому, кто пожелает поспорить. Когда мальчик вышел из комнаты, Надя пожалала плечами. Адрик ненамного моложе нас, но, быть может, из-за того, что он младший брат Нади, он всегда искал способ проявить себя.

– Ну, я тоже пойду с вами, – сказала Зоя. – Здешняя сырость не идет на пользу моим волосам.

Хэршоу встал и отошел от стены.

– Я бы предпочел остаться, – сказал он, зевая. – Но Накошка требует, чтобы мы пошли. – Он водрузил животное себе на плечо одной рукой.

– Ты когда-нибудь дашь ей нормальное имя? – поинтересовалась Зоя.

– Я и дал.

– «Накошка» – это не имя. Это просто «кошка» на каэльском.

– Но ей подходит, не так ли?

Девушка закатила глаза и протанцевала за дверь. За ней последовали Хэршоу и Стигг, который вежливо поклонился и сказал:

– Я буду готов.

Остальные тоже разошлись. Я подозревала, что Давид предпочел бы остаться в уединении в Белом соборе, окружив себя записями Морозова. Но он наш единственный фабрикант, и если нам все же удастся обнаружить жар-птицу, то потребуются его помощь, чтобы изготовить вторую окову. Надя выглядела обрадованной, что предстоит идти с братом, но на выходе ухмыльнулась Тамаре. Я догадывалась, что Максим выберет остаться в лазарете, и не ошиблась. Может, у меня получится уговорить Владимира и других святых стражей подать пример пилигримам и извлечь выгоду из целительских умений Максима.

Единственным, кто меня удивил, был Сергей. Хоть в Белом соборе было убого, сыро и скучно, тут также было относительно безопасно. Как бы Сергей ни стремился вырваться из хватки Апрата, я сомневалась, что он захочет рисковать с нами на поверхности. Но он просто

коротко кивнул и сказал: «Я буду там». Возможно, нам всем отчаянно хотелось увидеть голубое небо и снова почувствовать себя свободными, несмотря на все опасности.

Когда все ушли, Мал вздохнул.

– Что ж, попытаться стоило.

– Все эти разговоры об ополченцах, – меня вдруг осенило. – Ты пытался запугать их.

– Двенадцать – это слишком много. Такая большая группа замедлит нас в туннелях, а на поверхности увеличит риск. Как только появится возможность, нужно будет разделиться. Я ни за что не поведу дюжину гришей в южные горы.

– Хорошо, – кивнула я. – Если, конечно, нам удастся найти им убежище.

– Нелегкая задача, но мы справимся, – он направился к двери. – Я вернусь через полчаса, чтобы отвести тебя в главную пещеру.

– Мал, – позвала я, – почему ты встрял между мной и святыми стражами?

Он пожал плечами.

– Они не первые, кого я убил. И не последние.

– Ты не дал мне использовать разрез на них.

Он не смотрел на меня, когда ответил:

– Однажды ты станешь королевой, Алина. Чем меньше крови на твоих руках, тем лучше.

Слово «королева» так легко сорвалось с его уст.

– Похоже, ты не сомневаешься, что мы найдем Николая.

– Я уверен, что мы найдем жар-птицу.

– Мне нужна армия. Жар-птицы может оказаться недостаточно, – я потеряла глаза. – Не факт, что Николай вообще в Равке.

– Отчеты с севера...

– Могут быть ложью, распространяемой Дарклингом. «Принц Воздуха» вполне может быть мифом, придуманным для того, чтобы выманить нас из укрытия. Есть вероятность, что Николай не выбрался из Большого дворца. – Мне было больно это произносить, но я заставила себя выдать следующие слова: – Возможно, он мертв.

– Ты в это веришь?

– Не знаю.

– Если кто и мог оттуда сбежать, то это Николай.

Слишком умный лис. С тех пор, как он скинул свое обличье Штурмхонда, именно таким я его и видела – всегда что-то замышляет, всегда затевает интриги. Но Николай не предугадал предательства своего брата. Не предвидел прихода Дарклинга.

– Ладно, – сказала я, стыдясь дрожи в голосе. – Ты не спросил меня о тенях.

– А должен?

Я не могла устоять. Может, мне хотелось увидеть его реакцию. Я сжала кулаки, и из углов полились тени.

Мал проследил за их передвижением. Чего я от него ожидала? Страх? Злости?

– А что-то большее ты можешь делать с их помощью? – поинтересовался он.

– Нет. Это просто остатки того, что я сделала в часовне.

– Имеешь в виду то, как ты спасла наши жизни?

Я отпустила тени и сжала переносицу пальцами, пытаясь бороться с приступом головокружения.

– Имею в виду скверну. Это ненастоящая сила. Просто карнавальный фокус.

– Это то, что ты взяла от него, – ответил Мал. Вряд ли мне послышалось неудовольствие в его голосе. – Я никому не расскажу, но не стоит скрывать эту силу от остальных.

Об этом можно побеспокоиться позже.

– Что, если Николай и его люди не в Раевости?

– Думаешь, я могу выследить огромную мифическую птицу, но не смогу найти горластого принца?

– Принца, которому удавалось месяцами скрываться от Дарклинга.

Мал окинул меня изучающим взглядом.

– Алина, ты знаешь, как мне удался тот выстрел? В котельной?

– Если ты сейчас скажешь, что ты просто очень хорош, я сниму ботинок и побью тебя.

– Что ж, я действительно очень хорош, – он слабо улыбнулся. – Но я попросил Давида спрятать жука в мешочек.

– Зачем?

– Чтобы было легче прицелиться. Мне всего-то понадобилось выследить его.

Мои брови подскочили вверх.

– Вот *это* и вправду впечатляющий фокус.

Мал пожал плечами.

– Единственный в моем арсенале. Если Николай жив, мы его найдем. – Он замолчал, а потом добавил: – Я больше не подведу тебя. – Мал повернулся к двери, но прежде чем ее закрыть, сказал: – Попробуй отдохнуть. Если понадобится, я буду снаружи.

Я стояла, не двигаясь, какое-то время. Хотелось сказать, что он не подвел меня, но это не совсем правда. Я врала ему о видениях, которые меня преследовали. Он оттолкнул меня, когда я нуждалась в нем больше всего. Может, мы оба требовали друг от друга слишком многого. Справедливо или нет, но я чувствовала, будто Мал повернулся ко мне спиной, и часть меня злилась на него за это.

Я осмотрела опустевшую комнату. Я смутилась, когда обнаружила в ней так много людей разом. Что я знала о каждом из них? Хэршоу и Стигт на пару лет старше остальных – гриши, которые прибыли в Малый дворец после того, как услышали о возвращении заклинательницы Солнца. Мне они почти незнакомы. Близнецы верили, что я одарена божественной силой. Зоя следовала за мной без особого желания. Сергей был сам не свой, и я знала, что он наверняка винит меня в смерти Марии. Надя, вероятно, тоже. Она скорбит тихо, но они были лучшими подругами.

И Мал. Полагаю, можно сказать, что мы пришли к согласию, но далось оно нелегко. Или же мы просто смирились с моим будущим, в котором наши дороги неминуемо разойдутся. «Однажды ты станешь королевой, Алина».

Я понимала, что нужно хотя бы попытаться подремать пару минут, но моя голова отказывалась отключаться. Тело пульсировало от силы и требовало продолжения.

Я глянула на дверь, жалея, что она не запирается. Хотелось кое-что испробовать. Я уже предпринимала такие попытки несколько раз, но все заканчивалось только головной болью. Это опасно, даже глупо, но теперь, когда моя сила вернулась, я хотела попробовать еще раз.

Я сняла обувь и улеглась на узкой кровати. Закрыла глаза, почувствовала ошейник на горле, чешую на запястье, присутствие могущества внутри себя, четкое, как биение сердца. Ощутила рану на плече, темные бугры шрамов, оставленных ничегоями Дарклинга. Они усилили связь между нами, подарили ему доступ к моему разуму, как ошейник – к моей силе. В часовне я воспользовалась этой связью против него и чуть не уничтожила нас обоих в процессе. Испытывать ее сейчас было бы глупо. И все же я чувствовала искушение. Если Дарклинг владел такой силой, почему я не могу? Это даст возможность вывести кое-что, понять, как работает связь между нами.

«Ничего не выйдет, – заверила я себя. – Попробуй, потерпи неудачу и вздремни наконец».

Я успокоила дыхание, позволила силе курсировать по мне. Подумала о Дарклинге, о тенях, которыми теперь повелевала мановением пальца, об ошейнике, который он на меня надел, об окове, которая окончательно отдалила меня от любого другого гриша и направила на этот путь.

Ничего не произошло. Я лежала на спине на кровати в Белом соборе. И никуда не переместилась. Кроме меня, в комнате больше никого не было. Я уставилась во влажный потолок. Тем лучше. В Малом дворце изоляция чуть меня не уничтожила, но все потому, что я жаждала чего-то другого, чувства принадлежности, за которым гналась всю жизнь. Это желание похоронено в руинах часовни. Теперь я мыслю категориями союзничества, а не симпатии – кто и что сделает меня достаточно сильной для этой битвы.

Сегодня я подумывала об убийстве Абрата; выжгла свое клеймо на плоти Владима. Я убеждала себя, что это было необходимостью, но девушка, которой я была, никогда бы не задумалась о подобном. Я ненавидела Дарклинга за то, что он сделал с Багрой и Женей, но так ли уж мы различаемся? Останется ли разница между нами, когда на моем запястье окажется третий усилитель?

«Может, и нет», – признала я, и с этим осознанием пришел легчайший трепет – вибрация связи между нами, ответное эхо с другого конца невидимых уз.

Она взывала ко мне через ошейник на горле и укус на плече, усиленная оковой на руке – связь, налаженная скверной и темной отравой в моей крови. «Ты взывала ко мне, и я ответил». Я почувствовала, как меня тянет вверх, прочь из тела, быстрее к нему. Возможно, то же чувствовал Мал, когда выслеживал свою цель – отдаленное притяжение к кому-то другому, присутствие, которое требовало внимания, даже если его не увидишь и не коснешься.

Секунду назад я парила во мраке с закрытыми глазами, а теперь стояла в ярко освещенной комнате. Все вокруг меня было нечетким, но я все равно мгновенно узнала место: тронный зал в Большом дворце. Люди разговаривали. Казалось, будто они находятся под водой. Я слышала шум, но не слова.

Я сразу поняла, когда Дарклинг увидел меня. Он приобрел резкость, хотя комната вокруг него оставалась мутным, размытым пятном.

Его самообладание было настолько велико, что никто рядом и не заметил бы мимолетного изумления на его идеальном лице. Но я увидела, как округлились серые глаза, как напряглась грудь от замершего вдоха. Его пальцы впились в подлокотники кресла... нет, трона. Затем он расслабился, кивая человеку перед собой, который что-то говорил.

Я ждала и наблюдала. Дарклинг сражался за этот трон, вынес сотни лет битвы и подневольной жизни, чтобы завладеть им. Нужно признать, они хорошо смотрелись вместе. Какая-то жалкая часть меня надеялась, что я обнаружу его ослабшим, что его волосы цвета воронова крыла поседеют, как мои. Но какой бы урон я ни нанесла ему в ту ночь в часовне, он оправился быстрее меня.

Когда бормотание просителя затихло, Дарклинг встал. Трон поблек на заднем фоне, и я поняла, что четче всего видно то, что рядом с Дарклингом, словно он призма, через которую я смотрела на мир.

– Я приму это к сведению, – ответил он таким знакомым, холодным, как граненое стекло, голосом. – А теперь оставьте меня. – Бесцеремонно взмахнул рукой. – Вы все.

Обменялись ли недоуменными взглядами его подхалимы или просто удалились с поклоном? Я не знала. Дарклинг уже спускался по ступенькам, нацелив взгляд на меня. Мое сердце сжалось, а в голове раздалось одно ясное слово: «беги». С моей стороны было безумие пойти на такое, пытаться найти его. Но я стояла на месте и нашу связь не нарушала.

Кто-то подошел к нему, и, оказавшись всего в нескольких сантиметрах от Дарклинга, стал более четким – красный кафтан гришей, незнакомое лицо. Я даже могла расслышать его слова:

– ... вопрос подписей для...

Но Дарклинг его прервал.

– Позже, – резко сказал он, и корпориапл спешно ретировался.

Зал обезлюдел и наступила тишина, и все это время Дарклинг не сводил с меня глаз. Он зашагал по паркетному полу. С каждым его шагом полированные половицы становились четкими, а затем снова размывались.

У меня появилось странное ощущение – вот я лежу в кровати в Белом соборе, а вот стою в тронном зале, в теплом квадрате солнечного света.

Он остановился передо мной, изучил мое лицо. Что он там увидел? В видениях Дарклинг являлся мне без шрамов. Видел ли он меня здоровой и невредимой, с каштановыми волосами и блестящими глазами? Или же видел маленькую серую мышку, бледную и потрепанную после битвы в часовне, ослабевшую от жизни под землей?

– Кто бы мог подумать, что ты окажешься такой способной ученицей. – В его голосе слышалось искреннее восхищение, он казался чуть ли не удивленным. К своему ужасу, я осознала, что жалкая сиротская часть меня радуется его похвале. – Почему ты вдруг пришла ко мне сейчас? – поинтересовался он. – Тебе потребовалось так много времени, чтобы прийти в себя после нашей небольшой стычки?

Если это была небольшая стычка, то нам действительно конец. «Нет», – сказала я себе. Он намеренно выбрал это слово, чтобы запугать меня.

Я проигнорировала вопрос и ответила:

– Я не ожидала комплиментов.

– Нет?

– Я похоронила тебя под грудой щебня.

– А если скажу, что уважаю твою безжалостность?

– Вряд ли я тебе поверю.

Его губ коснулась легчайшая улыбка.

– Способная ученица, – повторил он. – Зачем тратить на тебя мою злость, если вся вина лежит на мне? Нужно было предвидеть очередное твое предательство, очередную безумную попытку ухватиться за свой детский идеал. Но, похоже, когда дело касается тебя, я становлюсь жертвой собственных желаний. – Его лицо ожесточилось. – Зачем ты пришла, Алина?

Я честно ответила:

– Хотела тебя увидеть.

На его лице мельком отразилось удивление, но затем оно вновь лишилось эмоций.

– На этом помосте два трона. Ты могла бы видеть меня в любой момент, когда пожелаешь.

– Предлагаешь мне корону? После того, как я пыталась тебя убить?

Он пожал плечами.

– Скорее всего я бы поступил так же.

– Сомневаюсь.

– Не для того, чтобы спасти эту разношерстную команду из изменников и фанатиков, нет. Но я понимаю твоё желание быть свободной.

– И все равно пытался сделать меня рабыней.

– Я нашел усилители Морозова *для тебя*, Алина, чтобы мы правили как равные.

– Ты пытался забрать мою силу себе.

– После того, как ты сбежала. После того, как ты выбрала... – он замолчал и снова пожал плечами. – Со временем мы бы стали править на равных.

Я почувствовала это притяжение, тоску напуганной девочки. Даже теперь, после всего, что он сделал, мне хотелось верить Дарклингу, найти способ простить его. Мне хотелось, чтобы Николай был жив. Хотелось доверять другим гришам. Хотелось верить хоть во что-то, чтобы не идти навстречу будущему в одиночку. «Проблема вожеления в том, что оно делает нас слабыми». Прежде чем я успела обдумать свой поступок, у меня вырвался смешок.

– Мы были бы на равных до того дня, как я осмелилась бы не согласиться с тобой, до того момента, как я поставила бы под сомнение твои суждения или начала перечить приказам.

Тогда ты разделался бы со мной так же, как с Женей и своей матерью, как пытался разделаться с Малом.

Дарклинг прислонился к окну, и позолоченная рама приобрела четкость.

– Думаешь, со следопытом будет как-то иначе? Или со щенком Ланцовым?

– Да, – просто ответила я.

– Потому что ты будешь сильной в этой паре?

– Потому что они лучше тебя.

– Ты могла бы сделать меня лучше.

– А ты мог бы сделать меня монстром.

– Никогда не понимал твою привязанность к отказникам. Это потому, что ты долгое время считала себя одной из них?

– Однажды я и к тебе питала привязанность. – Он резко поднял голову. Эти слова стали для него неожиданностью. Святые, до чего же приятно! – Почему ты не навещал меня? – полюбопытствовала я. – Все эти долгие месяцы?

Дарклинг молчал.

– В Малом дворце не проходило и дня, чтобы ты не приходил ко мне, – продолжила я. – Чтобы я не видела тебя в каком-то темном углу. Я думала, что схожу с ума.

– Вот и хорошо.

– По-моему, ты боишься.

– Должно быть, эта мысль очень тебя утешает.

– Я думаю, что ты боишься нашей связи. – Меня она не пугала. Больше нет. Я медленно шагнула вперед. Дарклинг напрягся, но не отпрянул.

– Я древний, Алина. Я знаю о силе то, о чем ты даже не догадываешься.

– Но дело не в силе, не так ли? – тихо произнесла я, вспоминая, как он играл со мной, когда я только прибыла во дворец – даже раньше, с первых секунд нашего знакомства. Я была одинокой девочкой, отчаянно жаждущей внимания. Должно быть, стала для него небольшим развлечением.

Сделала еще один шаг. Дарклинг замер. Теперь наши тела почти соприкасались. Я коснулась ладонью его щеки. На сей раз вспышку замешательства на его лице было невозможно не заметить. Он словно оцепенел, и только его грудь равномерно поднималась и опускалась. Затем, будто смирившись, он закрыл глаза. Между бровями пролегла морщинка.

– Это правда, – ласково сказала я. – Ты сильнее, мудрее, твой опыт бесконечен. – Затем подалась вперед и прошептала так, чтобы мои губы касались его ушной раковины: – Но я способная ученица.

Серые глаза Дарклинга распахнулись. Я успела увидеть в них кратчайшую вспышку ярости, прежде чем нарушила связь.

Меня бросило в сторону, обратно в Белый собор, а Дарклинг остался ни с чем – одно только воспоминание о свете.

## Глава 4

Я резко села, втягивая влажный воздух алебастровой комнаты. Виновато осмотрелась. Не стоило этого делать. Что я выведала? Что он в Большом дворце и в отвратительно хорошем здравии? Жалкие крохи.

Но я не сожалела. Теперь я знала, что он видел, когда посещал меня, какую информацию мог и не мог собирать при нашем контакте. Я приобрела опыт в еще одной области, которая ранее принадлежала только ему. И мне это нравилось. В Малом дворце я боялась этих видений, думала, что схожу с ума, и, что еще хуже, гадала, что они обо мне говорят. Довольно. Хватит с меня угрызений совести. Пусть почувствует, каково это, когда тебя преследуют.

Заболел правый висок. «Я нашел усилители Морозова *для тебя*, Алина». Ложь, замаскированная под правду. Он хотел сделать меня могущественнее, но только потому, что верил, будто сможет меня контролировать. Он до сих пор в это верит, и это пугало. Дарклинг никак не мог знать, что мы с Малом предполагаем, где начинать поиски третьего усилителя, но он не выглядел обеспокоенным. Даже не упомянул о жар-птице. Он казался уверенным, сильным, словно ему и место на том троне. «Я знаю о силе то, о чем ты даже не догадываешься». Я встряхнулась. Может, пока я и не представляю угрозы, но однажды это изменится. Нельзя позволить ему победить еще до того, как у меня появилась возможность дать полноценный отпор.

Раздался короткий стук в дверь. Пришло время. Я обулась и разгладила золотой кафтан, вызывавший чесотку. Возможно, позже я вознагражу себя тем, что засуну эту вещицу в кипящую кастрюлю.

Служба вышла тем еще представлением. Мне до сих пор было трудно призывать свет так глубоко под землей, но я окутала ослепительным сиянием стены Белого собора, используя все резервы, чтобы вызвать восторг у толпы, стонущей и покачивающейся внизу. Владим стоял слева от меня в распахнутой рубашке, выставляя на всеобщее обозрение отпечаток моей ладони на своей груди. Справа вещал Апрат и, из страха ли или с искренней верой, но делал это очень убедительно. Его голос раскатывался по главной пещере, утверждая, что наша миссия предопределена божественным провидением и что из будущих испытаний я выйду более могущественной, чем когда-либо прежде.

Я изучала его, пока он говорил. Священник выглядел бледнее, чем обычно, немного взмокшим, но не особо пристыженным. Я прикидывала, не будет ли ошибкой оставить его в живых, но пока моими действиями не управляют гнев и сила, казнь – это шаг, который я не готова обдумывать всерьез.

Воцарилась тишина. Я посмотрела на воодушевленные лица людей внизу. В их ликованиях появилось что-то новое, возможно, потому, что они наконец узрели мою настоящую мощь. Или же Апрат просто хорошо справился со своей задачей. Они ждали от меня каких-нибудь слов. Мне снилась подобная ситуация. Я была актрисой в пьесе, но текста не знала.

– Я... – мой голос надломился. Прочистила горло и попробовала еще раз: – Я вернусь более сильной, чем прежде, – произнесла я образцовым голосом святой. – Вы – мои глаза. – По крайней мере, должны ими стать, чтобы следить за Апратом и беречь друг друга. – Вы – мои кулаки. Вы – мои мечи.

Толпа взорвалась радостными криками. Все как один приветствовали меня: «Санкта-Алина! Санкта-Алина! Санкта-Алина!»

– Неплохо, – прокомментировал Мал, когда я отошла вглубь балкона.

– Я почти три месяца слушала вещания Апрата. Что-то да должно было запомниться.

По моему приказу Апрат объявил, что проведет три дня в уединении, постясь и молясь за успех нашей миссии. Святые стражи последуют его примеру – закроются в архиве под строгим наблюдением солнечных солдат.

– Укрепите их веру, – сказала я Руби и остальным. Надеюсь, что нам хватит трех дней, чтобы уйти как можно дальше от Белого собора. Хотя, зная Апрата, он наверняка убедит отпустить его еще до ужина.

– Я тебя знаю, – сказала Руби, хватая меня за руку, когда я повернулась, чтобы уйти. – Мы вместе служили в полку. Помнишь?

Ее глаза увлажнились, татуировка на щеке выглядела такой черной, будто проступила на поверхности ее кожи.

– Разумеется, – ласково ответила я. Мы не были подругами. В то время Руби больше интересовалась Малом, нежели религией. Я была для нее невидимкой.

Теперь она всхлипнула и поцеловала мне костяшки пальцев.

– Санкта, – горячо прошептала девушка. Каждый раз, когда я думала, что моя жизнь уже не может стать более странной, именно это и происходило.

Освободившись от Руби, я решила напоследок пообщаться с Апаратом наедине.

– Вы знаете, за чем я отправляюсь, священник, и знаете, какой силой я буду обладать, когда вернусь. Ничто не должно случиться с солнечными солдатами или Максимом в мое отсутствие.

Мне не нравилось бросать тут целителя в одиночку, но я не стану приказывать ему идти с нами, ведь неизвестно, с какими опасностями нам придется столкнуться на поверхности.

– Мы не враги, Санкта-Алина, – тихо произнес Апарат. – Ты должна знать, я всегда стремился лишь к одному – увидеть тебя на равкианском престоле.

Я чуть не улыбнулась.

– Я знаю, священник. На престоле и под вашим каблуком.

Он склонил голову набок, словно задумался о чем-то. Из его глаз исчез фанатичный блеск. Взгляд у него был пронизательный.

– Ты не такая, как я ожидал, – признал мужчина.

– Не такая святая, как вам бы хотелось?

– Менее святая, – не спорил он. – Но, возможно, в тебе больше от королевы. Я буду молиться за тебя, Алина Старкова.

Как ни странно, я ему поверила.

\* \* \*

Мы с Малом встретились с остальными у колодца Четьи – природного источника на перекрестке четырех главных туннелей. Если Апарат все же решит послать за нами воинов, отсюда нас будет сложнее выследить. По крайней мере, такова была задумка, но мы не предвидели, что многие пилигримы захотят проводить нас в путь. Они последовали за гришами от их покоев и теперь толпились вокруг водоема.

Мы были в простой походной одежде, кафтаны спрятали в рюкзаки. Я сменила золотую мантию на тяжелое пальто, меховую шапку и успокаивающий вес ремня с пистолетом на бедре. Если бы не белые волосы, вряд ли бы кто-то из пилигримов меня признал.

Теперь же они тянулись, чтобы прикоснуться к моему рукаву или ладони. Некоторые вручали нам небольшие подарки, свое единственное подношение: черствые краюшки хлеба, спрятанные про запас, гладкие камешки, обрывки кружев, кристаллы соляных лилий. Бормотали молитвы за наше здоровье со слезами на глазах.

Я заметила удивление Жени, когда одна женщина накинула зеленый молитвенный платок ей на плечи.

– Не черный, – сказала она. – Тебе черный не к лицу.

В горле появился комок. Не только Апарат удерживал меня от этих людей. Я сама от них отстранилась. Их вера вызывала у меня сомнения, но в основном я боялась их надежды. Любовь и забота в этих скромных жестах были обузой, которая мне не нужна.

Я расцеловала их в щеки, пожала руки, дала клятвы, которые неизвестно, сдержу ли, а затем мы двинулись в путь. В Белый собор меня доставили на носилках. Но по крайней мере покидала я его на своих двоих.

Мал возглавил процессию. Толя и Тамара замыкали ее и следили, чтобы за нами никто не пошел.

Благодаря доступу Давида к архиву и врожденному чувству ориентации Мала, им удалось составить приблизительную карту туннельной сети. Они начали прокладывать курс к Раевости, но в их данных имелись пробелы. Как бы ни старались они учесть все, мы не знали наверняка, куда попадем.

После моего побега из Ос Альты люди Дарклинга пытались проникнуть в сеть туннелей под церквями и святилищами Равки. Когда поиски ни к чему не привели, они начали бомбежку: перекрывали выходы, пытались выкурить всех, кто искал убежища, на поверхность. Алкемы Дарклинга изобрели новые взрывчатки, которые рушили здания и запускали горючие газы под землю. Все, что требовалось, это искра одного инферна, и целые секции древней сети туннелей обрушивались. Это одна из причин, по которой Апарат настаивал, чтобы я оставалась в Белом соборе.

Ходили слухи об обвалах к западу от нас, поэтому Мал пошел на север. Не самый прямой маршрут, но мы надеялись, что он хотя бы надежен.

Было приятно идти по туннелям, наконец-то чем-то заняться после стольких недель в заключении. Мое тело ослабло, но я все равно чувствовала себя сильнее, чем в прошлые месяцы, и шла без жалоб.

Я старалась не слишком задумываться о том, что будет, если контрабандистский пункт в Раевости не активен. Как найти принца, который не хотел, чтобы его нашли, и при этом не рассекретить себя? Если Николай жив, он может искать меня или же заключить союз с кем-нибудь еще. В конце концов, откуда ему знать, что я не умерла в битве при Малом дворце?

Чем дальше мы отходили от Белого собора и его странного алебастрового сияния, тем темнее становилось в туннелях. Вскоре дорогу освещали только прыгающие отсветы фонариков. Местами проходы были настолько узкими, что нам приходилось снимать рюкзаки и протискиваться между стенами. Затем, без всякого предупреждения, мы оказались в огромной пещере, настолько просторной, что в ней можно было бы пасти лошадей.

Мал был прав: когда столько людей путешествуют вместе, они шумны и нерасторопны. Мы невыносимо медленно двигались длинной колонной, с рассредоточенными вдоль линии Зоей, Надей и Адриком; в случае обвала шквальные смогут призвать воздух и обеспечить нас под землей необходимым для спасения временем.

Давид и Женя плелись позади, но, похоже, виноват в этом был Давид. В конце концов Толя не выдержал и снял громоздкий рюкзак с узких плеч Давида.

А затем застонал.

– Да что у тебя в нем?

– Три пары носков, запасные штаны и рубашка. Фляга. Кружка и оловянная тарелка. Цилиндрическая логарифмическая линейка, хронометр, банка елового сока, моя коллекция антикоррозийных веществ...

– Ты должен был взять только самое необходимое.

Давид решительно кивнул.

– Именно.

– Пожалуйста, только не говори, что взял с собой все журналы Морозова, – взмолилась я.

– Конечно, взял!

Я закатила глаза. Там было как минимум пятнадцать книг в кожаных переплетах.

– Может, из них выйдет хорошая растопка для костра.

– Она же шутит? – обеспокоенно спросил Давид. – Я не понимаю, когда она шутит, а когда нет.

Я шутила. По большей части. Я надеялась, что записи подскажут мне путь к жар-птице и, возможно, даже то, как усилители помогут уничтожить Каньон. Но они оказались тупиком, и, честно говоря, немного меня пугали. Багра предупреждала о безумии Морозова, но все же я ожидала обнаружить некую мудрость в его работах. Вместо этого я нашла там навязчивую идею, задокументированную неразборчивыми каракулями. Похоже, у гениев не бывает нормального почерка.

В ранних журналах описывались его эксперименты: вычеркнутая формула для жидкого огня, средство предотвращения органического разложения, опыты, которые привели к созданию стали гришей, метод восстановления кислорода в крови, нескончаемый год, который Морозов провел в поисках способа изобрести небьющееся стекло. Его навыки выходили за рамки обычного фабриканта, и он прекрасно это знал. Одним из главных принципов теории гришей был «подобное притягивает подобное», но Морозов, похоже, верил, что, если мир разобрать на одинаковые маленькие кусочки, каждый гриш сможет ими манипулировать. «Разве мы не всё суть одно?» – требовательно вопрошал он, подчеркнув слова для значимости. Он был высокомерным, дерзким – но все же здравомыслящим.

Затем начался его труд над усилителями, и даже я заметила перемены. Записи стали более неряшливыми, беспорядочными. Поля заполнились диаграммами и безумными стрелками, ссылающимися на предыдущие отрывки. Хуже всего были описания экспериментов, которые он проводил на животных, иллюстрации его вскрытий. От них у меня скручивало желудок и я начинала думать, что Морозов заслужил свое раннее мученичество. Он убивал зверей и возвращал их к жизни, порой неоднократно, углубляясь в изучение скверны, творения, превосходства жизни над смертью, и пытался придумать, как создать усилители, которые можно использовать вместе. Это запретное могущество, но я понимала его соблазн и с содроганием думала, что подобное стремление и свело его с ума.

Если им и двигала некая благородная цель, я не нашла ее отражения на страницах. Но при этом чувствовала что-то большее в его лихорадочных записях, в утверждениях, что сила повсюду и дается любому. Он жил задолго до создания Второй армии. Морозов был самым могущественным гришом в мире – и эта сила его изолировала. Я помнила слова Дарклинга: «Таких, как мы, больше нет, Алина. И никогда не будет». Возможно, Морозову хотелось верить, что если таких, как он, больше нет, то еще не все потеряно и он сможет создать гриша с величайшей силой. Или же у меня просто разыгралось воображение, под воздействием собственного одиночества и алчности со страниц журналов Морозова. То, что я знала и чего хотела, жажда поймать жар-птицу, чувство собственного отличия от остальных – все это сплелось в тугой узел, который почти невозможно распутать.

От этих мыслей меня отвлек шум бурлящей воды. Мы приближались к подземной реке. Мал замедлил шаг и поставил меня идти прямо за собой, чтобы освещать ему дорогу. И правильно, поскольку обрыв оказался поблизости – крутой и настолько неожиданный, что я врезалась Малу в спину и чуть не столкнула его за край в воду. Здесь рев стал оглушительным, река быстро неслась на неизвестной глубине, из стремнины поднимались шлейфы тумана.

Мы обвязали веревку вокруг талии Толи, и он перешел вброд, после чего закрепил ее на другой стороне, чтобы мы все могли пройти, цепляясь за трос. Вода была ледяной и доставала до самой груди, течение едва не сбивало с ног, хотя я крепко держалась за веревку. Хэршоу переходил последним. Я на секунду ужаснулась, когда он оступися и чуть не отпустил трос. Затем вынырнул, хватая ртом воздух; Накошка вся промокла и шипела от ярости. К тому времени, как Хэршоу дошел до нас, его лицо и шея были покрыты узором из крошечных царапин.

После этого все мечтали сделать привал, но Мал настоял, чтобы мы двигались дальше.

– Я промокла насквозь! – ворчала Зоя. – Почему мы не можем остановиться в *этой* влажной пещере, а не в следующей?

Мал не сбросил темп, но указал большим пальцем на реку.

– Вот из-за нее, – попытался он перекричать грохот воды. – Если за нами следили, им будет очень легко внезапно атаковать нас под такой шум реки.

Зоя насупилась, но мы продолжили идти, пока наконец река не осталась далеко позади. Ночь мы провели в полости во влажном известняке, где не раздавалось ни звука, кроме стука наших зубов, пока мы дрожали в мокрой одежде.

\* \* \*

Так продолжалось еще два дня. Мы шли по туннелям, то и дело возвращаясь назад, когда дорога оказывалась непроходимой. Я потеряла всякое чувство ориентации, но когда Мал объявил, что мы сворачиваем на запад, заметила, что проходы начали подниматься вверх, выводя нас на поверхность.

Мал задал невыносимо быстрый темп. Чтобы поддерживать связь, ему с близнецами приходилось пересвистываться друг с другом с разных концов колонны, дабы убедиться, что никто не отстал. Иногда он выходил из строя, чтобы проверить, все ли в порядке.

– Я вижу, что ты придумал, – сказала я как-то раз, когда он вернулся в начало колонны.

– И что же?

– Ты бежишь назад, когда кто-то отстает, начинаешь беседу. Спрашиваешь Давида о свойствах фосфора или Надю о ее веснушках...

– Я никогда не спрашивал Надю о ее веснушках.

– Не о них, так о чем-то *другом*. Затем ты начинаешь постепенно ускорять темп, и им приходится идти быстрее.

– Это работает лучше, чем если бы я тыкал в них палкой.

– Но не так весело.

– У меня просто уже рука устала.

Затем он ушел вперед. Это был самый длинный наш разговор с тех пор, как мы покинули Белый собор.

А вот у остальных проблем с разговорчивостью не было. Тамара пыталась научить Надю шуханским балладам. К сожалению, у нее ужасная память, зато у ее брата почти идеальная, так что он перехватил инициативу. Как оказалось, молчаливый Толя мог зачитать все циклы эпических сказаний на равкианском и шуханском – даже если никто не хотел их слышать.

Хоть Мал и приказал строго придерживаться строя, Женя часто выбегала в начало колонны, чтобы пожаловаться мне.

– Все его поэмы о бравом герое Креги, – ныла она. – Все без исключения! У него всегда есть конь, и нам приходится слушать о жеребце, трех разных видах мечей, о цвете шарфа на его запястье и обо всех несчастных монстрах, которых он убил, а в конце – о том, каким он был честным и добрым человеком. Для наемника Толя чересчур сентиментален.

Я посмеялась и оглянулась назад, хоть не могла ничего разглядеть.

– И как Давиду эти стихотворения?

– Он ничего не видит и не слышит. Последний час он что-то бормотал о минеральных соединениях.

– Может, в конце концов они с Толей убаюкают друг друга, – буркнула Зоя.

Чья бы корова мычала. Хоть они все эфиреалы, единственное, что было общего между шквальными и inferном, это, похоже, любовь к спорам. Стигг не хотел идти рядом с Хэршоу, поскольку терпеть не мог кошек. Хэршоу постоянно обижался за свою питомицу. Адрик дол-

жен был идти посередине группы, но хотел быть поближе к Зое. Зоя же часто отставала от начала колонны, чтобы избавиться от Адрика. Я уже жалела, что не перерезала веревку и не бросила их всех тонуть в реке.

А Хэршоу не просто раздражал меня, но и беспокоил. Ему нравилось водить кремнем по стенам пещер, высекая маленькие искорки, и он постоянно доставал кусочки твердого сыра из кармана, чтобы покормить Накошку, после чего хихикал, словно та сказала что-то невероятно забавное. Однажды утром мы проснулись и обнаружили, что он обрил волосы на голове с двух сторон и оставил одну широкую багряную полосу по центру.

– Что ты наделал? – завопила Зоя. – Ты похож на больного петуха!

Хэршоу просто пожал плечами.

– Накошка настаивала.

Тем не менее, изредка туннели удивляли такими чудесами, которые лишали дара речи даже эфиреалов. Нам часами было не на что смотреть, кроме как на серые камни и покрытую грязью известь, как вдруг мы вышли в голубую пещеру, настолько идеально круглую и гладкую, словно мы оказались в гигантском эмалевом яйце. Наша процессия наткнулась на череду маленьких пещер, мерцающих какими-то камнями, которые вполне могли быть настоящими рубинами. Жень прозвала их Шкатулкой с драгоценностями, после чего мы начали придумывать названия для каждой, чтобы скоротать время. Там был и Фруктовый сад – пещера, полная сталактитов и сталагмитов, соединившихся в тонкие колонны. А меньше чем через день мы вышли в Танцевальный зал – длинную пещеру из розового кварца с таким скользким полом, что пришлось по нему ползти, а иногда и проезжаться на животах. Из него мы вышли к жутковатой, частично затопленной железной опускной решетке, которую мы нарекли Вратами ангелов. По ее сторонам были расположены две крылатые каменные фигуры со склоненными головами и руками, покоящимися на мраморных палашах. Лебедка работала, и мы прошли через ворота без приключений, но зачем их там поставили? И кто?

На четвертый день мы обнаружили себя в пещере с совершенно неподвижным озером, дававшим иллюзию отражения ночного неба: его глубины мерцали от крошечных светящихся рыбок.

Мы с Малом немного опережали остальных. Он окунул руку в воду, а затем ойкнул и быстро выдернул.

– Они кусаются!

– И поделом тебе, – сказала я. – О, гляньте-ка, целое озеро с чем-то светящимся! Надо засунуть туда руку.

– Я не виноват, что такой вкусный, – парировал он со знакомой нахальной ухмылкой, осветившей его лицо, как свет воду. Затем опомнился. Мал поправил рюкзак, и я поняла, что он сейчас уйдет.

Я не успела осознать, почему произнесла эти слова:

– Ты не подвел меня, Мал.

Он вытер мокрую руку о бедро.

– Мы оба знаем, что это ложь.

– Мы будем путешествовать вместе еще неизвестно сколько времени. В конце концов тебе придется поговорить со мной.

– Я говорю с тобой прямо сейчас.

– Видишь? Неужели это так ужасно?

– Не было бы ужасно, – произнес он, твердо глядя на меня, – если бы говорить с тобой – это было бы все, чего я хочу.

Мои щеки зарделись. «Ты не хочешь этого», – сказала я себе. Но в то же время чувствовала, как пламенею, словно край листа бумаги, поднесенного к огню.

– Мал...

– Мне нужно защитить тебя, Алина, сосредоточиться на главном. Я не смогу этого делать, если... – он шумно выдохнул. – Ты предназначена для чего-то большего, чем я, и я умру сражаясь, чтобы добиться для тебя этого будущего. Но, прошу, не заставляй меня делать вид, будто это легко.

Он быстро зашагал к следующей пещере.

Я посмотрела на мерцающее озеро, дуги света в воде, до сих пор расходящейся кругами от короткого прикосновения Мала. Слышала, как остальные шумно брели через пещеру.

– Накошка постоянно меня царапает, – сказал Хэршоу, подойдя ко мне.

– Мм? – равнодушно отозвалась я.

– Но самое забавное, что она все равно предпочитает оставаться рядом.

– Ты решил пофилософствовать, Хэршоу?

– Вообще-то я гадал, стану ли я сиять, если съем эту рыбу?

Я покачала головой. Конечно, один из последних живых инфернов должен был оказаться безумцем. Я нагнала остальных и направилась в следующий туннель.

– Пошли, Хэршоу, – крикнула я через плечо.

Тогда-то и раздался первый взрыв.

## Глава 5

Вся пещера содрогнулась. На нас тонкими струйками посыпалась галька.

Мал мгновенно подскочил ко мне. Он оттолкнул меня из-под падающего камня, а Зоя встала с другой стороны.

– Тушите свет! – крикнул Мал. – Снимайте рюкзаки!

Мы привалили рюкзаки к стенам, чтобы создать своего рода поддержку, и погасили фонари на тот случай, если искры спровоцируют еще один взрыв.

*Бум!* Над нами? К северу от нас? Невозможно определить.

Шли долгие секунды. *Бах!* Этот ближе, громче. На наши склоненные головы посыпались камни и грязь.

– Он нашел нас, – простонал Сергей прерывающимся от страха голосом.

– Невозможно, – возразила Зоя. – Даже Апрат не знал, куда мы направляемся.

Мал немного отполз. Я услышала шорох гальки.

– Это случайное нападение, – сказал он.

Голос Жени дрожал, когда она прошептала:

– Эта кошка приносит неудачу.

*Бум!* Так громко, что у меня клацнула челюсть.

– *Метан йез*, – осенило Давида. Болотный газ.

Я учуяла его секундой позже, торфянистый и неприятный. Если над нами были инферны, одной искры хватит, чтобы превратить нас в пыль. Кто-то заплакал навзрыд.

– Шквальные, – приказал Мал, – отправьте его на восток.

Как он мог оставаться таким спокойным?

Я почувствовала, как зашевелилась Зоя, затем ощутила поток воздуха, когда она с остальными погнала газ прочь от нас.

*Бах!* Было трудно дышать. Пространство будто уменьшилось.

– О, ради всех святых, – просипел Сергей.

– Вижу огонь! – крикнул Толя.

– Отправьте его на восток, – твердо повторил Мал. Последовал свист ветра шквальных. Тело Мала напряглось рядом со мной. Я попыталась нащупать его руку. Наши пальцы переплелись. С другой стороны послышался тихий всхлип, и я потянулась свободной рукой к Зое, беря ее за ладонь.

*БУМ!* На сей раз по всему туннелю пронесся рев от падающих камней. Я услышала крики людей в темноте. Легкие наполнились пылью.

Когда шум прекратился, Мал сказал:

– Фонари не используем. Алина, нам нужен свет.

Было трудно, но я нашла лучик света и позволила ему распространиться по туннелю. Мы все были покрыты пылью, в глазах застыл испуг. Я быстро пересчитала всех: Мал, Женья, Давид, Зоя, Надя, Хэршоу... Накошка у него за пазухой.

– Толя? – крикнул Мал.

Ничего. Затем:

– Мы в порядке.

Голос Толи донесся из-за стены обвалившихся камней, заблокировавших туннель, но он был ясным и сильным. С облегчением я вжала голову в колени.

– Где мой брат? – взвизгнула Надя.

– Он со мной и Тамарой, – ответил Толя.

– Сергей и Стигг? – спросила я.

– Не знаю.

*Святые...*

Мы ждали очередного взрыва, после которого на нас обрушится оставшаяся часть туннеля. Когда ничего не произошло, начали копать, ориентируясь на голос Толи, пока они с Тамарой рыли с другой стороны. Через пару минут мы увидели их руки, а затем и грязные лица. Они перебрались в нашу часть туннеля. Как только Адрик опустил руки, потолок над тем местом, где они только что стояли, рухнул, подняв облако пыли и камней. Мальчишку сильно трясло.

– Ты поддерживал пещеру? – спросила Зоя.

Толя кивнул.

– Он сотворил воздушный пузырь, как только мы услышали последний взрыв.

– Хм... Я впечатлена, – обратилась она к Адрику.

Увидев ликование, озарившее его лицо, девушка застонала.

– Забудь. Я понижаю похвалу до неохотного одобрения.

– Сергей? – позвала я. – Стигг?

Тишина, шорох щебня.

– Дай-ка я кое-что попробую, – сказала Зоя. Подняла руки. У меня затрещало в ушах, воздух будто уплотнился. – Сергей? – крикнула она. Как ни странно, ее голос звучал будто издалека.

Затем я услышала ответ Сергея, слабый и дрожащий, но ясный, как если бы он стоял прямо рядом со мной.

– Здесь, – выдохнул он.

Зоя пошевелила пальцами, внося какие-то изменения, и снова позвала Сергея.

Когда он откликнулся на этот раз, Давид сказал:

– Такое впечатление, будто звук раздается под нами.

– Может, и нет, – возразила Зоя. – Акустика обманчива.

Мал прошел дальше по проходу.

– Нет, он прав. Должно быть, в той части туннеля провалился пол.

Нам потребовалось почти два часа, чтобы найти их и откопать – Толя рыл почву, Мал выкрикивал указания, шквальные поддерживали стены туннеля воздухом, а я обеспечивала тусклое освещение, в то время как другие встали в линию, чтобы передавать по цепочке камни и песок.

Когда мы откопали Стигга и Сергея, они были покрыты грязью и почти без сознания.

– Понизил пульс, – хрипло пробормотал Сергей. – Замедлил дыхание. Тратить меньше воздуха.

Толя и Тамара привели их в чувство, разогнали сердцебиение и наполнили легкие кислородом.

– Мы думали, вы не придете, – невнятно сказал изможденный Стигг.

– Почему? – удивленно воскликнула Женья, осторожно смахивая грязь вокруг его глаз.

– Он сомневался, что вам есть до нас дело, – ответил Хэршоу позади меня.

Послышались тихие возражения, некоторые виновато переглянулись. Я действительно считала Стигга и Хэршоу чужаками. А Сергей... что ж... мы давно уже его потеряли. Никто из нас искренне не пытался с ними сблизиться.

Когда Сергей и Стигг достаточно оправились, чтобы двигаться, мы вернулись в уцелевшую часть туннеля. Один за другим шквальные отпустили свою силу, и мы ждали, выдержит ли потолок, чтобы они могли отдохнуть. Затем смахнули пыль и грязь с лиц и одежды друг друга, насколько это было возможно, и передали флягу кваса по кругу. Стигг вцепился в нее, как ребенок в бутылку с молоком.

– Все в порядке? – спросил Мал.

– Лучше не бывает, – дрожа ответила Женья.

Давид поднял руку.

– А у меня бывало.

Все рассмеялись.

– Что? – спросил он.

– Как ты это сделала? – поинтересовалась Надя у Зои. – Тот фокус со звуком?

– Всего лишь один из способов создания акустической аномалии. Мы часто играли так в школе, чтобы подслушивать разговоры людей в других комнатах.

Женя фыркнула.

– Ну, кто бы сомневался.

– Можешь показать, как это сделать? – попросил Адрик.

– Если мне будет очень скучно.

– Шквальные, – обратился Мал, – вы готовы двигаться дальше?

Все кивнули. Их лица светились, как часто бывает после использования силы, но я знала, что они уже на пределе своих возможностей. С полмили они поддерживали тонны камней над нами – им требовалось больше пары минут передышки, чтобы восстановиться.

– Тогда давайте выбираться отсюда, – сказал Мал.

Я осветила путь, по-прежнему испытывая опасения по поводу того, какие сюрпризы могут нас ждать впереди. Мы шли осторожно, со шквальными начеку, петляя по туннелям и проходам, пока я окончательно не потеряла ориентацию в пространстве. Мы далеко отклонились от курса, который проложили Давид с Малом.

Каждый звук казался усиленным. Каждое падение камешков заставляло нас остановиться, застыть в ожидании худшего. Я пыталась думать о чем угодно, кроме веса грунта над нами. Если земля рухнет, а шквальных подведет сила, нас раздавит, и никто даже не узнает. Мы будем как полевые цветы, зажатые между страницами забытых книг.

Постепенно я начала замечать, что мои ноги стали больше напрягаться – уклон почвы пошел вверх. Послышались вздохи облегчения, несколько тихих и радостных восклицаний, и уже меньше чем через час мы столпились в каком-то подвальном помещении, глядя снизу вверх на крышку люка.

Земля здесь была влажной, местами собирались лужицы – признак того, что мы находимся рядом с речными городами. При свете, идущем из моих ладоней, мы заметили, что каменные стены пошли трещинами, но был ли ущерб давним или нанесен недавними взрывами – кто знает.

– Как ты это сделал? – спросила я Мала.

Он пожал плечами.

– Так же, как и всегда. На поверхности есть дичь. Я просто отнесся к этому как к охоте. Толя достал из кармана пальто старые часы Давида. Интересно, когда он их заполучил...

– Если эта штука правильно показывает время, солнце уже давно зашло.

– Их нужно заводить каждый день, – предупредил Давид.

– Я знаю.

– Ну, так ты их завел?

– Да.

– Тогда время точное.

Я задумалась, не стоит ли напомнить Давиду, что кулак Толи примерно того же размера в окружности, что и его голова.

Зоя фыркнула.

– С нашим везением кто-то непременно решит устроить полночную мессу.

Большинство входов и выходов из туннелей находились в святых местах – но не все. Мы могли оказаться в апсиде церкви или двореке монастыря, или же высунуть головы из подпола в борделе. «И вам доброго дня, сударь». Я подавила безумный смешок. Усталость и страх плохо влияли на мой рассудок.

Что, если кто-то поджидает нас наверху? Что, если Апат снова переметнулся на другую сторону и натравил на нас Дарклинга? Я не могла рассуждать здраво. Мал считал, что взрывы в туннелях были случайным нападением, и это единственное, что имело смысл. Апат не мог знать, где и когда мы окажемся. И даже если бы Дарклинг каким-то чудом пронюхал, что мы направляемся в Раевость, зачем использовать бомбы, чтобы выкурить нас на поверхность? Он мог просто подождать, пока мы выйдем сами.

– Идем, – сказала я. – Я начинаю задыхаться.

Мал подал сигнал Толе с Тамарой, чтобы они встали по бокам от меня.

– Будьте начеку, – сказал он им. – Уводите ее при любом намеке на опасность. Бегите по туннелям на запад так далеко, как только сможете.

Только когда мы начали подниматься по лестнице, я вдруг поняла, что все ждали, чтобы он пошел первым. Близнецы были более опытными бойцами, а Мал – единственным отказником среди нас. Так почему же он брал на себя основной риск? Мне хотелось окликнуть его, сказать, чтобы был осторожным, но это прозвучит абсурдно. «Осторожность» – больше не наш метод.

На вершине лестницы он подал мне знак, и я погасила свет, погружая всех во тьму. Послышался удар, звук несмазанных петель, затем тихий шорох и скрип открывающегося люка. Было темно, криков со стрельбой не последовало.

Мое сердце рвалось из груди. Я прислушивалась к шорохам, которые издавал Мал, подтянувшись наверх, к его шагам над нами. Наконец раздался чирк спички, и через люк полилось сияние. Мал дважды свистнул – все чисто.

Один за другим мы выбрались наверх. Когда я высунула голову через люк, по моей спине пробежали мурашки. Комната была шестиугольной, стены вырезаны из чего-то похожего на синий лазурит, каждая покрыта деревянными панелями, на которых нарисованы разные святые; их золотые нимбы блестели в свете фонаря. Углы густо укутаны молочной паутиной. Фонарь Мала стоял на каменном саркофаге. Мы попали в склеп.

– Чудесно, – сказала Зоя. – Из туннеля в гробницу. Что дальше, выход в скотобойню?

– Мезле, – отозвался Давид, указывая на одно из имен, вырезанных на стене. – Они были древним родом гришей. Одна из них даже училась в Малом дворце, прежде чем...

– Прежде чем все умерли? – участливо предположила Женья.

– Зива Мезле, – тихо произнесла Надя. – Она была шквальной.

– Нельзя ли помянуть ее где-нибудь в другом месте? – спросила Зоя. – Я хочу поскорее уйти отсюда.

Я потеряла руки. Ее слова не лишены смысла.

Дверь была сделана из тяжелого железа. Толя и Мал навалились на нее плечами, шквальные выстроились позади них, вытянув руки, а inferны – кремни. Я заняла позицию позади всех, приготовившись орудовать разрезом, если появится необходимость.

– На счет три, – командовал Мал.

У меня вырвался смешок. Все обернулось.

Я залилась краской.

– Ну, мы скорее всего на кладбище, и сейчас выбежим из гробницы.

Женья хихикнула.

– Если там кто-то есть, мы их напугаем до чертиков.

Мал сказал с легкой улыбкой:

– Верно подмечено. Давайте еще дружно завоем «у-у-у-у-у-у». – Затем улыбка исчезла. Он кивнул Толе. – Не высовывайся.

Он закончил отсчет, и они принялись толкать. Болты застонали, и двери склепа распахнулись. Мы ждали, но нас не встретили криками тревоги.

Мы осторожно вышли на пустынное кладбище. Из-за близости к реке люди хоронили своих мертвых над землей на случай наводнения. Склепы, выстроившиеся ровными рядами, как каменные домики, придавали этому месту сходство с покинутым городом. Порыв ветра подхватил опавшие листья и разворошил траву, росшую вокруг скромных могил. Выглядело это жутковато, но мне было все равно. Воздух казался почти теплым после сырости пещер. Мы наконец-то выбрались наружу.

Я запрокинула голову и глубоко вдохнула. Ночь была ясной, безлунной, и после долгих месяцев под землей вид бескрайнего неба вызывал головокружение. А сколько звезд – мерцающая спутанная масса, которая выглядит такой близкой, что, кажется, можно до нее дотронуться! Я позволила их свету укутать меня, словно это бальзам, испытывая благодарность за воздух в легких, за эту ночь.

– Алина, – тихо позвал Мал.

Я открыла глаза. Все гриши пилились на меня.

– Что?

Он взял меня за руки и вытянул их в стороны, словно мы сейчас начнем танцевать.

– Ты светишься.

– О... – выдохнула я. Моя кожа приобрела серебряный оттенок от звездного сияния. – Я случайно.

Мал провел пальцем по моему предплечью, где задрался рукав, наблюдая за игрой света на коже, и его губы изогнулись в улыбке. Внезапно он отступил. Отпустил мои руки, словно они раскаленные.

– Будь осторожнее, – отчеканил он. Затем приказал Адрику помочь Толе закрыть гробницу и обратился к группе: – Держитесь вместе и не шумите. Нам нужно найти укрытие до рассвета.

Остальные пошли за ним, позволив ему вновь приказывать. Я задержалась, старательно оттирая свет с кожи. Он цеплялся за меня, словно мое тело жаждало его.

Зоя, поравнявшись со мной, сказала:

– Знаешь, Старкова, я начинаю подозревать, что ты специально сделала свои волосы белыми.

Я стряхнула звездную крошку с запястья, наблюдая, как она гаснет.

– Да, Зоя, навлекать на себя гибель – неотъемлемая часть моего моциона красоты.

Она пожала плечами и покосилась на Мала.

– Что ж, как по мне, это чересчур броско, но я бы сказала, что твой образ лунной девы работает.

Последний человек, с кем я хотела бы обсуждать Мала, была Зоя, но ее слова подозрительно походили на комплимент. Я вспомнила, как она сжимала мою руку во время обвала в пещере, какой сильной оставалась в тот момент.

– Спасибо, – сказала я. – Что помогла нам внизу. И спасла Сергея со Стиггом.

Даже если бы я говорила неискренне, выражение изумления на ее лице того стоило.

– Не за что, – выдавила девушка. Затем вздернула свой идеальный носик и добавила: – Но я не всегда буду рядом, чтобы спасти твой зад, заклинательница Солнца.

Я ухмыльнулась и последовала за ней по проходу между могилами. По крайней мере, она предсказуема.

\* \* \*

У нас ушло слишком много времени на то, чтобы выбраться с кладбища. Ряды склепов все тянулись и тянулись, холодные свидетельства существования поколений, которые застали Равку в состоянии войны. Дорожки были расчищены, у могил лежали цветы, рисованные

иконы, конфеты, маленькие пирамидки драгоценных боеприпасов – небольшое проявление доброты, даже к мертвым. Вспомнились мужчины и женщины, которые вышли попрощаться с нами в Белом соборе и вручить свои подношения. Меня охватило чувство благодарности при мысли о них. Вскоре мы наконец вышли за ворота кладбища.

Ужас, который мы испытали при обвале, и долгие часы в пути брали свое, но Мал был решительно настроен подвести нас как можно ближе к Раевости до рассвета. Мы плелись вперед, двигаясь параллельно главной дороге и придерживаясь залитых сиянием звезд полей. Время от времени нам попадались одинокие дома с горящим в окне светильником. Почему-то было приятно наблюдать за этими признаками жизни и думать о том, как фермер встает ночью, чтобы налить себе стакан воды, как поворачивает голову к окну и вглядывается в тьму за ним.

Небо только начало светлеть, когда мы услышали, что кто-то приближается к нам на дороге. Едва мы успели юркнуть в лес и спрятаться в кустах, как появился первый фургон.

В конвое было около пятнадцати человек, большинство мужчины, несколько женщин, все хорошо вооружены. Я заметила детали униформы Первой армии – форменные штаны, заправленные в возмутительно неуставные сапоги из воловьей кожи, и пехотные мундиры, лишенные медных пуговиц.

Понять, что они перевозят, было невозможно. Груз был накрыт попонами и крепко привязан веревками к фургону.

– Ополченцы? – прошептала Тамара.

– Возможно, – ответил Мал. – Вот только не знаю, откуда у ополченцев могли взяться магазинные винтовки.

– Может, они контрабандисты, но я никого из них не узнаю.

– Могу проследить за ними, – предложил Толя.

– А почему бы мне просто не станцевать вальс посреди дороги? – поддела его Тамара. Толя едва ли мог двигаться бесшумно.

– Я натренировался, – возразил он. – Кроме того...

Мал заставил его притихнуть одним взглядом.

– Не преследовать, не вмешиваться.

Когда Мал уводил нас в гущу леса, Толя проворчал:

– Ты даже не умеешь вальсировать.

\* \* \*

Мы разбили лагерь на поляне неподалеку от узкого притока Сокола – реки, подпитываемой ледниками Петразоя, основной торговой артерии портовых городов. Оставалось надеяться, что мы расположились достаточно далеко от города и главной дороги, чтобы не беспокоиться о случайных прохожих.

По словам близнецов, место встречи контрабандистов находилось на людной площади на берегу реки в Раевости. Тамара уже взяла компас и карту. Хотя она наверняка устала ничуть не меньше, чем все остальные, девушке придется выдвинуться немедленно, чтобы добраться до города к полудню.

Мне не хотелось отпускать ее, ведь неизвестно, не поджидает ли нас там ловушка, но все согласились, что идти должна именно Тамара. Из-за своего роста Толя был слишком заметен, а никто другой не знал, как действовали контрабандисты и как их узнать. И все же мои нервы были на пределе. Я никогда не понимала веры близнецов и чем они готовы рискнуть ради нее. Но когда пришло время выбирать между мной и Апрутом, они со всей определенностью доказали свою преданность.

Я быстро сжала руку Тамары.

– Не делай ничего безрассудного.

Надя околачивалась неподалеку. Теперь она прочистила горло и поцеловала Тамару в обе щеки.

– Будь осторожна, – сказала она.

Тамара сверкнула фирменной улыбкой сердцешитки.

– Если кому-то нужны неприятности, – сказала она, отводя полы пальто, чтобы открыть вид на рукоятки топоров, – у меня всегда есть кое-что про запас.

Я покосилась на Надю. У меня сложилось впечатление, что Тамара красовалась перед нею.

Она надела капюшон и побежала трусцой сквозь деревья.

– *Юэ сэш*, – крикнул Толя вдогонку на шуханском.

– *Ни вэ сэш!* – ответила она через плечо. А затем скрылась во мраке.

– Что это значит?

– Этой фразе научил нас отец, – ответил Толя. – *Юэ сэш*: «презирайте свое сердце». Но это дословный перевод. Истинное же значение: «Сделай, что нужно. Будь жестокой, если требуется».

– А вторая часть?

– *Ни вэ сэш?* «У меня нет сердца».

Мал вздернул бровь.

– Веселый у вас был папаша.

Губы Толи растянулись в слегка безумной улыбке, из-за которой он выглядел точь-в-точь как сестра.

– Это да.

Я посмотрела в ту сторону, куда ушла Тамара. Где-то за этими лесами и полями находилась Раевость. Я послала свои молитвы вслед за ней: «Возвращайся с новостями о принце, Тамара. Не думаю, что я справлюсь в одиночку».

\* \* \*

Мы разложили спальные мешки и поделили провизию. Адрик и Надя занялись палаткой, пока Толя и Мал обходили периметр, отмечая места, где расставят дозорных. Стигг пытался уговорить Сергея поесть. Я надеялась, что возвращение на поверхность приведет его в чувство, но хоть Сергей и стал меньше паниковать, я все равно ощущала напряжение, исходящее от него волнами.

По правде говоря, мы все были на взводе. Как бы ни было приятно лежать под деревьями и вновь смотреть на небо, все происходящее удручало. Жизнь в Белом соборе была жалкой, но предсказуемой. Здесь же все казалось более диким, бесконтрольным. В этих землях бродили ополченцы и люди Дарклинга. С Николаем или нет, но мы вернулись к войне, а это означало больше сражений, больше смертей. Мир снова стал огромным. И я не была уверена, что мне это нравится.

Я оглядела наш лагерь: Хэршоу уже улегся и сопел с Накошкой на груди; Сергей сидел бледный и настороженный; Давид прислонился к дереву и читал книгу, пока Женя дремала, положив голову ему на колени; Надя и Адрик возились с шестами и брезентом, а Зоя наблюдала за ними, но помощь не предлагала.

«Презирай свое сердце». Я бы хотела так уметь. Я не желала и дальше горевать, переживать потери, испытывать чувство вины или беспокойство. Хотелось стать жесткой, расчетливой. Бесстрашной. Под землей это казалось возможным. Здесь, в лесу, с этими людьми, я чувствовала себя менее уверенно.

В конце концов я, должно быть, задремала, поскольку когда я очнулась, день уже близился к вечеру, солнце садилось за деревья. Рядом со мной сидел Толя.

– Тамара вернулась, – сказал он.

Я резко села, тут же проснувшись. Но лицо Толи оставалось мрачным.

– К ней никто не подошел?

Он покачал головой. Я расправила плечи. Не хотела, чтобы кто-то видел мое разочарование. Стоило порадоваться, что Тамаре вообще удалось пробраться в город и уйти из него целой и невредимой.

– Мал знает?

– Нет, – ответил Толя. – Он наполняет фляги водой у ручья. Хэршоу и Стилг на дежурстве. Мне позвать их?

– Это может подождать.

Тамара прислонилась к дереву и жадно пила воду из кружки, пока остальные собирались вокруг нее, чтобы услышать отчет.

– Проблем не возникло? – спросила я.

Она помотала головой.

– И ты уверена, что нашла нужное место? – поинтересовался Толя.

– Западная сторона рыночной площади. Я прибыла рано, осталась допоздна, поболтала с лавочником, просмотрела чертово кукольное представление четыре раза подряд. Если бы пост был активным, ко мне бы кто-нибудь подошел.

– Можем попробовать еще раз завтра, – предложил Адрик.

– Я пойду, – сказал Толя. – Ты пробыва там достаточно долго. Если покажешься снова, люди заметят.

Тамара вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Если я прикончу кукловода, это привлечет лишнее внимание?

– Нет, если сделаешь все по-тихому, – ответила Надя.

Когда все повернулись к ней, ее щеки залились румянцем. Я никогда не слышала шуток от Нади. Обычно она играла роль аудитории для Марии.

Тамара сняла кинжал с запястья и покрутила его, балансируя острием на кончике пальца.

– Я могу быть тихой, – сказала она, – и милосердной. Пусть марионетки живут. – Сделала еще один глоток воды. – Еще я узнала новости. Крупные новости. Западная Равка открыто объявила, что она за Николая.

Все навестили уши.

– Они блокируют западный берег Каньона, – продолжила шуханка. – Так что, если Дарклингу потребуется оружие или боеприпасы...

– Ему придется идти через Фьерду, – закончила Зоя.

Но все не так просто. Это значит, что Дарклинг потерял береговую линию Западной Равки, ее флот – лишь они оставались до недавнего времени доступными для заморской торговли.

– Сейчас Западная Равка, – сказал Толя. – Может, Шухан следующий.

– Или Керчия, – вставила Зоя.

– Или и тот, и другая! – воскликнул Адрик.

Я почти видела, как лучик надежды воодушевляет наши ряды.

– И что теперь? – спросил Сергей, нервно теребя рукав.

– Давайте переждем денек, – предложила Надя.

– Ну, не знаю, – протянула Тамара. – Я не против вернуться. Но на площади были опричники.

Плохой знак. Опричники были личной стражей Дарклинга. Если они контролировали эту территорию, нам есть смысл уходить так скоро, как только возможно.

– Я хочу поговорить с Малом, – сказала я. – Не особо распаковывайтесь. Возможно, утром мы двинемся в путь.

Все разошлись, Тамара с Надей отправились копаться в наших продовольственных запасах. Шуханка продолжала хвастливо поигрывать кинжалом – определенно красовалась, но Надя, похоже, была не против.

Я пошла на звук воды, пытаясь разобраться в собственных мыслях. Если Западная Равка выступила за Николая, это очень хороший знак – знак, что он жив и здоров, и создает больше проблем для Дарклинга, чем кто-либо мог предположить в Белом соборе. Я почувствовала облегчение, но не знала, каким должен быть наш следующий шаг.

Добравшись до ручья, я увидела Мала, сидевшего у мелководья. Он разулся и снял рубашку, закатав штаны до колен. Мал сосредоточенно наблюдал за водой, но при звуке моих шагов вскочил на ноги и сделал рывок к ружью.

– Это всего лишь я, – сказала я, выходя из леса.

Он расслабился и снова присел, направив взгляд на ручей.

– Что ты тут делаешь?

Мгновение я просто наблюдала за ним. Мал оставался абсолютно неподвижным, как вдруг его руки быстро погрузились в ручей и достали извивающуюся рыбу. Он кинул ее обратно. Какой смысл оставлять рыбу, если мы не можем рисковать, разжигая костер, чтобы приготовить ее?

Я видела в Керамзине, как он ловил рыбу тем же способом даже зимой, когда пруд Тривка покрывался льдом. Он точно знал, в каком месте пробить лед, где опустить леску, когда вытаскивать рыбу. Я составляла ему компанию, ожидая на берегу и попутно разглядывая в ветвях деревьев места, где птицы свили гнезда.

Сейчас все было по-другому. Вода играла бликами света на его лице, подчеркивала плавное движение мышц под кожей. Я поняла, что нельзя так пялиться, и слегка встряхнулась. Мне и прежде доводилось видеть его без рубашки. Не нужно вести себя как идиотка.

– Тамара вернулась, – сказала я.

Он встал, потеряв всякий интерес к рыбе.

– И?

– Никаких признаков людей Николая.

Мал вздохнул и провел рукой по волосам.

– Проклятье!

– Можем переждать еще один день, – предложила я, хотя и так знала, что он ответит.

– Мы и без того зря потеряли время. Я не знаю, как много дней нам потребуется, чтобы добраться на юг или найти жар-птицу. Не хватало еще застрять в горах, когда пойдет снег. К тому же нужно найти убежище для остальных.

– Тамара говорит, что Западная Равка выступила за Николая. Что, если отвести гришей к ним?

Мал задумался.

– Это долгое путешествие, Алина. На него уйдет много времени.

– Знаю, но там безопаснее, чем где-либо по эту сторону Каньона. И это еще одна возможность найти Николая.

– Да и двигаться на юг может быть менее опасно с того берега, – он кивнул. – Ладно. Нам нужно подготовить остальных. Я хочу, чтобы мы выдвинулись в путь сегодня вечером.

– Сегодня?

– Ждать нет смысла. – Он вышел из воды, ступая босыми ногами по валунам.

Он не произнес «ты свободна», но это читалось между строк. Что еще тут обсуждать?

Я направилась к лагерю, но затем вспомнила, что не сказала ему об опричниках. Вернулась к ручью.

– Мал... – начала я, но дальнейшие слова так и не слетели с моих уст.

Он наклонился, чтобы подобрать фляги. Стоя ко мне спиной.

– Что это?! – сердито спросила я.

Мал крутанулся, разворачиваясь ко мне лицом, но было слишком поздно. Он открыл рот.

Прежде чем он успел сказать хоть слово, я рявкнула:

– Если скажешь «ничего», я тебя вырублю.

Он закрыл рот.

– Повернись, – велела я.

Он замер на мгновение. Затем вздохнул и повернулся.

У него была татуировка во всю спину – что-то похожее одновременно и на розу ветров, и на солнце; указатели тянулись от плеча к плечу и вдоль позвоночника.

– Зачем? – спросила я. – Зачем ты это сделал?

Он пожал плечами, его мышцы забугрились под сложным узором.

– Мал, зачем тебе эта метка?

– У меня много шрамов, – наконец ответил он. – Этот я выбрал самолично.

Я присмотрелась. На рисунке виднелись буквы. «*Я ста резку*». Я нахмурилась. Похоже на староравкианский.

– Что это значит?

Он промолчал.

– Мал...

– Это унижительно.

И, конечно, я тут же увидела, как его шея покрывается красными пятнами.

– Скажи мне.

Мал помедлил, но затем прочистил горло и пробормотал:

– Я стану клинком.

«Я стану клинком». Так вот кем он был? Этот юноша, за которым гриши следовали беспрекословно, чей голос оставался твердым, пока вокруг нас обрушивалась пещера, который сказал мне, что однажды я стану королевой? Я уже не была уверена, что знаю его.

Я провела пальцами по буквам. Мал напрягся. Его кожа все еще была влажной после реки.

– Могло быть и хуже, – сказала я. – Например, если бы там было начертано «давай обнимемся» или «я стал имбирным пудингом» – вот *это* было бы унижительно.

Мал удивленно хохотнул, затем, когда я провела рукой вдоль позвоночника, с шумом втянул воздух. Его руки, вытянутые по бокам, сжались в кулаки. Я знала, что нужно отойти, но мне хотелось быть с ним рядом.

– Кто это сделал?

– Толя, – прохрипел он.

– Больно было?

– Меньше, чем могло бы.

Я добралась до самой нижней точки солнечного луча, прямо у поясницы. Замерла, а потом провела ногтями вверх. Мал резко повернулся и крепко сжал мои руки.

– Не делай так, – яростно произнес он.

– Я...

– Я так не могу. Не могу делать, что нужно, когда ты меня смешишь или прикасаешься как сейчас.

– Мал...

Внезапно он резко поднял голову и прижал палец к губам.

– Руки вверх!

Голос донесся из тени под деревьями. Мал метнулся к ружью и через секунду приставил его к плечу, но из леса уже выходило трое человек – двое мужчин и женщина с пучком на

голове, – с наставленными на нас дулами винтовок. Мне показалось, что я узнала лица из конвоя, который мы видели на дороге.

– Опустим ружье, – приказал мужчина с короткой козлиной бородкой. – Если не хочешь, чтобы мы продырявили твою подружку пулями.

Мал положил ружье обратно на камни.

– Теперь подойдите. Только медленно и без шуток.

На мужчине был мундир Первой армии, но он не походил ни на одного солдата, которого я когда-либо встречала. Его длинные, спутанные волосы были собраны в две растрепанные косички по бокам, чтобы не лезли в глаза. На нем был патронташ, надетый через плечо, и грязный жилет, который когда-то, возможно, был красным, но теперь поблек до тусклого оттенка, чего-то среднего между сливовым и коричневым.

– Мне нужны мои ботинки, – сказал Мал.

– Значит, без них ты вряд ли убежишь.

– Что вы хотите?

– Давай начнем с ваших ответов. В близлежащем городе полно более уютных местечек для ночлега. Так почему же дюжина людей скрывается в лесу? – Должно быть, мужчина заметил мою реакцию, так как тут же добавил: – Верно, мы нашли ваш лагерь. Вы дезертиры?

– Да, – без запинки ответил Мал. – Из Керский.

Незнакомец почесал щеку.

– Керский? Возможно. Но... – он шагнул вперед. – Оретцев?

Мал напрягся, но затем ответил:

– Лученко?

– Ради всех святых, я не видел тебя с тех пор, как твое подразделение тренировалось со мной в Полизнай! – Он повернулся к своим людям. – Этот мелкий балбес был лучшим следопытом в десяти полках. Никогда не видел ничего подобного, – он улыбался, но ружье не опускал. – А теперь ты стал самым известным дезертиром во всей Равке.

– Просто пытаюсь выжить.

– Мы оба пытаемся, брат, – он указал на меня. – Не припоминаю, чтобы такие барышни в моем вкусе.

Не будь на меня наставлено дуло, я бы обиделась.

– Такой же пехотинец из Первой армии, как и мы с тобой.

– Как и мы, значит? – Лученко ткнул в меня стволом. – Сними шарф.

– Воздух сегодня прохладный... – попыталась увильнуть я.

Он снова ткнул в меня ружьем.

– Давай, девочка.

Я покосилась на Мала. Он явно обдумывал наши варианты. Мы стояли на близком расстоянии. Я могу нанести удар разрезом, но не раньше, чем ополченцы успеют пару раз выстрелить. Можно ослепить их, но, если начнется перестрелка, что произойдет с гришами в лагере?

Я пожала плечами и резко стянула шарф с шеи. Лученко громко присвистнул.

– Наслышан о твоей компании, Оретцев. Похоже, мы поймали святую, – он склонил голову набок. – Почему-то я представлял ее себе повыше. Связать их.

Мы с Малом снова переглянулись. Он хотел, чтобы я действовала, это было понятно. Пока мои руки не связаны, я могу призвать свет и управлять им. Но как же остальные гриши?

Я вытянула руки и позволила женщине связать их веревкой.

Мал вздохнул и последовал моему примеру.

– Можно хотя бы рубашку надеть? – спросил он.

– Нет, – ухмыльнулась она. – Мне так больше нравится.

Лученко рассмеялся.

– Забавная штука жизнь, не так ли? – по-философски произнес он, пока нас вели в лес под прицелом. – Я всегда мечтал о том, чтобы мой чай подсластила щепотка удачи. Теперь я в ней утопаю. Дарклинг опустошит казну, чтобы ему доставили под дверь вас двоих.

– Ты собираешься просто вручить меня ему? – спросила я. – Как глупо.

– Какие громкие заявы от девчонки, в чью спину направлено дуло.

– Это просто деловой подход. Думаешь, Фьерда и Шухан не готовы заплатить большой куш – или даже одарить целым состоянием, – чтобы заполучить в свои руки заклинательницу Солнца? Сколько у тебя людей?

Лученко бросил взгляд через плечо и погрозил мне пальцем, как учитель. Что ж, попытка не пытка.

– Я просто хотела сказать, – невинно продолжила я, – что ты мог бы продать меня на аукционе по высочайшей цене, накормить всех своих людей и осчастливить их до конца жизни.

– Мне нравится ход ее мыслей, – отозвалась женщина с пучком.

– Не жадничай, Екатерина, – ответил Лученко. – Мы не послы и не дипломаты. Награда за голову девчонки купит нам пропуск через границу. Может, я сяду на корабль в Джерхольме. Или, может, буду резвиться с кучей блондинок до конца своих дней.

Отвратительный образ Лученко, резвящегося с толпой фигуристых фьерданок, вылетел из моей головы, как только мы вышли на поляну. Всех гришей согнали в ее центр и замкнули в круге из тридцати вооруженных ополченцев. Толя истекал кровью – видимо, от сильного удара по голове. Хэршоу в момент нападения стоял в дозоре, и мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что в него стреляли. Он стоял бледный, на подкашивающихся ногах, держался за рану в боку и тяжело дышал под жалобное мяуканье Накошки.

– Видите? – сказал Лученко. – С такой неожиданной удачей мне не нужно беспокоиться о высочайшей цене.

Я встала перед ним, пытаюсь говорить так низко, как только возможно.

– Отпусти их. Если сдашь нас Дарклингу, их будут пытаться.

– И?

Я подавила охватившую меня ярость. Угрозы ни к чему не приведут.

– Живые пленники стоят гораздо больше, чем трупы, – смиренно произнесла я. – Хотя бы развяжите меня, чтобы я могла позаботиться о ранах своих друзей.

*И разгромить твоих ополченцев щелчком пальцев.*

Екатерина прищурилась.

– Не делай этого, – сказала она. – Пусть один из ее кровопускателей позаботится о них. – Она ткнула меня в спину и погнала в группу к остальным.

– Видите этот ошейник? – спросил Лученко у своих людей. – Мы взяли заклинательницу Солнца!

Последовали громкие восклицания и улюлюканье, издаваемое другими ополченцами.

– Так что начинайте думать, как потратите все деньги Дарклинга.

Толпа радостно завопила.

– Почему бы не потребовать за нее выкуп у Николая Ланцова? – раздался голос солдата откуда-то сзади. Теперь, когда я стояла в центре круга, мне стало казаться, что ополченцев даже больше, чем я думала.

– У Ланцова? – переспросил Лученко. – Если у него есть мозги, он отдыхает далеко отсюда в обнимку со знойной красоткой. Если он вообще жив.

– Он жив, – сказал кто-то.

Лученко сплюнул.

– Мне без разницы.

– А твоей стране? – спросила я.

– А что эта страна сделала для меня, девочка? У меня нет ни своей земли, ни жизни, только униформа и пушка. И неважно, кто на троне: Дарклинг или очередной бесполезный Ланцов.

– Я видела принца, когда была в Ос Альте, – встряла Екатерина. – Вполне недурен собой.

– Недурен? – раздался другой голос. – Да он чертовски красив!

Лученко нахмурился.

– С каких это пор...

– Он невероятно смел и чертовски умен. – Теперь голос будто доносился откуда-то сверху. Лученко вытянул шею, глядя в кроны деревьев. – Превосходный танцор, – продолжил голос. – О, и стрелок что надо!

– Кто... – Лученко так и не закончил предложение. Раздался выстрел, и между его глаз появилось маленькое черное отверстие.

Я ахнула.

– Невозм...

– Даже не смей это произносить, – буркнул Мал.

А затем воцарился хаос.

## Глава 6

Ружейные выстрелы загрохотали вокруг нас, и Мал сбил меня с ног. Я упала лицом в мульчу лесного покрова и почувствовала, как тело юноши накрыло мое.

– Не вставай! – крикнул он.

Повернула голову и увидела, как гриши смыкают кольцо вокруг нас. Хэршоу лежал на земле, но Стигг достал кремь, и вверх выстрелило пламя. Тамара с Толей кинулись в гущу битвы. Зоя, Надя и Адрик взмахнули руками, и порыв ветра взметнул листья с подлеска, но в этой путанице вооруженных людей было трудно отличить своих от чужих.

Рядом с нами раздался глухой удар – кто-то выпрыгнул из крон деревьев.

– Чего это вы валяетесь босые и полуголые в грязи? – любопытствовал знакомый голос. – Ищете трюфели, я надеюсь?

Николай разрезал веревки на наших запястьях и рывком поднял меня на ноги.

– В следующий раз я постараюсь попасть в плен. Просто для разнообразия. – Кинул ружье Малу. – Ну что, приступим?

– Я не вижу, кто есть кто! – возразила я.

– Мы та сторона, которую безнадежно превосходят по численности.

К сожалению, он не шутил. Когда бойцы чуть расступились и я окончательно пришла в чувство, мне стало легче отличать людей Николая по их голубым нарукавным повязкам. Они проделали брешь в рядах ополченцев Лученко, но враги сплотились даже без своего лидера.

Раздался крик. Люди Николая рвались вперед, подталкивая перед собой гришей. Нас теснили.

– Что происходит? – спросила я.

– Это та часть, где мы делаем ноги, – любезно уточнил Николай, но я видела напряжение на его испачканном грязью лице.

Мы кинулись через деревья, пытаясь угнаться за мчащимся по лесу Николаем. У меня не получалось определить, куда мы направляемся. К ручью? К дороге? Я потеряла всякое чувство направления.

Оглянувшись, пересчитала остальных, убеждаясь, что никто не отстал. Шквальные призывали ветер в тандеме, валя деревья на пути у ополченцев. Стигг бежал за ними и выпускал вспышки пламени. Каким-то чудом Давид умудрился вернуть свой рюкзак и шатался под его весом, двигаясь рядом с Женей.

– Брось его! – крикнула я, но если Давид меня и услышал, то решил проигнорировать.

Толя закинул Хэршоу себе на плечо, но вес крупного инферна замедлял его темп. Шуханца начал догонять солдат с саблей. Тамара прыгнула на упавший ствол дерева, прицелилась и выстрелила из пистолета. Через секунду ополченец схватился за грудь и рухнул, так и не успев сделать следующий шаг. Накошка юркнула мимо его тела, следуя по пятам за Толей.

– Где Сергей? – крикнула я и в ту же секунду увидела, что он отстает, на лице растерянность. Тамара вернулась, уклоняясь от падающих деревьев и огня, и с силой потянула его за собой. Я не слышала, что она кричала, но вряд ли ласковые слова ободрения.

Я споткнулась. Мал поймал меня за локоть и увлек вперед, а сам развернулся, чтобы сделать два выстрела из ружья. Потом мы выбежали на заболоченный луг.

Несмотря на жар послеполуденного солнца, поле было окутано туманом. Мы брели по влажной почве, пока Николай не крикнул:

– Сюда!

Все резко остановились, подняв брызги грязи. Сюда?! Мы стояли посреди пустого поля, где единственным нашим укрытием был туман, преследуемые толпой ополченцев, жаждущих мести и богатства.

Раздалось два пронзительных гудка и земля заходила ходуном.

– Держитесь! – крикнул Николай.

– За что?! – взвизгнула я.

А потом нас начало поднимать. Вокруг нас натянулись тросы, а поле будто подбросило вверх. Я подняла взгляд – когда туман рассеялся, над нашими головами оказался огромный летучий корабль с открытым грузовым трюмом. Это было нечто похожее на баржу, оборудованную парусами с одного края и парящую под гигантским продолговатым шаром.

– Что это, черт возьми, такое? – спросил Мал.

– «Пеликан», – ответил Николай. – Ну, прототип «Пеликана». Основная задача – сделать так, чтобы шар не сдулся.

– И ты решил эту маленькую проблему?

– Более или менее.

Почва под нами осыпалась, и я увидела, что мы стоим на качающейся платформе, изготовленной из металлической сетки. Мы поднимались выше – десять, пятнадцать футов над землей. В металл врезалась пуля.

Все разошлись по краям платформы, цепляясь за тросы и параллельно пытаясь прицелиться в стреляющую в нас толпу.

– Уходим! – крикнула я. – Почему бы нам не покинуть зону досягаемости?

Николай с Малом переглянулись.

– Они знают, что заклинательница Солнца у нас, – сказал Николай. Мал кивнул, подхватил пистолет и быстро подал знак Толе с Тамарой.

– Что ты делаешь? – вдруг запаниковала я.

– Нельзя оставлять свидетелей, – ответил Мал. А затем спрыгнул с края платформы. Я закричала, но он сгруппировался, кувыркнулся и начал обстрел.

Близнецы последовали за ним, сокращая оставшиеся ряды ополченцев, пока Николай и его команда пытались прикрыть их сверху. Я увидела, как один ополченец отделился и побежал к лесу. Толя выстрелил врагу в спину, и не успело тело упасть на землю, как великан уже повернулся и сжал кулак, разрывая сердце другого вооруженного солдата, маячившего у него за спиной.

Тамара сразу накинулась на Екатерину. Топоры дважды сверкнули, и женщина упала, ее пучок приземлился рядом с безжизненным телом вместе с куском скальпа. Другой мужчина поднял пистолет, прицеливаясь в Тамару, но Мал опередил его, беспощадно перерезая ополченцу глотку. «Я стану клинком». И тогда никого не осталось – только трупы на поле.

– Быстрее! – крикнул Николай, когда платформа начала подниматься выше. Скинул вниз трос. Мал уперся ногами в землю, сильно натянув веревку, чтобы Тамара и Толя могли забраться наверх. Как только близнецы оказались на платформе, Мал закрутил веревку вокруг щиколотки и запястья, и они принялись тащить его на корабль.

Тогда-то я и заметила какое-то движение позади него. Мужчина поднялся с земли, покрытый грязью и кровью, и вытянул перед собой саблю.

– Мал! – крикнула я. Но было слишком поздно, его рука и нога были обвязаны веревкой.

Солдат издал рев и замахнулся. Мал выставил свободную руку в тщетной попытке защитить себя.

На лезвии клинка солдата отразился свет. Его рука замерла в движении, сабля выпала из пальцев. А затем тело ополченца распалось пополам, словно кто-то провел идеальную линию от макушки и до самого паха. Линию, которая ярко светилась, пока мужчина разваливался на части.

Мал взглянул вверх. Я стояла на краю платформы, мои руки все еще сияли от силы разреза. Внезапно меня повело. Николай дернул меня обратно, чтобы я не перевалилась за борт. Я вырвалась из его рук и побежала в дальний конец платформы. Меня стошнило за край.

Я держалась за прохладный металл, чувствуя себя трусихой. Мал и близнецы ввязались в битву, чтобы удостовериться, что Дарклинг не узнает о нашем местонахождении. Они не колебались. Убивали с безжалостной результативностью. Я же забрала одну жизнь и теперь свернулась калачиком, как ребенок, вытирая рвоту с губ.

Стигг направил огонь вниз, чтобы сжечь тела на поле. Я даже не задумалась, что располвиненное тело сработает как надежный информатор, выдав мое присутствие.

Спустя несколько секунд платформу затащили в грузовой трюм «Пеликана», и мы двинулись в путь. Когда все вышли на палубу, солнце сияло по левому борту, а корабль рассекал облака. Николай раздавал приказы. Одна группа шквальных управляла гигантским воздушным шаром, пока остальные наполняли паруса ветром. Пролитные окутывали корпус корабля дымкой, чтобы никто не заметил нас с земли. Я узнала некоторых гришей-отшельников, знакомых мне с того времени, когда Николай выдавал себя за Штурмхонда, а мы с Малом были пленниками на его корабле.

Судно было крупнее и менее изящным, чем «Колибри» или «Зимородок». Вскоре я узнала, что его построили специально для перевозки груза – партий земенского оружия, которое Николай провозил через северную и южную границы, а еще иногда через Каньон. Его построили не из дерева, а из какого-то легкого фабрикаторского материала, который буквально вскружил голову Давиду. Он даже лег на палубу, чтобы лучше его рассмотреть, и постукивал в разных местах.

– Это какая-то затвердевшая смола, но ее укрепили... углеродными волокнами?

– Стеклом, – ответил Николай, явно очень польщенный энтузиазмом Давида.

– Больше гибкости! – чуть не впал в экстаз тот.

– Что я могу сказать? – сухо произнесла Женья. – Он увлекающийся мужчина.

Присутствие Жени немного меня волновало, но Николай никогда не видел ее со шрамами и, похоже, вообще не узнавал. Я обошла корабль вместе с Надей, шепча предупреждения нашим гришам, чтобы те не использовали ее настоящее имя.

Один из членов экипажа предложил мне кружку холодной воды, чтобы я могла прополоскать рот и умыться лицо и руки. Я приняла ее с горящими щеками, устыдившись своей истерики на платформе.

Закончив и облокотившись на перила, я всмотрелась сквозь туман в пейзаж внизу – пространства, окрашенные в красно-золотые оттенки осени, серо-голубое мерцание речных городов и их шумных портов. Сумасшедшая энергия Николая так отвлекала, что я едва успела задуматься о том, что мы, вообще-то, летим. Мне уже доводилось находиться на борту его миниатюрных кораблей, но «Пеликан» мне однозначно нравился больше. В нем чувствовалось что-то величественное. Может, в скорости он чуть уступает, но и опрокидываться по своей прихоти не станет.

Из глубины земли в глубины небес. Я боялась в это поверить: что Николай нашел нас, что он цел, что мы все здесь. Меня захлестнула волна облегчения, на глазах выступили слезы.

– Сначала рвота, теперь слезы, – сказал Николай, подходя ко мне. – Только не говори, что я потерял хватку.

– Я просто очень рада, что ты жив, – я часто заморгала, чтобы прояснить взор. – Хотя уверена, что ты еще сумеешь испортить мне настроение.

– Я тоже рад тебя видеть. Поговаривали, что ты ушла под землю, но больше походило на то, что ты совсем исчезла.

– Что ж, это действительно было похоже на то, будто меня похоронили живьем.

– Все остальные твои люди остались там?

– Нет, все здесь.

– Ты же не хочешь сказать...

– Это все, что осталось от Второй армии. У Дарклинга свои гриши, а у тебя свои, но... – я замолчала.

Николай осмотрел палубу. Мал и Толя увлеченно беседовали с одним из матросов Николая, помогая ему привязывать веревки и управлять парусом. Кто-то нашел Малу куртку, но ему по-прежнему не хватало обуви. Давид поглаживал палубу, словно пытался в ней раствориться. Остальные разделились на маленькие группки: Женя присоединилась к Наде и другим эфиреалам. Стилг сидел с Сергеем – тот сполз на палубу и спрятал голову в ладонях. Тамара занималась ранами Хэршоу, а Накошка вцепилась когтями в его ногу, вздыбив шерсть. Кошка явно не получала удовольствия от полета.

– Все, что осталось, – повторил Николай.

– Один целитель захотел остаться под землей. – Выдержав небольшую паузу, я осведомилась: – Как ты нас нашел?

– Я не искал, если честно. Ополченцы грабят на наших контрабандистских маршрутах. Мы не могли позволить себе потерять еще одну партию, так что я решил разобраться с Лученко. Потом мы заметили Тамару на площади, а когда догадались, что лагерь, на который они напали, твой, я подумал, почему бы не заполучить и девушку...

– И пушки?

Принц лучезарно улыбнулся.

– Именно так.

– Слава святым, нам хватило прозорливости попасть в плен.

– Очень дальновидно с твоей стороны. Я в восхищении.

– Как король с королевой?

Николай фыркнул.

– Хорошо. Скучают. Им почти нечем заняться, – он поправил рукава мундира. – Смерть Василия далась им нелегко.

– Мне жаль, – сказала я. Откровенно говоря, я не особо задумывалась о старшем брате Николая.

– Он сам виноват, но, как ни странно, приходится признать, что мне тоже жаль.

– Я должна знать... ты вывел Багру?

– С большими трудностями и безо всякой благодарности. Тебе стоило предупредить меня насчет нее.

– Она просто сокровище, не так ли?

– Да, примерно как чума. – Он дотронулся рукой до пряди моих белых волос. – Смелое решение.

Я смущенно заправила выбившиеся волосы за ухо.

– Под землей так модно.

– Неужели?

– Это случилось во время битвы. Я надеялась, что цвет вернется со временем, но, похоже, они останутся такими навсегда.

– Мой кузен Людовик проснулся с седой прядью после того, как чуть не погиб в горящем доме. Утверждал, что дамы находят это очень привлекательным. Правда, он также заявлял, что пожар учинили призраки, так что кто знает.

– Бедный кузен Людовик.

Николай прислонился спиной к перилам и взглянул на воздушный шар, закрепленный над нами. Поначалу я предположила, что он из брезента, но теперь подумала, что это может быть шелк, покрытый резиной.

– Алина... – начал он. Мне было так непривычно видеть Николая смущенным, что ушло несколько секунд, пока я поняла, что он пытается подобрать слова. – Алина, в ту ночь, когда напали на дворец, я возвращался за вами.

Вот что его беспокоило? Мысль, что я считаю, будто он меня бросил?

– Я никогда в тебе не сомневалась. Что ты тогда увидел?

– Когда я прилетел, большая часть территории была окутана тьмой. В нескольких местах начался пожар. Я увидел разбитые тарелки Давида на крыше и на газоне Малого дворца. Часовню в руинах. Среди камней ползали ничегои. Я думал, что у нас будут проблемы, но они не обратили на «Зимородок» никакого внимания.

Неудивительно, ведь их хозяин был погребен и умирал под грудой каменных обломков.

– Я надеялся, что каким-то образом нам удастся достать тело Василия, – продолжил принц. – Но тщетно. Весь дворец был захвачен. Что произошло?

– Ничегои напали на Малый дворец. К тому времени, как я пришла туда, одна из тарелок была уже сброшена, – я впилась ногтями в перила корабля, оставляя отметины в виде полумесяцев. – У нас не было ни единого шанса. – Мне не хотелось вспоминать главный зал, залитый кровью, тела, распластанные на крыше, полу, лестнице – искалеченные груды синего, красного и фиолетового.

– А Дарклинг?

– Я пыталась его убить.

– А кто не пытался.

– Убив себя.

– Ясно.

– И обрушила часовню.

– Ты...

– Ну, формально это сделали ничегои, но по моему приказу.

– Ты можешь ими командовать?

Я уже видела, как он просчитывает возможное превосходство. Стратег до мозга костей.

– Не слишком-то радуйся, – предупредила я. – Для этого мне пришлось создать собственных ничегои. И поддерживать непосредственный контакт с Дарклингом.

– О, – угрюмо произнес Николай. – Но когда ты найдешь жар-птицу...?

– Не знаю, – призналась я, – но... – я запнулась. Я никогда не произносила эти слова вслух. Среди гришей это бы рассматривалось как ересь. Тем не менее, мне хотелось их сказать, хотелось, чтобы Николай их услышал. Я надеялась, что он поймет, какое это даст нам преимущество, даже если не уловит голод, руководивший моими действиями. – Мне кажется, я смогу построить собственную армию.

– Солдат света?

– Таков план.

Николай наблюдал за мной. Я видела, что он тщательно подбирает слова.

– Однажды ты мне сказала, что скверна отличается от Малой науки, и за нее нужно платить высокую цену. – Я кивнула. – Насколько высокую, Алина?

Я подумала о девочке в съехавших очках, чье тело было раздавлено зеркальной тарелкой, об обезображенном трупе Марии на руках Сергея, о Жене, прятавшей лицо под платком. Подумала о церковных стенах, где, словно на листах окровавленного пергамента, перечислялись имена погибших. Но мной управлял не только праведный гнев, а еще и жажда заполучить жар-птицу – сдерживаемая до поры до времени, но неугасимая.

– Неважно, – твердо ответила я. – Я ее заплачу.

Николай обдумал мои слова и сказал:

– Отлично.

– И что, это все? Никаких мудрых изречений? Зловещих предупреждений?

– Ради всех святых, Алина! Надеюсь, ты не ждешь, что я стану твоим голосом разума. Я придерживаюсь строгой диеты из опрометчивого энтузиазма и чистосердечного раскаяния, –

он выдержал паузу, улыбка сошла с его губ. – Но мне искренне жаль, что ты потеряла своих солдат и что я не сделал чего-то большего в ту ночь.

Под нами начинались белые просторы Вечного Мороза, а вдалеке виднелись очертания гор.

– Что ты мог сделать, Николай? Все бы просто закончилось твоей смертью. И вероятность такого исхода все еще велика. – Слова были жестокими, но правдивыми. Против теневых солдат Дарклинга все – вне зависимости от своей гениальности и предприимчивости – были почти бессильны.

– Кто знает, – ответил Николай. – Я без дела не сидел. Возможно, у меня еще припасена пара сюрпризов для Дарклинга.

– Умоляю, скажи, что планируешь переодеться в волькру и выпрыгнуть из торта.

– Ну вот, ты испортила весь сюрприз! – он оттолкнулся от перил. – Мне нужно направить нас к границе.

– К границе?

– Мы держим курс на Фьерду.

– О, прекрасно. Вражеская территория. А я только начала расслабляться.

– Это мое небо, – подмигнул Николай, после чего вальяжно пошел по палубе, насвистывая знакомую фальшивую мелодию.

Я сучала по нему. По его болтовне. По тому, как он справлялся с неприятностями. По тому, как он приносил с собой надежду, куда бы ни шел. Впервые за долгие месяцы я почувствовала, как узел в моей груди ослабевает.

Я думала, что, миновав границу, мы полетим к побережью или даже в Западную Равку, но вскоре мы держали курс к горному хребту, который я заметила ранее. Из своего картографического прошлого я знала, что эти горы – самые северные вершины Сикурзоя, хребет тянулся вдоль большей части восточной и южной границ Равки. Фьерданцы называли их Эль-бьен – Локти – хотя, чем ближе мы подлетали, тем непонятней становился их выбор слова. Это были огромные заснеженные вершины из белого льда и серого камня, превосходящие в размерах горы Петразоя. Если это локти, я не хотела знать, кому они принадлежат.

Мы взлетели выше. Воздух стал холоднее, когда мы попали в густой покров из облаков, скрывающих самые крутые вершины. Стоило нам всплыть над ним, как я восторженно ахнула. Отсюда горные пики, которые были достаточно высокими, чтобы пронзать облака, будто парили, как островки в белом море. Самый высокий выглядел так, словно его обхватили гигантские морозные пальцы, и когда мы облетали его по дуге, мне показалось, что я увидела какие-то силуэты сквозь лед. Ступени узкой каменной лестницы вели, петляя, наверх по поверхности скалы. Какой безумец решится на такой подъем? И с какой целью?

Мы обогнули гору, прижимаясь ближе и ближе к скалам. Я уже начала было паниковать, и тут мы резко свернули вправо. Внезапно оказавшись меж двух ледяных стен, «Пеликан» сделал вираж, и мы влетели в каменный ангар.

Николай и вправду не сидел без дела. Все собрались у перил, наблюдая за поднявшейся из-за нас суматохой. В ангаре было пришвартовано три корабля: еще одна грузовая баржа, точно такая как «Пеликан», обтекаемый «Зимородок» и похожее судно под названием «Выпь».

– Выпь почти как цапля, – пояснил Мал, надевая позаимствованные у кого-то ботинки. – Только поменьше и пронырливее.

У «Выпи», как и у «Зимородка», было два корпуса, только более плоские и широкие у основания, а еще встроенное оборудование, напоминавшее полозья саней.

Экипаж Николая скинул тросы за борт «Пеликана», и рабочие побежали ловить их, натягивая до предела и привязывая к стальным крюкам в стенах и полу ангара. Мы приземлились с глухим ударом и оглушительным скрипом – это деревянный корпус проехался по камню.

Давид неодобрительно нахмурился.

– Слишком большой вес.

– Не смотри так на меня, – сказал Толя.

Как только мы остановились, близнецы перепрыгнули через перила, выкрикивая приветствия другим членам команды и рабочим, которых, видимо, знали со времен своей службы на борту «Волка волн». Остальные ждали, пока спустят трап, а потом пошатываясь сошли с баржи.

– Впечатляет, – прокомментировал Мал.

Я изумленно покачала головой.

– Как он это делает?

– Хочешь узнать мой секрет? – спросил Николай из-за спины. Мы с Малом подпрыгнули от неожиданности. Принц подался вперед, посмотрел вправо-влево, а затем заговорщицки прошептал: – У меня много денег.

Я закатила глаза.

– Нет, серьезно! – возразил он. – *Много* денег.

Николай отдал приказы ожидающим докерам насчет ремонта, а затем повел нашу потрепанную, ошарашенную группу к отверстию в скале.

– Все внутрь! – объявил он. Мы с недоумением столпились в маленькой прямоугольной комнате. Казалось, что стены сделаны из железа. Николай закрыл дверцу у выхода.

– Ты мне на ногу наступил! – проворчала Зоя, но мы так тесно сгучились, что было трудно понять, на кого конкретно она злилась.

– Что это? – поинтересовалась я.

Николай потянул за рычаг, и все дружно закричали, когда пещера взмыла вверх, а с ней – и мой желудок.

Мы резко остановились. Мои внутренности вернулись на свои места, и дверца открылась. Николай вышел и согнулся пополам от хохота.

– От этого никогда не устает.

Все как можно быстрее начали выбираться из этой коробки – все, кроме Давида, который задержался, чтобы осмотреть механизм рычага.

– Поосторожней там, – крикнул Николай. – Путь вниз более ухабист, чем вверх.

Женя взяла Давида под руку и потащила за собой.

– Ради всех святых! – воскликнула я. – Я уже и забыла, как часто мне хочется тебя удушить.

– Значит, я все же *не* потерял сноровку! – Николай покосился на Женю и тихо спросил: – Что случилось с этой девушкой?

– Долгая история, – уклонилась я от ответа. – Умоляю, скажи, что здесь есть лестница. Уж лучше я останусь жить тут, чем вернусь в ту штуку.

– Разумеется, лестница есть, но это не так весело. И когда достаточно набегался по четырем пролетам вверх и вниз, то обнаружишь, что ты человек куда более широких взглядов.

Я собиралась поспорить, но слова замерли на языке, как только я осмотрелась вокруг. Если ангар впечатлял, то это место было просто произведением искусства.

Это была самая большая комната, в которой мне доводилось бывать – вдвое, а то и втрое шире и выше купольного зала в Малом дворце. Это даже комнатой не назовешь, признала я. Мы стояли внутри полой вершины горы.

Теперь я догадалась, что видела, когда мы подлетали на «Пеликане». Морозные пальцы на самом деле оказались гигантскими бронзовыми колоннами, отлитыми в форме людей и разных созданий. Они нависали над нами, поддерживая огромные панели из стекла, сквозь них виднелся океан из облаков внизу. Стекло было таким чистым, что создавалось жутковатое ощущение открытого пространства, словно достаточно подуть ветру, и меня снесет в пустоту внизу. Мое сердце заколотилось.

– Дыши глубже, – посоветовал Николай. – Поначалу может кружиться голова.

Зал был полон людей. Некоторые толпились группками у чертежных столов и деталей оборудования. Другие собирали ящики с припасами на временном складе. Еще одну зону выделили для тренировок; солдаты сражались в парах на тупых мечах, в то время как шквальные призывали ветер, а инферны огонь. Сквозь стекло виднелись террасы, расположенные с четырех сторон, гигантские выступы напоминали стрелки компаса – север, юг, восток, запад. Два из них были отведены для учебной стрельбы. Было трудно не сравнивать это место с сырыми, тесными пещерами Белого собора. Здесь все изобиловало жизнью и надеждой. Во всем чувствовался дух Николая.

– Что это за место? – полюбопытствовала я, пока мы медленно шли дальше.

– Изначально это было местом паломничества, еще когда границы Равки простирались дальше на север, – поведал Николай. – Монастырь Санкт-Демьяна.

Санкт-Демьян из Райма. По крайней мере, это объясняло замеченную мной лестницу. Только вера или страх могли сподвигнуть кого-то совершить такое восхождение. Я вспомнила страницу о Демьяне из «Историй святых». Он сотворил какое-то чудо рядом с северной границей. Помнится, за это его забили камнями до смерти.

– Несколько сотен лет назад его превратили в обсерваторию, – продолжил Николай. Он указал на громоздкий латунный телескоп, спрятанный в одной из стеклянных ниш. – Это место было заброшенным на протяжении столетия. Я услышал о нем во время Халмхендской кампании, но найти его было непросто. Теперь мы зовем его Прялкой.

Тогда до меня дошло: бронзовые колонны были созвездиями – Охотник с натянутой тетивой лука, Ученый, склонившийся над исследованием, жмущиеся друг к другу Три Глупых Сына, которые пытались разделить одно пальто на всех. Казначей, Медведь, Нищий. Остриженная Дева со своей костяной иглой. Всего двенадцать: спицы Прялки.

Пришлось запрокинуть голову назад, чтобы рассмотреть стеклянный купол высоко над нами. Солнце уже садилось, небо постепенно приобретало насыщенный синий оттенок. Если прищуриться, можно увидеть двенадцатиконечную звезду в центре купола.

– Столько стекла... – потрясенно прошептала я.

– Но нет инея, – заметил Мал.

– Горячие трубы, – объяснил Давид. – Они под полом. И, наверное, встроены в колонны.

В этом помещении действительно было тепло. Не настолько, чтобы мне хотелось снять пальто или шапку, но ноги не мерзли в ботинках.

– Под нами находятся котлы, – сказал Николай. – Все работает на талом снеге и паровом отоплении. Топливо – это проблема, но я запасался углем.

– И как долго?

– Два года. Мы начали ремонт, когда я приказал переделать нижние пещеры в ангар. Это не идеальное место для отдыха, но порой просто хочется куда-то сбежать.

Я была впечатлена, но и немного обеспокоена. Как всегда в случае с Николаем, эти эмоции шли в комплекте, пока я наблюдала, как он трансформируется и меняется, попутно раскрывая свои тайны. Он напоминал мне деревянную матрешку, которой я играла в детстве. Только вместо того чтобы уменьшаться, принц становился грандиознее и загадочнее. Не удивлюсь, если завтра он мне расскажет, что построил дворец удовольствий на Луне. «Трудно добраться, зато какой вид».

– Осмотритесь, – предложил нам Николай. – Прочувствуйте это место. Невский разгружает баржу в ангаре, и мне нужно договориться о починке корпуса.

Я помнила Невского. Он служил в бывшем полку Николая, двадцать втором, и не особо любил гришей.

– Я хотела бы увидеться с Багрой, – попросила я.

– Ты в этом уверена?

– Нисколечко.

– Я отведу тебя к ней. Попрактикуюсь на тот случай, если когда-нибудь понадобится вести кого-то на виселицу. А после того, как ты получишь свою порцию грубости, вы с Оретцевым можете присоединиться ко мне за ужином.

– Спасибо, – ответил Мал, – но мне нужно готовить снаряжение для нашей экспедиции за жар-птицей.

Было время, причем совсем недавно, когда Мал ошетинился бы при мысли о том, что я останусь наедине с Идеальным принцем, но Николаю хватило такта не показывать своего удивления.

– Конечно. Я пошлю к тебе Невского, когда он закончит работу. Поможет тебе обустроиться здесь. – Он похлопал Мала по плечу. – Рад снова тебя видеть, Оретцев.

Мал искренне улыбнулся в ответ.

– И я тебя. Спасибо, что спас нас.

– Всем нужно какое-то хобби.

– Мне казалось, твое – самолюбование.

– У меня два хобби.

Они коротко пожали руки, после чего Мал откланялся и ушел с группой.

– Мне стоит обижаться, что он не хочет отужинать с нами? – поинтересовался Николай. – Я накрываю роскошный стол и редко пускаю слюни.

Мне не хотелось это обсуждать.

– Багра, – напомнила я.

– Он отлично себя показал на том пойменном поле, – продолжил Николай, беря меня под локоть, чтобы повести туда, откуда мы пришли. – Мал сильно продвинулся в стрельбе из пистолета и битве на мечах с нашей прошлой встречи.

Я вспомнила слова Апрата: «Люди сражаются за Равку, потому что король им приказывает». Мал всегда был одаренным следопытом, но солдатом он стал по той же причине, что и мы все – потому что у нас не было выбора. За что он боролся теперь? Я вспомнила, как он спрыгнул с сетчатой платформы, как чиркнул лезвием по горлу ополченца. «Я стану клинком».

Я пожалала плечами, желая поскорее сменить тему.

– Под землей особо нечем заняться, кроме как тренироваться.

– Я могу придумать более интересные способы провести время.

– Что за грязные намеки?

– Мысли у тебя грязные! Я намекал на головоломки и чтение поучительных текстов.

– Я не вернусь в эту железку, – предупредила я, как только мы подошли к двери в скале. – Так что лучше бы тебе повести меня к лестнице.

– Почему все всегда так говорят?

Я выдохнула с облегчением, когда мы начали спускаться по широким, восхитительным, неподвижным каменным ступенькам. Николай повел меня по петляющему проходу, и я сняла пальто, поскольку слегка взмокла. Этаж прямо под обсерваторией был значительно теплее, и, проходя мимо широкого дверного проема, я заметила лабиринт из кипящих котлов, светившихся и шипевших в темноте. Даже на утонченном лице всегда безупречного Николая выступили капельки пота.

Мы определенно направлялись к логову Багры. Эта женщина никогда не могла согреться. Интересно, это потому, что она так редко использовала свою силу? Я вот точно никогда не избавлюсь от сырости Белого собора.

Николай остановился у железной двери.

– Последняя возможность дать деру.

– Давай, – кивнула я. – Спасайся сам.

Он вздохнул.

– Запомни меня героем. – Он тихо постучал в дверь, и мы вошли.

У меня появилось странное впечатление, что мы оказались прямо в хижине Багры у Малого дворца. Она вновь ютилась у изразцовой печи, одетая в тот же выцветший кафтан, ее рука покоилась на трости, которой она с таким удовольствием меня охаживала. Тот же юный слуга читал ей книгу, и я ощутила вспышку стыда, поскольку даже не подумала спросить, выбрался ли он из Ос Альты. Николай прочистил горло, и мальчик отошел.

– Багра, – произнес принц, – как вы сегодня?

– Все такая же старая и слепая, – прорычала она.

– И обаятельная, – протянул Николай. – Ни в коем случае не забывайте об обаянии.

– Щенок.

– Карга.

– Чего ты хочешь, паразит?

– Я привел кое-кого повидаться с вами, – ответил Николай, выталкивая меня вперед.

Почему я так нервничала?

– Здравствуйте, Багра, – выдавила я.

Она застыла.

– Маленькая святая, – пробормотала женщина, – вернулась, чтобы спасти нас всех.

– Ну, она *действительно* чуть не умерла, пытаюсь избавить нас от вашего проклятого отпрыска, – легкомысленно вставил Николай. Я часто заморгала. Значит, он знает, что Багра – мать Дарклинга.

– Что, не справились даже с мученичеством? – Багра махнула мне рукой. – Заходи и закрой дверь, девочка. Ты выпускаешь весь жар. – Я улыбнулась знакомой манере общения. – А ты, – рывкнула она Николаю, – иди куда-нибудь, где тебя хотят видеть.

– Список таких мест безграничен, – парировал он. – Алина, я вернусь, чтобы отвести тебя на ужин, но если тебе надоест тут торчать, не стесняйся, можешь выбежать отсюда с дикими воплями или метнуть в нее топором. Все, что тебе покажется уместным на тот момент.

– Ты еще здесь? – гаркнула Багра.

– Я уйду, но надеюсь остаться в вашем сердце, – торжественно произнес он. Затем подмигнул мне и скрылся из виду.

– Мерзкий мальчишка.

– Он вам нравится! – изумленно воскликнула я.

Багра насупилась.

– Жадный. Высокомерный. Постоянно ввязывается в авантюры.

– Такое впечатление, будто вы за него волнуетесь.

– Тебе он тоже нравится, маленькая святая, – сказала она противным голосом.

– Да, – не спорила я. – Он был добр, когда мог бы быть жестоким. Это удивляет.

– Он слишком много смеется.

– Бывают недостатки и похуже.

– Например, пристрастие к спорам со старшими? – прорычала она. Затем стукнула своей тростью об пол. – Мальчик, принеси мне чего-нибудь сладенького.

Слуга вскочил на ноги и отложил книгу. Когда он пробежал мимо меня к двери, я поймала его за руку.

– Одну секунду. Как тебя зовут?

– Миша, – ответил он. Ему была просто необходима стрижка, но в остальном он выглядел вполне нормально.

– Сколько тебе лет?

– Восемь.

– Семь! – рыкнула Багра.

– Почти восемь, – признался он.

Он был невысок для своего возраста.

– Ты помнишь меня?

Он осторожно вытянул руку и коснулся рогов на моей шее, после чего торжественно кивнул.

– Санта-Алина, – выдохнул мальчик. Мать научила его, что я святая, и, судя по всему, неприязнь Багры не переубедила его. – Вы знаете, где моя мама?

– Нет. Мне жаль. – Он даже не выглядел удивленным. Может, уже смирился с этим ответом. – Как тебе здесь живется?

Его взгляд скользнул к Багре, потом обратно ко мне.

– Все нормально, – кивнула я. – Будь честным.

– Здесь не с кем играть.

Я почувствовала слабый укол совести, вспомнив свои одинокие дни в Керамзине до приезда Мала. Старшие сироты не проявляли особого интереса к очередной истощенной беженке.

– Возможно, это скоро изменится. А пока хочешь научиться драться?

– Слугам запрещено драться, – ответил он, но я видела, что идея ему понравилась.

– Я – заклинательница Солнца, и даю тебе свое разрешение. – Багра громко фыркнула, но я ее проигнорировала. – Если найдешь Мальена Оретцева, он подберет тебе учебный меч.

Не успела я и глазом моргнуть, как мальчишка ретировался из комнаты, едва не запутавшись в ногах от возбуждения.

Когда он ушел, я спросила:

– Кто его мать?

– Служанка в Малом дворце, – Багра сильнее укуталась в свою шаль. – Она могла выжить. Кто знает.

– Как он с этим справляется?

– А ты как думаешь? Николаю пришлось силком тащить его на то треклятое судно, пока он кричал. Хотя, возможно, это было здоровое решение. По крайней мере, теперь он плачет реже.

Убирая книгу, чтобы подсесть к ней, я глянула на название. Религиозные притчи. Бедное дитя. Снова обратила свое внимание на Багру. Она немного прибавила в весе, сидела ровнее в кресле. Жизнь вне Малого дворца пошла ей на пользу, хотя она просто отыскивала другую жарко натопленную хижину, чтобы прятаться.

– Хорошо выглядите.

– Поверю на слово, – сухо ответила она. – То, что ты сказала Мише – это было всерьез? Ты подумываешь привезти сюда учеников?

Детей из школы гришей в Ос Альте эвакуировали в Керамзин, вместе с их учителями и Боткином, моим бывшим инструктором по борьбе. Их безопасность месяцами не давала мне спокойно спать, но теперь я была в состоянии кое-что исправить.

– Если Николай согласится принять их в Прялке, вы согласитесь учить их?

– Гм-м, – протянула она, нахмурившись. – Кто-то же должен. Кто знает, какой чуши они научились у этого сброда.

Я улыбнулась. Прогресс, несомненно. Но моя улыбка испарилась, когда Багра стукнула меня по колену своей палкой.

– Ай! – вскрикнула я. Старуха была поразительно меткой.

– Дай мне свои запястья.

– У меня нет жар-птицы.

Она снова взялась за трость, но я отскочила.

– Ладно, ладно! – взяла ее за руку и опустила на свое голое запястье. Когда она ощупала меня чуть ли не до локтя, я спросила: – Откуда Николай знает, что вы – мать Дарклинга?

– Он спросил меня об этом. Этот щенок наблюдательнее, чем все вы, глупцы. – Должно быть, она убедилась, что я не скрываю где-то третий усилитель, поскольку брезгливо оттолкнула мою руку.

– И вы просто ему рассказали?

Багра вздохнула.

– Это тайны моего сына, – устало произнесла женщина. – Скрывать их – уже не моя забота. – Затем отклонилась. – Значит, тебе снова не удалось его убить.

– Да.

– Не могу сказать, что мне жаль. В конечном итоге я слабее даже тебя, маленькая святая.

Я запнулась, но затем выпалила:

– Я использовала скверну.

Ее сумрачные глаза расширились.

– Ты *что*?!

– Я... не делала этого лично. Я воспользовалась нашей связью, той, что создана ошейником, чтобы контролировать силу Дарклинга. И сотворила ничегой.

Рука Багры попыталась нащупать мою. Затем больно схватила за запястье.

– Больше никогда так не делай, девочка. Нельзя шутить с подобной силой. Она и создала Каньон. Это принесет только несчастья.

– У меня может не остаться иного выбора, Багра. Нам известно местонахождение жар-птицы, ну или, по крайней мере, нам так кажется. Когда мы найдем ее...

– Ты пожертвуешь еще одной древней жизнью ради собственного могущества.

– Может, и нет, – слабо возразила я. – Я проявила милосердие к оленю. Вдруг жар-птице необязательно умирать?

– Только послушай себя! Это не какая-нибудь детская сказка. Олень должен был умереть, чтобы ты могла забрать его силу. Жар-птица ничем не отличается, и на сей раз кровь будет на твоих руках, – тут она разразилась своим низким, мрачным хохотом. – Но эта мысль не смущает тебя так, как должна, не правда ли, девочка?

– Нет, – призналась я.

– Тебе что, совсем плевать на то, что ты потеряешь? На то, какой вред ты можешь причинить?

– Нет! – горестно воскликнула я. – *Нет, не плевать!* Но у меня не осталось выбора, и даже не будь я...

Багра отпустила мои руки.

– Ты бы в любом случае жаждала ее.

– Не стану отрицать. Я хочу жар-птицу. Хочу мощь всех усилителей разом. Но это не отменяет того факта, что ни одна человеческая армия не может противостоять тeneвым солдатам Дарклинга.

– Мерзость против мерзости.

Если потребуется. Я слишком многое потеряла, чтобы воротить нос от любого оружия, которое сделает меня достаточно сильной, чтобы победить в этой битве. С помощью Багры или без нее, но мне придется найти способ, как управлять скверной.

Я колебалась.

– Багра, я читала записи Морозова.

– Неужели? И как, стимулирующее чтение?

– Нет, скорее, невыносимое.

К моему удивлению, она рассмеялась.

– Мой сын изучал эти записи, будто какое-то Священное Писание. Он, должно быть, перечитывал их тысячу раз, ставя под сомнение каждое слово. Он начал думать, что в тексте

спрятаны коды. Подносил страницы к огню, выискивая невидимые чернила. В итоге он проклял имя Морозова.

Как и я. Только Давид оставался одержимым. Сегодня это чуть его не убило, когда он упрямо тащил рюкзак с собой.

Мне претило задавать этот вопрос, претило в принципе озвучивать эту возможность, но я заставила себя произнести:

– Есть ли... есть ли вероятность, что Морозов оставил цикл незавершенным? Может ли быть, что он так и не создал третий усилитель?

Багра молчала какое-то время, сидя с отстраненным выражением, уперев свой слепой взгляд во что-то, чего я не видела.

– Морозов ни за что бы не оставил это дело незаконченным, – тихо сказала она. – Это было не в его характере.

По какой-то причине от ее ответа у меня волосы встали дыбом. Всплыло воспоминание: Багра кладет руки на мой ошейник в Малом дворце. «Я бы хотела посмотреть на его оленя».

– Багра...

От двери донесся голос: «Моя правительница». Я раздраженно посмотрела на Мала, разозлившись, что нас прервали.

– Что такое? – спросила я, узнав нотки ярости в своем голосе, которые появлялись каждый раз, когда разговор касался жар-птицы.

– У Жени неприятности, – ответил он. – С королем.

## Глава 7

Я вскочила на ноги.

– Что случилось?!

– Сергей случайно упомянул ее настоящее имя. Похоже, на высоте он чувствует себя не лучше, чем в пещерах.

Я раздраженно зарычала. Женя сыграла ключевую роль в замысле Дарклинга по свержению короля. Я пыталась быть терпеливой к Сергею, но теперь он подвергнул ее опасности и поставил под угрозу наше соглашение с Николаем.

Багра схватила меня за штанину, указывая на Мала.

– Кто это?

– Капитан моей стражи.

– Гриш?

Я нахмурилась.

– Нет, отказник.

– Он звучит как...

– Алина, – перебил Мал. – За ней идут прямо сейчас.

Я вырвалась из хватки Багры.

– Мне нужно идти. Я пошлю Мишу обратно к вам.

Я поспешила из комнаты, закрывая за собой дверь, и мы с Малом бросились по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Солнце давно село, зажглись фонарики Прялки. Снаружи сквозь облачный покров начали проклевываться звезды. Несколько солдат с голубыми повязками собрались у тренировочной зоны и, похоже, были готовы наставить пистолеты на Толю с Тamarой. Я почувствовала прилив гордости, увидев, как мои эфиреалы выстроились за близнецами, закрывая собой Женю с Давидом. Сергей отсутствовал. Наверное, это к лучшему, поскольку у меня не было времени устраивать ему взбучку, которой он заслуживал.

– Она здесь! – крикнула Надя, заметив нас. Я пошла напрямик к Жене.

– Король ждет, – сказал один из стражей. Я удивилась, услышав резкий ответ Зои:

– Так пусть ждет дальше!

Обхватив Женю за плечи, я отвела ее в сторонку. Девушка дрожала.

– Послушай меня, – я погладила ее по волосам. – Тебе никто не причинит вреда. Ты поняла?

– Он *король*, Алина! – В ее голосе явственно слышался ужас.

– Уже нет, – напомнила я. Говорила с уверенностью, которой не чувствовала. Эта ситуация могла обернуться очень плохим и быстрым концом, но избежать ее было невозможно. – Ты должна встретиться с ним.

– Если он увидит меня такой... как я низко пала...

Я заставила ее посмотреть мне в глаза.

– Ты не *пала*. Ты бросила вызов Дарклингу, чтобы подарить мне свободу. Я не позволю им лишить тебя ее.

К нам подошел Мал.

– Стражи начинают нервничать.

– Я не могу этого сделать, – отрезала Женя.

– Можешь.

Мал ласково опустил руку ей на плечо.

– Мы с тобой.

По ее щеке скатилась слеза.

– Почему? В Малом дворце я шпионила за Алиной. Сжигала ее письма тебе. Позволила ей верить...

– Ты встала между нами и Дарклингом на корабле Штурмхонда, – произнес Мал тем же твердым голосом, что и во время обвала в пещере. – Я не считаю, что моей дружбы достойны только идеальные люди. И, слава всем святым, Алина тоже.

– Ты можешь довериться нам? – спросила я.

Женя сглотнула, сделала вдох, набираясь смелости, которая когда-то так легко ей давалась. Надвинула платок на голову.

– Хорошо, – сказала она.

Мы вернулись к группе. Давид вопросительно посмотрел на Женю, и она взяла его за руку.

– Мы готовы, – обратилась я к солдатам.

Мал и близнецы встали на шаг позади нас, и я предупредительно подняла руку, глядя на других гришей.

– Оставайтесь здесь, – затем тихо добавила: – И будьте начеку.

По приказу Дарклинга Женя чуть не совершила царевубийство, и Николай об этом знал. Если начнется заварушка, я понятия не имела, как нам сбежать с этой горы.

Мы последовали за стражами через обсерваторию и по коридору, ведущему к короткой лестнице. Завернув за угол, я услышала голос короля. Всех слов разобрать не смогла, но одно поняла: «измена».

Мы остановились в дверном проеме, образованном руками с копьями двух бронзовых статуй – Алеши и Аркадия, Всадников Ивеца, – их броню усеивали железные звезды. Чем бы ни было раньше это помещение, теперь его переделали под оперативный штаб Николая. Стены были завешаны картами и планами, громоздкий чертежный стол пребывал в полном беспорядке. Николай привалился к своему столу, руки и ноги скрещены, лицо обеспокоенное.

Я бы не узнала короля и королеву Равки. При нашей последней встрече с королевой она была затянута в розовые шелка и утопала в бриллиантах. Теперь на ней был шерстяной сарафан поверх простой крестьянской блузы. Светлые волосы, потерявшие блеск и похожие на солому без лоска, который наводила Женя благодаря своим талантам, были собраны в неаккуратный пучок. Король, судя по всему, все еще частично отдавал предпочтение военной форме. Золотой аксельбант и атласный пояс парадного мундира сменились на оливковую форму Первой армии, которая плохо сочеталась с его слабым телосложением и седеющими усами. Он выглядел болезненным и опирался на кресло жены; сутулые плечи и обвисшая кожа смотрелись чертовски убедительно в качестве доказательства того, что с ним сделала Женя.

Когда я вошла, король комично выпучил глаза.

– Я не звал сюда эту ведьму!

Я заставила себя поклониться, надеясь, что дипломатичность, которой я научилась у Николая, может послужить мне на пользу.

– Мой царь.

– Где изменница?! – взревел он, разбрызгивая слюну с нижней губы.

Довольно дипломатии.

Женя сделала маленький шаг вперед. Дрожащими руками скинула платок. Король ахнул. Королева прикрыла рот.

Тишина в комнате была сравнима с той, что наступает после пушечного выстрела. Я заметила, как понимание отразилось на лице Николая. Он покосился на меня, сжав челюсть. Не то чтобы я ему солгала, но разницы особой нет.

– Что это? – пробормотал король.

– Это цена, которую она заплатила за мое спасение, – ответила я. – Цена за неповиновение Дарклингу.

Король нахмурился.

– Она – предательница короны. Я требую ее голову.

К моему удивлению, Женья обратилась к Николаю:

– Я приму наказание, если он примет свое.

Лицо короля побагровело. Может, у него случится сердечный приступ, и это сэкономит нам нервы?

– Ты будешь молчать в присутствии своих господ!

Женья задрала подбородок.

– Среди присутствующих нет моих господ.

Она ничуть не облегчала нам задачу, но мне все равно хотелось ей поаплодировать.

Королева поперхнулась.

– Если думаешь, что это...

Женья дрожала, но ее голос оставался твердым:

– Если его нельзя судить за ошибки как короля, пусть судят за ошибки как мужчину.

– Неблагодарная шлюха! – прошипел король.

– Довольно, – отчеканил Николай. – Замолчите все.

– Я – король Равки! Я не буду...

– Ты король без трона, – тихо заметил Николай. – И я со всем уважением прошу тебя придержать язык.

Король умолк, на его виске пульсировала вена.

Николай завел руки за спину.

– Женья Сафина, ты обвиняешься в измене и попытке убийства.

– Если бы я хотела, чтобы он умер, он бы был уже мертв.

Принц предупреждающе посмотрел на нее.

– Я не пыталась его убить, – не сдавалась она.

– Но ты что-то сделала с королем, что-то, от чего он, по словам придворных врачей, никогда не оправится. Что это было?

– Яд.

– Его наверняка смогли бы вычислить.

– Только не этот. Я сама его изобрела. Если пить маленькими дозами на протяжении долгого времени, симптомы почти не будут проявляться.

– Растительный алкалоид? – спросил Давид.

Женья кивнула.

– Когда он скапливается в организме жертвы и достигает определенного порога, органы начинают отказывать и дегенерация необратима. Этот яд не убийца. Он вор. Крадет годы жизни. И их уже никогда не вернуть.

Я почувствовала что-то вроде удовлетворения в ее голосе. То, что она описала, было не готовым ядом, а творением девушки, застрявшей где-то между корпориадом и фабрикатом. Девушки, которая проводила много времени в мастерской субстанциалов.

Королева покачала головой.

– Маленькими дозами на протяжении долгого времени? У нее не было доступа к нашей пище...

– Я отравила собственную *кожу*, – резко ответила Женья, – свои губы. Поэтому каждый раз, когда он ко мне прикасался... – она слегка передернулась и глянула на Давида. – Каждый раз, когда он целовал меня, то впускал болезнь в свое тело. – Она сжала кулаки. – Он сам навлек на себя беду.

– Но тогда яд подействовал бы и на тебя, – заметил Николай.

– Мне приходилось выводить его из кожи, затем исцелять ожоги от щелочи. Каждый раз. Но оно того стоило.

Николай потер верхнюю губу.

– Он принуждал тебя?

Женя кивнула. Челюсть принца заходила желваками.

– Отец? – спросил он. – Это правда?

– Она служанка, Николай. Мне не нужно ее ни к чему принуждать.

После долгой паузы Николай сказал:

– Женя Сафина, когда эта война закончится, ты предстанешь перед судом за государственную измену и за сговор с Дарклингом против короны.

Король расплылся в самодовольной ухмылке. Но его сын еще не закончил.

– Отец, ты болен. Ты служил этой стране и ее народу, но теперь пришло время уйти на заслуженный покой. Сегодня ты напишешь письмо об отречении.

Король недоуменно заморгал, его веки дрожали, словно он не мог до конца поверить услышанному.

– Я не стану делать ничего подоб...

– Ты напишешь письмо и завтра улетишь на «Зимородке». Я отвезу тебя в Ос Керво, где тебя в целости и сохранности пересадят на «Волка волн» и повезут через Истиноморе. Можешь отправиться в какое-нибудь теплое местечко, например в Южные Колонии.

– *Колонии?* – ахнула королева.

– У тебя будут все удобства. Ты окажешься вдали от сражений и вне досягаемости Дарклинга. И самое главное, ты будешь в безопасности.

– Я – король Равки! Эта... эта изменница, эта...

– Если останешься, я буду судить тебя за изнасилование.

Королева схватила за сердце.

– Николай, ты же это не серьезно?

– Она находилась под твоей протекцией, мама.

– Она служанка!

– А ты – королева. Твои подчиненные тебе как дети. Все без исключений.

Король накинудся на Николая:

– Ты вышлешь меня из собственной страны за такое незначительное обвинение...

Тут Тамара нарушила свое молчание:

– Незначительное? А считалось бы оно незначительным, если бы она была дворянского рода?

Мал скрестил руки.

– Если бы она была дворянского рода, он бы ни за что не осмелился на такое.

– Это лучший выход из ситуации, – подытожил Николай.

– Это вовсе не выход! – рявкнул король. – Это трусость!

– Я не могу закрыть глаза на это преступление.

– У тебя нет ни права, ни власти. Кто ты такой, чтобы судить собственного короля?

Николай выпрямился.

– Это законы Равки, а не мои. Они не должны подстраиваться под звание или статус, – он заговорил более сдержанным тоном. – Ты сам знаешь, что это к лучшему. Твое здоровье ухудшается. Тебе нужен отдых, и ты слишком слаб, чтобы руководить нашей армией в войне против Дарклинга.

– Это мы еще посмотрим! – проревел король.

– Отец, – ласково произнес Николай, – люди за тобой не последуют.

Король прищурился.

– Василий стоил двух таких, как ты. Слабак, глупец, полный крестьянских сантиментов и крови!

Николай вздрогнул.

– Может, и так. Но ты напишешь это письмо и без возражений взойдешь на борт «Зимородка». Ты покинешь это место или предстанешь перед судом, и, если тебя признают виновным, то я тебя повешу.

Королева тихонько всхлипнула.

– Мое слово против ее, – сказал король, тыча пальцем в Женю. – Я – король...

Я встала между ними.

– А я – святая. Проверим, чье слово имеет больший вес?

– Закрой свой рот, маленькая нелепая ведьма! Нужно было убить тебя, когда была такая возможность.

– Хватит! – рявкнул Николай, выходя из себя. Он указал стражам на дверь. – Отведите моих родителей в их покои. Стерегите их и убедитесь, чтобы они ни с кем не общались. Я жду твоего отречения к утру, отец, или закую тебя в цепи.

Король перевел взгляд с сына на стражей, вставших по бокам от него. Королева вцепилась ему в руку, в ее синих глазах читалась паника.

– Ты не Ланцов, – прорычал король.

Николай безмятежно поклонился.

– Думаю, я смогу жить с этим фактом.

Он подал сигнал страже. Те схватили короля, но он вырвался из их рук. Затем направился к двери, ошетилившись от ярости и пытаясь собрать остатки своего достоинства.

Остановился перед Женей и прошелся взглядом по ее лицу.

– По крайней мере, теперь ты выглядишь такой, какая ты есть на самом деле. Сокрушенная.

Я видела, что слова ударили ее, словно пощечина. *Сокрушенная*. Прозвище, которое шептали паломники, когда она впервые оказалась среди них. Мал выступил вперед. Тамара потянулась к топорам, а Толя рыкнул. Но Женя остановила их взмахом руки. Ее спина выпрямилась, а единственный целый глаз полыхнул уверенностью.

– Вспоминайте меня, когда сядете на борт корабля, мой царь. Вспоминайте меня, когда посмотрите на Равку, скрывающуюся за горизонтом, в последний раз. – Она наклонилась и что-то прошептала ему. Король побледнел, и я увидела искренний страх в его глазах. Женя отошла и сказала: – Надеюсь, это стоило того, чтобы вкусить меня.

Стражи быстро вывели короля и королеву из комнаты. Женя стояла с высоко поднятой головой, пока они не скрылись в дверях. Затем ее плечи поникли.

Давид обнял ее одной рукой, но девушка ее стряхнула.

– Не надо, – буркнула она, смахивая подступившие слезы.

Тамара двинулась к ней, в тот же миг я окликнула девушку:

– Женя...

Она подняла руки, останавливая нас.

– Мне не нужно ваше сочувствие, – пылко произнесла Женя. Ее голос был охрипшим, дрожал от ярости. Мы беспомощно замерли на месте. – Вы не понимаете. – Прикрыла лицо руками. – Никто из вас.

– Женя... – попытался Давид.

– Даже не смей! – огрызнулась она, и слезы полились снова. – Ты никогда не обращал на меня внимания, пока я не стала такой, пока меня не сломали. Теперь я просто очередная безделушка, которую тебе нужно починить.

Я отчаянно подбирала слова, чтобы утешить ее, но прежде чем успела открыть рот, Давид сгорбился и сказал:

– Я разбираюсь в металле.

– Какое *это* имеет отношение ко всему происходящему?! – воскликнула Женя.

Давид нахмурил брови.

– Я... я не понимаю половины того, что происходит вокруг меня. Не понимаю шуток, закатов, поэзии, но я разбираюсь в металле, – его пальцы неосознанно сжались, словно он физически пытался выхватить нужные слова. – Красота была твоей броней. Она хрупкая, показная. Но что внутри тебя? Сталь. Храбрая и несокрушимая. Она не нуждается в починке. – Он сделал глубокий вдох, неуклюже шагнул вперед. А затем взял ее лицо в руки и поцеловал.

Женя оцепенела. Я думала, что она оттолкнет его. Но девушка обвила Давида руками и поцеловала в ответ. Очень решительно.

Мал прокашлялся, а Тамара присвистнула. Мне пришлось закусить губу, чтобы подавить нервный смех.

Они отстранились. Давид стал красный как рак. Улыбка Жени была такой ослепительной, что у меня сердце сжалось в груди.

– Нужно почаще вытаскивать тебя из мастерской, – сказала она.

На сей раз я все же рассмеялась. Но резко оборвала себя, когда вмешался Николай:

– Не думай, что легко отделалась, Женя Сафина, – его голос был ледяным и очень усталым. – Когда война закончится, тебе будут предъявлены обвинения, и я решу, достойна ты помилования или нет.

Женя грациозно поклонилась.

– Я не боюсь вашего правосудия, мой царь.

– Я еще не король.

– Мой царевич, – исправилась она.

– Идите, – взмахнул рукой Николай. Когда я помедлила, он добавил: – Все вы.

Закрывая дверь, я заметила, как он в изнеможении опустил голову за чертежный стол, хватаясь за голову.

Я последовала за остальными по коридору. Давид бормотал Жене что-то о свойствах растительных алкалоидов и бериллиевой пыли. Я сомневалась, что с их стороны разумно вступать в этот ядовитый сговор, но, возможно, это их версия романтики.

При мысли о возвращении в Прялку ноги сами собой замедлили шаг. Это был один из самых длинных дней в моей жизни, и хотя я отгоняла усталость, теперь она повисла на плечах, как мокрое пальто. Я решила, что Женя или Тамара сами расскажут остальным гришам обо всем случившемся, а с Сергеем можно разобраться и завтра. Но прежде чем найти свою койку и улечься, мне нужно было кое-что узнать.

У лестницы я схватила Женю за руку.

– Что ты прошептала? – тихо спросила я. – Королю.

Она подождала, пока остальные поднимутся по ступенькам, а потом ответила:

– Я не сокрушенная. Я – сокрушение.

Мои брови подскочили вверх.

– Как хорошо с твоей стороны предупредить меня об этом, чтобы я не стала ссориться с тобой.

– Милая, – ухмыльнулась она, поворачиваясь ко мне то одной израненной щекой, то другой, – у меня больше нет хорошей стороны.

Ее тон оставался веселым, но я слышала в нем и печаль. Женя подмигнула мне здоровым глазом и побежала вверх по лестнице.

\* \* \*

Мал вместе с Невским занимался подготовкой спальных мест, поэтому он остался, чтобы проводить меня в покои – несколько комнат в восточной части горы. Дверь обрамляли переплетенные руки двух бронзовых дев, которые, как я предполагала, изображали Утреннюю и Вечернюю Звезды. Всю дальнюю стену занимало круглое окно, окольцованное латунью и напо-

минающее иллюминатор на корабле. Горели лампы, и хотя днем от вида за окном несомненно перехватило бы дух, прямо сейчас не было видно ничего, только тьма и отражение моего усталого лица.

– Мы с близнецами расположились по соседству, – сказал Мал. – И один из нас будет дежурить, пока ты спишь.

У тазика меня ждал кувшин с горячей водой, и я быстро умылась, пока Мал докладывал, как он разместил других гришей, сколько времени потребуется, чтобы собрать снаряжение для нашей экспедиции в Сикурзой, и как он хочет разделить группу. Я пыталась вслушиваться, но в какой-то момент мой разум просто отключился.

Я села на каменную скамейку у окна.

– Прости. Я просто не могу.

Мал замер, и я почти видела, как он мечется между желанием сесть рядом со мной и необходимостью уйти. В конце концов он просто остался стоять на том же месте.

– Сегодня ты спасла мне жизнь, – сказал он.

Я пожала плечами.

– А ты спас мою. Мы постоянно этим занимаемся.

– Я знаю, что первое убийство всегда нелегко дается.

– Я в ответе за множество смертей. Эта ничем не отличается от остальных.

– Но она отличается.

– Он был солдатом, как и мы. Наверняка его где-то ждет семья, любимая девушка, возможно, даже ребенок. Он жил, а затем просто... исчез. – Я знала, что стоит закрыть тему, но мне хотелось выговориться. – И знаешь, что самое страшное? Это было *легко*.

Мал помолчал некоторое время. Затем сказал:

– Я точно не помню, кем была моя первая жертва. Мы охотились на оленя у северной границы и вдруг наткнулись на фьерданский патруль. По-моему, бой длился не больше нескольких минут, но я убил троих. Они выполняли свою работу, как и я, пытались прожить день до вечера, а затем оказались на снегу в луже собственной крови. Точно и не скажешь, кто упал первым, но вряд ли это имеет значение. Нужно держать дистанцию. Тогда лица начинают размываться.

– Правда?

– Нет.

Я помедлила. Не смогла посмотреть на него, когда прошептала:

– Это было приятно. – Мал ничего не ответил, поэтому я продолжила. – Неважно, для чего я использую разрез, что я делаю со своей силой. Это *всегда* приятно.

Я боялась поднять взгляд, боялась увидеть отвращение на его лице или, что еще хуже, страх. Но когда заставила себя посмотреть ему в глаза, лицо Мала было задумчивым.

– Ты могла убить Апрага и всех святых стражей, но не сделала этого.

– Мне хотелось.

– Но не сделала. У тебя была возможность проявить жестокость. Но ты ни разу ею не воспользовалась.

– Это пока. Жар-птица...

Он покачал головой.

– Жар-птица не изменит твою личность. Ты по-прежнему будешь девочкой, которая получила взбучку вместо меня, когда я сломал часы из золоченой бронзы Аны Куи.

Я застонала и обвиняющим жестом ткнула в него пальцем.

– А ты не вмешался!

Мал хохотнул.

– Естественно! Эта женщина умеет нагонять страх. – Затем его лицо посерьезнело. – Ты по-прежнему будешь девочкой, которая была готова пожертвовать своей жизнью, чтобы

спасти нас в Малом дворце, девушкой, которая только что на моих глазах поддержала служанку против короля.

– Она не служанка. Она...

– Подруга. Я знаю, – Мал сделал паузу. – Дело в том, Алина, что Лученко был прав.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы вспомнить имя лидера ополченцев.

– В чем?

– С этой страной что-то не так. Ни земли. Ни жизни. Кругом военная форма и пушки.

Я раньше тоже так думал.

Это правда. Он был готов уйти из Равки и никогда не оглядываться.

– Что заставило тебя изменить свое мнение?

– Ты. Я понял это в ту ночь в часовне. Не будь я так напуган, то смог бы понять раньше.

Я подумала о теле ополченца, разрезанном пополам.

– Может, ты был прав, когда боялся меня.

– Я боялся не тебя, Алина. А потерять тебя. Девушка, которой ты становилась, больше во мне не нуждалась, но она та, кем тебе предназначено быть.

– Жадной до власти? Беспощадной?

– Сильной, – он отвернулся. – Лучезарной. И, наверное, немного беспощадной. Вот что нужно, чтобы править. Равка сломлена, Алина. Мне кажется, так было всегда. Девушка, которую я увидел в часовне, могла бы это изменить.

– Николай...

– Николай прирожденный лидер. Он умеет сражаться. Разбирается в политике. Но он не знает, каково жить без надежды. Он никогда не был никем. В отличие от тебя или Жени. Или меня.

– Он хороший парень, – возразила я.

– И станет хорошим королем. Но ему нужна ты, чтобы стать великим.

Я не знала, что ответить. Прижала палец к оконному стеклу, потом стерла отпечаток кулаком.

– Я хочу попросить его перевезти сюда учеников из Керамзина. И сирот тоже.

– Возьми его с собой, когда полетишь за ними, – кивнул Мал. – Николай должен увидеть, откуда ты родом. – Внезапно он рассмеялся. – Можешь представить его Ане Кусе.

– Я уже напустила на него Багру. Николай начнет думать, что я коллекционирую злобных старух. – Я оставила еще один отпечаток на стекле. Не глядя на друга, попросила: – Мал, расскажи мне о татуировке.

Он помолчал. Потом почесал затылок.

– Это клятва на староравкианском.

– Но зачем было наносить на себя эту метку?

На сей раз Мал не покраснел и не отвел взгляда.

– Это обещание стать лучше, чем раньше. Это клятва, что раз я не могу быть для тебя кем-то другим, то стану хотя бы оружием в твоих руках, – он пожал плечами. – Ну и еще это, наверное, напоминание, что то, чего я хочу, и то, чего я заслуживаю, разные вещи.

– А чего ты хочешь, Мал?

В комнате стало очень тихо.

– Не спрашивай.

– Почему?

– Потому что этому не бывать.

– Я все равно хочу услышать.

Он шумно выдохнул.

– Пожелай мне спокойной ночи. Вели мне уйти, Алина.

– Нет.

– Тебе нужна армия. И корона.

– Да.

Мал засмеялся.

– Знаю, я должен сказать что-то благородное – хочу воссоединить Равку, освобожденную от Каньона. Хочу закопать Дарклинга под землю, чтобы он никогда больше не смог навредить тебе или кому-либо другому. – Он грустно покачал головой. – Но, наверное, я такой же эгоистичный ублюдок, каким был всегда. Несмотря на всю мою болтовню о клятвах и чести, то, чего я действительно хочу, так это прижать тебя к этой стене и целовать, пока ты не забудешь все другие мужские имена. Так что прикажи мне уйти, Алина. Я не могу дать тебе ни титула, ни армию, ничего, в чем ты нуждаешься.

Он был прав. Я это знала. Что бы между нами ни существовало, такое хрупкое и чудесное, оно принадлежало другим людям – людям, которыми мы когда-то были, не связанные долгом и ответственностью, – и я не знала, кто теперь на их месте. Тем не менее, мне все равно хотелось, чтобы он обнял меня, хотелось услышать, как он шепчет мое имя в темноте, хотелось, чтобы он остался.

– Спокойной ночи, Мал.

Он коснулся места над своим сердцем, где сияло золотое солнце, подаренное мной давным-давно в темном саду.

– Моя правительница, – тихо произнес он. А затем поклонился и ушел.

Дверь за ним закрылась. Я потушила лампы и легла на кровать, натягивая на себя одеяло. Стеклопанная стена была как огромный круглый глаз, и теперь, когда в комнате стало темно, я увидела звезды.

Я провела пальцем по шраму на ладони, оставленному много лет назад краешком разбитой голубой чашки – в напоминание о том моменте, когда весь мой мир перевернулся, когда я отдала часть своего сердца, не надеясь когда-либо получить ее обратно.

Мы приняли мудрое решение, поступили правильно. Мне нужно верить, что со временем благоразумие принятого решения принесет утешение. Но сегодня со мной оставались лишь тишина этой комнаты, боль от потери и глубокое и окончательное понимание, звучавшее как колокольный набат: *из моей жизни ушло что-то хорошее.*

\* \* \*

Проснувшись на следующее утро, я обнаружила Толю у своей кровати.

– Я нашел Сергея.

– А он что, потерялся?

– Его не было всю прошлую ночь.

Я облачилась в чистую одежду, оставленную специально для меня: тунику, штаны, новые сапоги и утепленный шерстяной кафтан синего цвета заклинателей, отороченный мехом рыжей лисы и вышитый золотом на рукавах. У Николая всегда все было наготове.

Толя провел меня по лестнице на этаж с котлами, а затем в одну из темных комнат при бойлерной. Я мгновенно пожалела о своем выборе наряда: тут было невыносимо жарко. Я призвала луч света внутрь. Сергей сидел у стены рядом с большим металлическим чаном, прижав колени к груди.

– Сергей?

Он прищурился и отвернулся. Мы с Толей переглянулись.

Я похлопала шуханца по мясистой руке.

– Иди завтракать, – сказала я под звуки урчания собственного живота. Когда он ушел, я приглушила свет и села рядом с Сергеем. – Что ты тут делаешь?

– Наверху слишком просторно, – пробормотал он. – Слишком высоко.

Но все было не так просто. Я подозревала, что его добровольное уединение связано с тем, что он выдал имя Жени, и больше не могла откладывать разговор. Нам так и не выпала возможность обсудить трагедию, случившуюся в Малом дворце. Или, может, и выпала, но я ее сознательно упустила. Мне хотелось извиниться за смерть Марии, за то, что поставила ее жизнь под угрозу и не была рядом, чтобы спасти ее. Но какие слова могут исправить подобную ошибку? Какие слова могут залатать дыру, которую раньше заполняла девушка с каштановыми волосами и мелодичным смехом?

– Я тоже скучаю по Марии, – наконец сказала я. – И по остальным.

Он спрятал лицо в ладони.

– Раньше я никогда не боялся, так, чтобы по-настоящему. Теперь мне постоянно страшно. Я не могу с этим справиться.

Я положила руку ему на плечо.

– Мы все напуганы. Не стоит этого стыдиться.

– Я просто хочу снова почувствовать себя в безопасности.

Его плечи сотрясались. Хотела бы я обладать даром Николая находить нужные слова.

– Сергей, – начала я, не зная, станет ли ему хуже или лучше от моих слов, – у Николая есть лагерь и на земле, в Цибее и чуть дальше на юг. Там, вдали от сражений, находятся перевалочные пункты для контрабандистов. Если он согласится, ты бы хотел перебраться туда? Будешь работать целителем. Или просто отдохнешь какое-то время.

Он не думал ни секунды.

– Да, – выдохнул юноша.

Я почувствовала себя виноватой от охватившего меня облегчения. Сергей задерживал нас во время битвы с ополченцами. Он нестабилен. Можно проявлять сочувствие, предлагать бесполезные утешения, но я не знала, как на самом деле ему помочь, и не могла игнорировать тот факт, что мы на войне. Сергей стал обузой.

– Я позабочусь об этом. Если тебе нужно что-то еще... – я умолкла, не зная, как закончить. Неловко похлопала его по плечу, затем встала и пошла к выходу.

– Алина?

Я остановилась в дверном проеме. В темноте был виден его силуэт, свет из коридора блеснул на влажных щеках.

– Мне жаль, что так получилось с Женей. И со всем остальным.

Я вспомнила, как Мария с Сергеем поддевали друг друга, как сидели рука об руку, смеялись за чаепитием.

– Мне тоже, – прошептала я.

Выйдя в коридор, я с удивлением обнаружила там поджидающих меня Багру с Мишей.

– Что вы тут делаете?

– Тебя ищем. Что с тем мальчишкой?

– Он переживает трудные времена, – ответила я, уводя их из бойлерной.

– А кто нет?

– Он собственными глазами видел, как ваш сын разорвал его любимую на куски, а потом держал ее на руках, пока она умирала.

– Страдания никого не обходят стороной и встречаются сплошь и рядом. Главное, какой мы выносим из них урок. Итак, – сказала она, постукивая тростью, – насчет уроков.

Я была так поражена, что не сразу сообразила, о чем речь. Уроки? Багра отказывалась обучать меня с тех пор, как я вернулась в Малый дворец со вторым усилителем. Собравшись с мыслями, я пошла за ней по коридору. Наверное, с моей стороны было глупо спрашивать, но я не сдержалась:

– Что заставило вас передумать?

– Сегодня утром у меня был разговор с нашим новым королем.

– Николаем?

Она хмыкнула.

Я замедлила шаг, когда увидела, куда Миша ее ведет.

– Вы катаетесь на этой железке?

– Разумеется! – рявкнула женщина. – Или я должна тащиться по всем этим лестничным пролетам?

Я покосилась на Мишу, который спокойно взглянул на меня, держась рукой за тренировочный деревянный меч на бедре. Потом неохотно вошла в эту ужасную штуковину.

Миша закрыл дверцу и потянул за рычаг. Я закрыла глаза, когда мы взметнулись вверх, а затем с рывком остановились.

– Что сказал Николай? – с внутренней дрожью любопытствовала я, когда мы вышли в Прялку.

Багра отмахнулась.

– Я предупредила его, что, заполучив могущество трех усилителей, ты можешь стать такой же опасной, как мой сын.

– Вот спасибо, – сухо буркнула я. Она была права, конечно, но мне не хотелось, чтобы Николай начал беспокоиться.

– Еще я заставила его поклясться, что в этом случае он тебя застрелит.

– И? – спросила я, боясь услышать ответ.

– Он дал слово. Во что бы то ни стало.

Так уж вышло, что я знала, чего стоит слово Николая. Возможно, он будет оплакивать меня. Возможно, никогда себя не простит. Но на первом месте у него всегда стояла Равка. Он ни за что не станет мириться с угрозой своей стране.

– Почему бы вам не сделать это прямо сейчас и избавить его от лишних хлопот? – проворчала я.

– Я ежедневно об этом думаю, – огрызнулась Багра. – Особенно когда ты открываешь рот.

Она пробормотала Мише инструкции, и он повел нас к южной террасе. Дверь скрывалась в подоле медной юбки Остриженной Девы, а вдоль подошвы ее туфли висели на крючках шубы и шапки. Багра уже так закуталась, что ее лицо едва виднелось из-под слоев ткани, а я выбрала себе меховую шапку и застегнула плотное шерстяное пальто на Мише, прежде чем выйти на ледяной холод.

В конце длинная терраса сужалась, напоминая нос корабля; облачный покров простирался перед нами как заледеневшее море. Туман то и дело рассеивался, открывая вид на покрытые снегом вершины гор и серые скалы внизу. Я вздрогнула. «Слишком просторно. Слишком высоко». Сергей было прав. Над облаками виднелись только высочайшие пики Эльбьена, и я снова подумала о цепочке островов, тянущихся на юг.

– Расскажи, что ты видишь, – приказала Багра.

– В основном облака, небо и несколько горных вершин.

– Как далеко находится ближайшая?

Я попыталась оценить расстояние.

– Где-то в миле или двух от нас.

– Хорошо, – сказала она. – Срежь ее верхушку.

– Что?

– Ты уже использовала разрез прежде.

– Это *гора*, – напомнила я. – Очень большая гора.

– А ты первый гриш с двумя усилителями. Действуй.

– Но она в милях от нас!

– Надеешься, что я успею состариться и умереть, пока ты тут ноешь?

– Что, если кто-то увидит...

– Так далеко на севере никто не живет. Хватит искать оправданий.

Я раздраженно вздохнула. Усилители со мной уже несколько месяцев. Я хорошо знала границы своей силы.

Подняла руки в перчатках, и свет заструился ко мне радостным потоком, пронизывая мерцанием облачное покрывало. Я сконцентрировала силу на луче, сузила его до формы клинка. Затем, чувствуя себя идиоткой, сделала выпад в сторону ближайшего пика.

Даже близко не получилось. Свет прожег облака по меньшей мере в паре сотен ярдов от горы, ненадолго открыв всеобщему обозрению скалы внизу и оставив за собой ошметки тумана.

– Ну что, как все прошло? – спросила Багра у Миши.

– Плохо.

Я насупленно на него посмотрела. Маленький предатель! Кто-то захихикал позади меня.

Я обернулась. Мы привлекли внимание группы из солдат и гришей. Было легко заметить среди них алый гребень в волосах Хэршоу. Накошка свернулась вокруг его шеи, как оранжевый шарф, рядом ухмылялась Зоя. Чудесно. Ничто так не вредит здоровью, как доля унижения на пустой желудок.

– Еще раз, – скомандовала Багра.

– Гора слишком далеко, – проворчала я. – И она огромная.

Нельзя ли начать с чего-то поменьше? Например, дома?

– Она не *слишком далеко*, – процедила женщина. – Ты находишься там точно так же, как находишься здесь. Из того, из чего состоит гора, состоишь и ты. У нее нет легких, так позволь ей дышать тобой. У нее нет пульса, так подари ей свое сердцебиение. Это суть Малой науки. – Она стукнула меня тростью. – Хватит пыхтеть, как дикий вепрь. Дыши, как я тебя учила – спокойно, равномерно.

Я почувствовала, как краснеют щеки, и успокоила дыхание.

В голове всплыли отрывки из теории гришей. Одинаковость. Этовость. Сплошная путаница. Но ярче всего вспомнились лихорадочные каракули Морозова: «Разве мы все не суть одно?»

Я закрыла глаза. На сей раз, вместо того чтобы призывать свет к себе, я пошла к свету. Почувствовала, как распадаюсь, отражаясь от террасы, снега, стекла позади себя.

Хлестнула разрезом. Тот ударил по горе сбоку, с глухим ревом срезая с нее слой льда и камней.

Зрители разразились аплодисментами.

– Гм-м, – промычала Багра. – Они бы хлопали и танцующей мартышке.

– Все зависит от мартышки, – сказал Николай с края террасы. – И танца.

Замечательно. У нас пополнение.

– Лучше? – спросила Багра у Миши.

– Немного, – неохотно ответил он.

– Намного! – возразила я. – Я попала, не так ли?

– Я не просила тебя попасть по ней, – огрызнулась Багра. – Я сказала срезать с нее верхушку. Еще раз.

– Ставлю десять монет на то, что у нее не выйдет! – крикнул один из гришей Николая.

– Двадцать на то, что выйдет! – преданно воскликнул Адрик.

Я бы обняла его, хотя знала наверняка, что денег у него нет.

– Тридцать, что она попадет в соседнюю гору.

Я повернулась. Мал подпирал арку, скрестив руки.

– Тот пик в пяти милях отсюда! – возмутилась я.

– Скорее в шести, – небрежно ответил он с вызовом в глазах.

Такое впечатление, будто мы вернулись в Керамзин, и он брал меня на «слабо», чтобы я украла мешочек с засахаренным миндалем, или заманивал на середину пруда Тривка, хотя тот еще не заледенел. «Не могу», – говорила я. «Конечно, можешь», – отвечал он, отъезжая от меня на одолженных коньках, в набитых бумагой носках, ни на миг не поворачиваясь ко мне спиной, чтобы убедиться, что я следую за ним.

Пока толпа улюлюкала и делала ставки, Багра обратилась ко мне шепотом:

– Мы говорим, что подобное притягивает подобное, девочка. Но если наука действительно мала, мы такие же, как всё, что нас окружает. Свет живет в промежутках. Он там, в грунте той горы, в камнях и снеге. Разрез уже готов.

Я уставилась на нее. Она по сути процитировала записи Морозова. Багра говорила, что Дарклинг был одержим ими. Намекала ли она теперь на что-то большее?

Я засучила рукава и подняла руки. Все утихло. Я сосредоточилась на пике вдаль, таком далеком, что невозможно разобрать детали.

Призвала к себе свет, а затем отпустила его и сама помчалась следом. Я была в облаках, над ними, и на долю секунды – в темной горе, чувствуя себя сжатой, бездыханной. Я стала промежутками, где жил свет, даже если его не было видно. Когда я опустила руку, моя дуга света превратилась в бесконечный сияющий меч, существовавший в этом мгновении и в каждом последующем.

Треск, похожий на грохот грома вдаль, разнесся вокруг эхом. Воздух будто завибрировал.

Бесшумно, медленно, верхушка дальней горы начала съезжать. Она не обрушивалась, просто неумолимо скользила вниз, снег и камни каскадом летели со склона, оставляя безупречную диагональную линию в том месте, где когда-то находилась верхушка, а теперь был гладкий уступ из голого серого камня, чуть возвышающийся над облаками.

Сзади послышались радостные восклицания и улюлюканье. Миша прыгал на месте, крича: «У нее получилось! Получилось!»

Я оглянулась через плечо. Мал едва заметно кивнул мне, после чего начал загонять всех обратно в Прялку. Я увидела, как он сказал одними губами гришу-отшельнику: «Плати».

Повернулась обратно к поверженной горе. Моя кровь кипела от силы, голова кружилась от осознания реальности, неотменимости того, что я только что сделала. «Еще», – потребовал голос внутри меня, жаждущий большего. Сперва человек, теперь гора. Были и исчезли. Легко. Я вздрогнула в своем кафтане, ощутив мягкое прикосновение лисьего меха.

– Много же времени тебе потребовалось, – проворчала Багра. – С такими успехами я отморожу себе обе ноги прежде, чем ты добьешься хоть какого-то прогресса.

## Глава 8

В ту ночь Сергей улетел на «Ибисе» – грузовой барже, которую использовали вместо «Пеликана», пока тот находился в ремонте. Николай подыскал ему место в тихом перевалочном пункте рядом с Дувой, где он сможет восстанавливать силы и помогать проезжающим контрабандистам. Он даже предложил Сергею подождать и позже укрыться в Западной Равке, но тому не терпелось уехать.

На следующее утро мы с Николаем собрались с Малом и близнецами, чтобы обсудить план действий по охоте на жар-птицу на юге Сикурзоя. Остальные гриши не знали местонахождения третьего усилителя, и мы намеревались хранить этот секрет до тех пор, пока это возможно.

Большую часть двух ночей Николай провел за изучением записей Морозова и был так же обеспокоен, как и я, убедившись, что какие-то журналы отсутствуют или находятся в распоряжении Дарклинга. Он хотел, чтобы я расспросила Багру, но к этой задаче следовало подходить с осторожностью. Если ее разозлить, мы не получим никаких сведений, а мои уроки прекратятся.

– Дело не только в том, что журналы не окончены, – сказал Николай. – Кому-нибудь еще показалось, что Морозов немного... эксцентричен?

– Если под «эксцентричен» ты подразумеваешь безумен, то да, – признала я. – Надеюсь, он может быть одновременно безумен и прав.

Принц задумчиво посмотрел на карту на стене.

– И это по-прежнему наша единственная подсказка? – он постучал по невзрачной долине на южной границе. – Нас ждет неблизкая дорога ради каких-то двух каменных обломков.

Необозначенная долина была Двумя Столбами, там ютилось поселение, где родились мы с Малом. Она была названа в честь руин у южного входа – продолговатых обветренных валунов, которые, как кто-то решил, были остатками двух мельниц. Но мы полагали, что на самом деле они были развалинами древней арки, указывающей на жар-птицу – последний усилитель Ильи Морозова.

– В Мурине есть заброшенная медная шахта, – сказал Николай. – Можете пришвартовать там «Выпь» и войти в долину пешком.

– Почему бы не полететь прямо в Сикурзой? – спросил Мал.

Тамара покачала головой.

– Там будет сложно сманеврировать. Мало мест для посадки и рельеф более опасный.

– Хорошо, – согласился Мал. – Тогда приземляемся в Мурине и идем через перевал Жидкова.

– У нас будет хорошее прикрытие, – отозвался Толя. – Невский говорит, что множество людей идут через приграничные города, пытаясь покинуть Равку до наступления зимы, когда горы будет невозможно перейти.

– Как много вам потребуется времени, чтобы найти жар-птицу? – осведомился Николай. Все повернулись к Малу.

– Понятия не имею, – ответил он. – У меня ушли месяцы, чтобы найти оленя. Охота на морского хлыста заняла меньше недели. – Он не сводил взгляда с карты, но я чувствовала, как между нами пролегла тень воспоминаний о днях, проведенных в ледяных водах Костяной тропы под постоянной угрозой пыток. – Сикурзой – это огромная территория. Нам нужно выступить как можно раньше.

– Ты уже подобрала себе людей в экипаж? – спросил Николай у Тамары.

Она чуть не пустилась в пляс, когда Николай предложил ей быть капитаном «Выпи», и тут же начала знакомиться с кораблем и его особенностями.

– Зоя плохо умеет работать в команде, – ответила Тамара, – но нам нужны шквальные, и они с Надей – наши лучшие кандидаты. Стилг неплохо справляется с тросами, да и нам не помешает хотя бы один инферн на борту. Завтра можем провести пробный полет.

– Вы будете двигаться быстрее с опытным экипажем.

– Я добавила в список одного из твоих проливных и фабрикатора, – ответила она. – Мне будет спокойней, если для всех остальных задач мы возьмем наших людей.

– Отшельники преданы мне.

– Может, и так. Но мы уже хорошо сработались.

Я внезапно осознала, что она права. *Наши люди*. Когда это произошло? Во время путешествия из Белого собора? Обвала в пещерах? В ту секунду, когда мы столкнулись со стражами Николая, а потом и с королем?

Наша маленькая группа разделялась, и мне это не нравилось. Адрик пришел в ярость, узнав, что его не берут с собой; я буду скучать по нему. Даже по Хэршоу с Накошкой. Но труднее всего будет прощаться с Женей. Если учесть вес экипажа и припасов, «Выпь» уже была перегружена, и у Жени не было повода лететь с нами в Сикурзой. И хоть мы нуждались в субстанции для изготовления второй оковы, Николай решил, что от Давида будет больше пользы здесь, где он сможет обдумать наши дальнейшие военные действия. Вместо него мы возьмем Ирину, отшельницу-фабрикатора, которая сделала мне окову из чешуек на «Волке волн». Давид обрадовался такому решению, а Женя восприняла новости лучше, чем я.

– Хочешь сказать, мне не придется тащиться по пыльному горному хребту, выслушивая всю дорогу нытье Зои и «Второе сказание о Креги» в исполнении Толи? – она рассмеялась. – Горе-то какое!

– С тобой все будет хорошо? – спросила я.

– Думаю, да. Не могу поверить, что говорю это, но я начинаю проникаться симпатией к Николаю. Он совсем не похож на своего отца. И одеваться умеет.

В этом она определенно была права. Даже на вершине горы сапоги Николая всегда были отполированы до блеска, а форма сидела безукоризненно.

– Если все пойдет по плану, – сказала Тамара, – мы будем готовы к отлету к концу недели.

Я почувствовала удовлетворение и подавила желание почесать голое место на своем запястье. Но затем Николай прочистил горло.

– Кстати об этом... Алина, может, подумаешь о небольшом отклонении от курса?

Я нахмурилась.

– О чем ты?

– Союз с Западной Равкой все еще слишком шаткий. Фьерда будет давить на них, чтобы они открыли Каньон Дарклингу. Было бы неплохо, чтобы они смогли увидеть, на что способна заклинательница Солнца. Пока остальные начнут поиски в Сикурзое, я предлагаю тебе посетить несколько званных ужинов, срезать верхушку горного хребта, немного их успокоить. На обратном пути из Ос Керво я подкину тебя к остальным в горы. Как правильно заметил Мал, он занимает огромную территорию, и задержка ни на что не повлияет.

На секунду мне показалось, что Мал заговорит о необходимости попасть в Сикурзой как можно скорее и выбраться оттуда до начала снегопада, об опасности что-либо откладывать. Вместо этого он свернул лежащую на столе карту и сказал:

– Звучит разумно. Толя может полететь в качестве охранника Алины. Мне нужно попрактиковаться с тросами.

Я попыталась не обращать внимания на укол в своем сердце. Ведь это то, чего я хотела.

– Конечно.

Если Николай и не ожидал, что все обойдется без спора, он хорошо это скрыл.

– Чудесно, – ответил он, хлопая в ладоши. – Тогда обсудим твой гардероб.

\* \* \*

Как оказалось, у нас было много других вопросов, которые нужно решить до того, как Николай закопает меня в шелках. Он согласился отправить «Пеликана» в Керамзин, когда тот вернется, но это лишь первый пункт повестки дня. К тому времени, как мы закончили обсуждать боеприпасы, виды штормов и экипировку для сырой погоды, было уже далеко за полдень, и всем хотелось передохнуть.

Большинство солдат питались вместе в импровизированной столовой в западной части Прялки, под пристальным наблюдением Трех Глупых Сыновей и Медведя. Я не особо жаждала компании, поэтому взяла булочку с тмином и горячий чай с сахаром и вышла на южную террасу.

На улице царил ледяной холод. Небо было ярко-голубым, дневное солнце отбрасывало длинные тени на слой облаков. Я попивала чай, прислушиваясь к звукам ветра, пока тот ворошил мех вокруг моего лица. Справа и слева виднелись уступы восточной и западной террас. Вдалеке обрубок горы, которую я скосила, уже покрылся снегом.

Уверена, со временем Багра могла бы научить меня распространять силу дальше, но она ни за что не поможет возобладать над скверной, а без ее руководства я даже не представляла, с чего начать. Вспомнилось то, что я испытала в часовне, ощущение связи и распада, ужас оттого, что мою жизнь отрывают от меня, трепет, когда я увидела, как возникают мои создания. Но без Дарклинга мне не найти путь к этой силе, и вряд ли жар-птица что-то изменит. Может, ему с этим проще. Однажды он сказал, что у него куда больше опыта в вечности. Сколько жизней забрал Дарклинг? Сколько жизней прожил? Может, после стольких лет жизнь и смерть как-то изменились в его восприятии – незначительные приметы обыденности, что-то, что можно использовать.

Я призвала свет одной рукой, позволяя ему скользнуть по пальцам ленивыми лучами. Он пронзил облака, открывая вид на шершавые суровые скалы горного хребта внизу. Я поставила чашку и прижалась к стене, чтобы увидеть каменные ступеньки, вырубленные в склоне горы. Тамара утверждала, что в древние времена пилигримы поднимались по ним на коленях.

– Если собираешься прыгнуть, дай мне хотя бы время придумать балладу в твою честь, – произнес Николай. Я повернулась и увидела, как он выходит на террасу; его светлые волосы блестели в солнечном свете. Он накинул на себя франтоватую шинель с золотым двуглавым орлом. – Что-нибудь под грустную мелодию скрипки и со стихами, посвященными твоей любви к сельди.

– Если я буду медлить, мне придется слушать твое пение.

– К счастью, у меня более чем приятный баритон. Да и к чему такая спешка? Все дело в моем одеколоне?

– Ты не пользуешься одеколоном.

– У меня настолько восхитительный природный запах, что это кажется излишним. Но если у тебя к нему особая склонность, я начну.

Я сморщила нос.

– Нет, спасибо.

– Я буду во всем тебе повиноваться. Особенно после той демонстрации, – он кивнул на срубленную гору. – Когда пожелаешь, чтобы я снимал перед тобой шляпу, просто попроси.

– Выглядит впечатляюще, не так ли? – вздохнула я. – Но Дарклинг учился всему у Багры. У него были сотни лет, чтобы совладать со своей силой. У меня же меньше года.

– У меня есть для тебя подарок.

– Не жар-птица, случаем?

– Вот чего ты хотела? Что ж ты раньше не сказала! – Он полез в карман и положил что-то на выступ стены.

Кольцо с изумрудом заиграло на свету. Роскошный зеленый камень в центре был крупнее, чем ноготь моего большого пальца, а обрамляла его россыпь звездочек из крошечных бриллиантов.

– Преуменьшение переоценивают, – с дрожью выдохнула я.

– Обожаю, когда ты меня цитируешь, – Николай постучал по кольцу. – Можешь утешиться мыслью, что если ты наденешь его и когда-нибудь меня ударишь, то, скорее всего, лишишь меня глаза. А мне бы очень этого хотелось. Не лишиться глаза, а чтобы ты надела его, естественно.

– Где ты его достал?

– Мама отдала его мне перед тем, как уехать. Это изумруд Ланцовых. Она надела его на праздничный ужин, во время которого на нас напали. Забавно, но это был не худший мой день рождения.

– Нет?

– Когда мне было десять, родители наняли *клоуна*.

Я осторожно взяла у него кольцо.

– Тяжелое.

– Настоящий булыжник.

– Ты говорил матери, что планируешь подарить его крестьянской сиротке?

– В основном говорила она, – ответил Николай. – Хотела рассказать мне о Магнусе Опьере.

– О ком?

– Фьерданский посол, бывалый моряк, сделал состояние на судоходстве, – Николай посмотрел на облачный покров. – А еще, судя по всему, он мой отец.

Я не знала, поздравлять его или выражать сочувствие. Николай с легкостью говорил об обстоятельствах своего появления на свет, но я знала, что это ранило его больше, чем он показывал.

– Мне было немного странно наконец узнать правду, – продолжил он. – Наверное, в глубине души я всегда надеялся, что это просто слухи.

– Ты все равно станешь отличным королем.

– Само собой, – фыркнул он. – Я опечален, но не обезумел от горя. – Принц смахнул невидимую нитку с рукава. – Не знаю, простит ли она меня когда-нибудь за изгнание, тем более в Колонии.

Что хуже: лишиться матери или просто никогда ее не знать? В любом случае я сочувствовала ему. Он потерял всех своих родных одного за другим – сначала брата, теперь родителей.

– Мне жаль, Николай.

– Чего тут жалеть? Я наконец добился того, чего хотел. Король отрекся, путь к трону свободен. Если бы нашего внимания не требовал всемогущий диктатор со своей ордой чудищ, я бы сейчас открывал бутылку шампанского.

Николай мог паясничать сколько влезет. Я знала, что он не хотел получить власть над Равкой таким способом – стать королем после того, как его брат убит, а отец унижен грязными обвинениями служанки.

– Когда ты коронуешься? – спросила я.

– Когда мы победим. Либо меня коронуют в Ос Альте, либо никак. И мой первый шаг – укрепление союза с Западной Равкой.

– И поэтому кольцо?

– Поэтому кольцо. – Он разгладил край лацкана. – Знаешь, ты могла бы рассказать мне о Жене.

Меня кольнуло чувство вины.

– Я пыталась защитить ее. Мало кто это делал.

– Я не хочу лжи между нами, Алина. – Думал ли он о преступлениях своего отца? Интрижке матери? И все же, он и сам не до конца справедлив.

– Сколько раз ты мне лгал, *Штурмхонд*? – я указала на Прялку. – Сколько секретов хранил, пока не был готов ими поделиться?

Он спрятал руки за спину, вид у него был явно смущенный.

– Может, это прерогатива принца?

– Если простой принц получает такое преимущество, то живая святая тем более.

– У тебя что, вошло в привычку выигрывать споры? Это очень неподобающе.

– А был спор?

– Очевидно, что нет. Я не проигрываю споры, – затем он глянул через перила. – Святые, он что, бежит по ледяным ступенькам?

Я всмотрелась в туман. Действительно, по узким петляющим вдоль утеса ступеням кто-то взбирался, выдыхая пар в морозный воздух. Мне потребовалась всего секунда, чтобы узнать Мала – голова пригнута, за плечами рюкзак.

– Выглядит... воодушевляюще. Если он продолжит в том же духе, мне придется начать всерьез работать над собой. – Голос Николая оставался беспечным, но я чувствовала на себе взгляд его умных карих глаз. – Если предположить, что мы победим Дарклинга, а я уверен, что так и будет, Мал планирует остаться капитаном твоей стражи?

Я успела себя остановить, прежде чем потянуться пальцем почесать шрам на ладони.

– Не знаю. – Несмотря на все произошедшее, мне хотелось, чтобы Мал оставался рядом. Но это будет несправедливо по отношению к нам обоим. Я заставила себя выдать: – Думаю, будет лучше, если его переведут в другое место. Он хорош в бою, но следопыт из него лучше.

– Ты же знаешь, что он не захочет находиться вдали от сражений.

– Делай, что считаешь нужным. – Боль была как тоненький ножик, втыкающийся между моими ребрами. Я вырезала Мала из своей жизни, и мой голос оставался твердым. Николай хорошо меня обучил. Я попыталась вернуть ему кольцо. – Я не могу его принять. Не сейчас.

А возможно, и никогда.

– Оставь себе, – сказал он, загибая мои пальцы вокруг изумруда. – Корсар учится хвататься за любое преимущество.

– А принц?

– Принцы привычны к слову «да».

\* \* \*

Когда я вернулась вечером в комнату, меня ждали очередные сюрпризы от Николая. Ненадолго застыв, я развернулась на пятках и промаршировала по коридору туда, где жили другие девушки. Долгое мгновение я просто стояла на месте, чувствуя себя смущенно и глупо, но все же постучала в дверь.

Открыла Надя. За ней я увидела Тамару, точившую свои топоры у окна. Женя сидела за столом и вышивала золотой нитью новую повязку на глаз, а Зоя отдыхала на кровати, поднимая перышко в воздух ветерком из своих пальцев.

– Я хочу вам кое-что показать, – сказала я.

– Что? – поинтересовалась Зоя, не отвлекаясь от перышка.

– Пойдемте и увидите.

Раздраженно вздохнув, она скатилась с кровати. Я повела их по коридору в свою комнату и распахнула дверь.

Женя нырнула в кучу платьев, разложенных на моей кровати.

– Шелк! – простонала она. – Бархат!

Зоя изучала кафтан, висящий на спинке моего стула. Он был из золотой парчи, рукава и подол расшиты богатыми синими узорами, на манжетах сияют лучи солнца из драгоценных камней.

– Соболю, – вздохнула она, поглаживая оторочку. – Я еще никогда тебя так не ненавидела.

– Этот мой, – уточнила я. – Но остальные можете разбирать. Мне все равно всех не перемерить в Западной Равке.

– Николай распорядился изготовить их все для тебя? – спросила Надя.

– Он не особо верит в полумеры.

– Ты уверена, что он хочет, чтобы ты их раздавала?

– Одалживала, – исправила я. – А если ему это не понравится, пусть научится оставлять более четкие указания.

– Умно, – сказала Тамара, накинув бирюзовый плащ на плечи и рассматривая себя в зеркале. – Он должен выглядеть как король, а ты – как королева.

– Есть еще кое-что...

И вновь я почувствовала, как меня охватывает смущение. Мне до сих пор было непонятно, как вести себя в присутствии других гришей. Кто они, друзья? Подчиненные? Это совершенно новая территория. Но я не хотела сидеть одна в комнате со своими мыслями и ворохом платьев в качестве компании.

Я вытащила кольцо Николая и положила его на стол.

– Ради всех святых! – выдохнула Женя. – Это же изумруд Ланцовых.

Тот будто испускал собственное сияние в свете ламп, крошечные бриллианты загадочно мерцали вокруг него.

– Он просто отдал его тебе? На хранение? – осведомилась Надя.

Женя схватила меня за руку.

– Он сделал предложение?

– Не совсем.

– С тем же успехом мог сделать, – покачала она головой. – Это кольцо – семейная реликвия. Королева всегда его носила, даже когда ложилась спать.

– Выбрось его, – сказала Зоя. – Жестоко разбей ему сердце. Я с радостью утешу нашего бедного принца, и из меня выйдет прекрасная королева!

Я рассмеялась.

– Вполне может быть, Зоя. Если ты хоть на минуту перестанешь быть такой ужасной.

– С такой мотивацией я бы выдержала минуту. Или даже две.

Я закатила глаза.

– Это всего лишь кольцо.

Зоя снова вздохнула и подняла изумруд к свету, отчего тот вспыхнул.

– Я действительно ужасная, – внезапно выпалила она. – Столько людей полегло, а я скучаю по красивым безделушкам.

Женя закусил губу.

– Я скучаю по миндальному куличу. И по маслу, и по вишневому варенью, которое повара привозили с рынка в Балакиреве.

– А я скучаю по морю, – отозвалась Тамара, – и по своему гамаку на борту «Волка волн».

– Я скучаю по прогулкам у озера в Малом дворце, – вставила Надя. – По чаепитию и умиротворяющей атмосфере.

Зоя потупила взгляд в пол.

– Я скучаю по определенности в будущем.

– И я, – призналась я.

Зоя положила кольцо.

– Ты согласишься?

– Он не делал мне предложения.

– Но сделает.

– Возможно. Я не знаю.

Шквальная фыркнула с отвращением.

– Я соврала. Вот *теперь* я никогда не ненавидела тебя больше.

– Это будет что-то особенное, – сказала Тамара, – если на трон сядет гриш.

– Она права, – добавила Женя. – Стать той, кто правит, вместо того чтобы просто служить.

Они хотели королеву-гриша. Мал хотел королеву-простолюдинку. А чего хотела я? Мира для Равки. Возможности спокойно спать по ночам, ничего не боясь. Перестать чувствовать вину и ужас, с которыми я просыпалась каждое утро. Старые желания никуда не делись – я хотела быть любимой за то, какая я есть, а не за то, на что я способна, лежать на лугу в объятиях любимого человека и наблюдать за тем, как ветер гонит облака. Но эти мечты принадлежали девочке, а не заклинательнице Солнца или святой.

Зоя фыркнула, примеряя кокошник из жемчуга.

– Я все равно считаю, что на твоём месте должна быть я.

Женя кинула в нее шелковой тапочкой.

– В тот день, когда мне придется тебе кланяться, Давид споет голым оперную арию посреди Тенистого Каньона.

– Будто я возьму тебя в придворные дамы.

– Тебе повезет, если возьмешь. Иди сюда. Не можешь даже ровно надеть головной убор. Я снова взяла кольцо и покрутила на ладони. Надевать его пока не хотелось.

Надя легонько пихнула меня плечом.

– Есть вещи и похуже, чем принц.

– Верно.

– Но и получше тоже, – заметила Тамара. Затем вручила Наде кобальтово-синее кружевное платье. – Вот, примерь это.

Надя развернула его двумя руками.

– Ты с ума сошла? Да у этого корсажа вырез до пупка!

Тамара ухмыльнулась.

– Именно.

– Что ж, тогда Алина не сможет его носить, – покачала головой Зоя. – Иначе она выпадет из него прямо на блюдо с десертом.

– Дипломатия! – воскликнула Тамара.

Надя согнулась пополам от хохота.

– Западная Равка выступит за бюст заклинательницы Солнца!

Я попыталась насупиться, но меня саму распирало от смеха.

– Надеюсь, вы все собой довольны!

Тамара закинула шарф на шею Нади и притянула ее к себе для поцелуя.

– О, ради всех святых! – запротестовала Зоя. – Теперь все по парочкам разбиваются?

Женя прыснула.

– Готовься. Я видела, как Стигт кидал на тебя тоскливые взгляды.

– Он фьерданец, – возразила Зоя. – Только так они и смотрят. И я сама могу устроить свою личную жизнь, спасибо за беспокойство.

Мы перерыли все сундуки с одеждой, выбирая платья, пальто и украшения, которые больше всего подходили для поездки. Николай, как всегда, подошел к заданию стратегически. Все платья были исполнены в голубых и золотых тонах. Я бы не отказалась от разнообразия, но цель этого путешествия заключалась в представлении, а не в удовольствии.

Девочки засиделись допоздна, пока не догорели лампы, и я была им благодарна за компанию. Наконец они отобрали себе понравившиеся платья, остальные наряды сложили и убрали в сундук, пожелали мне спокойной ночи и ушли.

Я взяла кольцо со стола, чувствуя его абсурдную тяжесть у себя на ладони.

Вскоре «Зимородок» вернется, и мы с Николаем отправимся в Западную Равку. К тому времени Мал со своей командой уже будет на пути в Сикурзой. Так все и должно быть. Мне претила придворная жизнь, но Мал просто ее презирал. Он бы не вынес необходимости стоять на страже на банкетах в Ос Керво.

Надо признаться самой себе: я видела, что он расцвел с момента нашего ухода из Малого дворца, даже под землей. Он стал полноправным лидером, нашел новую цель. Я не могла сказать, что Мал выглядел счастливым, но, возможно, это тоже придет со временем, когда наступит покой, когда появятся шансы на будущее.

Мы найдем жар-птицу. Сразимся с Дарклингом. Быть может, даже победим. Я надену кольцо Николая, а Мала переведут в другое место. Он получит жизнь, которую заслуживает, которая у него была бы без меня. Так почему же нож между моими ребрами продолжал проворачиваться?

Я легла на кровать, зажав в руке изумруд. Через окно лилось звездное сияние.

Впоследствии я не могла сказать точно, сделала я это намеренно или случайно, но мое разбитое сердечко потянуло за невидимую нить. Может, я просто была слишком уставшей, чтобы противостоять притяжению. Так или иначе, через секунду я оказалась в расплывающейся комнате и смотрела на Дарклинга.

## Глава 9

Он сидел на краю стола, рубашка скомкана на коленях, руки подняты над головой. Силуэт целительницы из корпориалов то приобретал четкость, то расплывался, пока она трудилась над кровоточащей раной на боку Дарклинга. Сперва я решила, что мы в лазарете Малого дворца, но помещение было слишком темным и размытым, чтобы сказать наверняка.

Я пыталась не обращать внимания на то, как он выглядит – взъерошенные волосы, тени подчеркивают рельеф обнаженной груди. Он казался таким человеческим – просто юноша, раненный в битве или же в поединке. «Не юноша, – напомнила я себе, – а монстр, который прожил сотни лет и забрал сотни жизней».

Он сжимал челюсти, пока целительница зашивала ему рану. Когда работа была закончена, Дарклинг отпустил девушку взмахом руки. Она на секунду застыла, после чего скользнула в темноту и исчезла.

– Меня давно интересовал один вопрос, – сказал он. Никакого приветствия, никакой преамбулы.

Я ждала.

– В ту ночь, когда Багра рассказала о моих намерениях и ты сбежала из Малого дворца, ты колебалась?

– Да.

– В последующие дни ты задумывалась о том, чтобы вернуться?

– Да, – призналась я.

– Но решила этого не делать.

Я знала, что нужно уходить, ну или хотя бы помалкивать. Но я устала, а рядом с ним мне становилось так легко...

– Дело было не только в том, что рассказала Багра. Ты мне лгал. Манипулировал мной. Ты... завлек меня.

Соблазнил, заставил проникнуться к себе чувствами, поставить под сомнение решения собственного сердца.

– Я нуждался в твоей преданности, Алина. Чтобы тебя связывало со мной нечто большее, чем долг или страх. – Он осторожно потрогал пальцами кожу на месте раны. Теперь там оставалась только красноватая полоса. – Ходят слухи, что тебя видели с принцем Ланцовым.

Я подошла ближе и спросила, пытаюсь сохранить беспечность в голосе:

– И где же?

Дарклинг поднял взгляд, его губы изогнулись в слабой улыбке.

– Он тебе нравится?

– А это имеет значение?

– Когда люди тебе нравятся, это все усложняет. Тогда по ним дольше скорбишь.

По скольким скорбел он? Были ли у него друзья? Жена? Позволял ли он кому-либо стать для себя настолько близким?

– Скажи мне, Алина, – начал Дарклинг. – Он уже завладел тобой?

– *Завладел мной?* Что, как полуостровом?

– Не краснеешь, глаза не отводишь. Ты сильно изменилась. А как же твой верный следопыт? Будет спать калачиком у подножия твоего трона?

Он давил на меня, пытался спровоцировать. Вместо того чтобы устыдиться, я подошла еще ближе.

– В ту ночь в твоей комнате ты пришел ко мне в обличье Мала. Знал, что тебя я прогоню? Его пальцы впились в край стола, но затем он пожал плечами.

– Он тот, кого ты хотела. Это по-прежнему так?

– Нет.

– Способная ученица, но ужасная врунья.

– Почему ты питаешь такую неприязнь к отказникам?

– Не неприязнь, а понимание.

– Они не все глупцы и слабаки.

– Но они все предсказуемы, – ответил он. – Люди будут любить тебя какое-то время. Но что они подумают, когда их славный король состарится и умрет, а жена-ведьма будет оставаться молодой? Когда все, кто помнят твои жертвы, превратятся в прах? Как думаешь, сколько пройдет времени, прежде чем их дети или внуки восстанут против тебя?

От его слов меня бросило в дрожь. Я все еще не могла привыкнуть к мысли о своем долголетьи, этой зияющей пропасти вечности.

– Ты никогда об этом не задумывалась, не так ли? – продолжил Дарклинг. – Ты живешь одним мгновением. Я живу тысячу.

«Разве мы не все суть одно?»

Его рука молнией метнулась в мою сторону и схватила за запястье. Комната внезапно приобрела четкость. Дарклинг привлек меня к себе и прижался ко мне ногами. Второй рукой обхватил меня за талию, его сильные пальцы легли на изгиб моей спины.

– Тебе было предначертано стать моим противовесом, Алина. Только ты в целом мире могла бы править вместе со мной, держать мою силу в узде.

– А кто будет моим противовесом? – слова сорвались прежде, чем я успела их обдумать; сильным голосом я озвучила мысль, которая пугала меня даже больше, чем вероятность того, что жар-птицы не существует. – Что, если я ничем не лучше тебя? Что, если вместо того чтобы остановить тебя, я стану еще одной лавиной?

Он изучал меня несколько мгновений. Дарклинг всегда смотрел на меня так, будто я была уравнением, которое все никак не сходилось.

– Я хочу, чтобы ты узнала мое имя, – сказал он. – Имя, данное мне при рождении, а не титул, который я сам приобрел. Ты примешь его, Алина?

Я чувствовала вес кольца Николая в моей ладони в Прялке. Мне было совсем необязательно стоять здесь в объятиях Дарклинга. Я могла освободиться от его хватки, очнуться и оказаться в безопасности каменной комнаты, спрятанной на верхушке горы. Но мне этого не хотелось. Вопреки всему, я желала услышать этот нашептанный секрет.

– Да, – выдохнула я.

Через долгое мгновение он сказал:

– Александр.

Я не смогла сдержать тихий смешок. Дарклинг вздернул бровь, уголки его губ приподнялись.

– Что?

– Просто оно... такое обычное.

Такое распространенное имя, которым нарекают как королей, так и крестьян. У меня было двое знакомых по имени Александр в Керамзине, трое в Первой армии. Один из них погиб в Каньоне.

Он улыбнулся шире и склонил голову набок. Видеть его таким было почти физически больно.

– Ты произнесешь его?

Я замерла, ощущая, как опасность сжимает меня в тиски. А затем прошептала:

– Александр.

Его улыбка померкла, серые глаза заблестели.

– Еще, – потребовал он.

– Александр.

Он подался вперед. Я почувствовала его дыхание у себя на шее, затем легкое, как вздох, прикосновение губ к коже прямо над ошейником.

– Не надо, – запротестовала я. Попыталась отпрянуть, но Дарклинг лишь крепче схватил меня. Его рука поднялась к моей шее, длинные пальцы запутались в волосах, откидывая мою голову назад. Я закрыла глаза.

– Позволь мне, – пробормотал он. Его дыхание обжигало мне шею. Он обвил мою ногу своей, придвигая ближе. Я почувствовала жар его языка, напряжение накачанных мышц под нагой кожей, когда он положил мои руки себе на талию. – Это все равно не по-настоящему. Позволь мне.

Меня накрыла волна голода, равномерное, тоскливое биение вожделения, которое было не нужно нам обоим, но все равно никак не проходило. Мы единственные во всем мире, уникальные. Мы связаны между собой, и это навсегда.

Но это не имеет значения.

Я не могла забыть, что он сделал, и никогда не прощу его за то, кто он есть: убийца. Чудовище. Человек, пытавший моих друзей и уничтоживший людей, которых я пыталась защитить.

Я отстранилась от него.

– Это достаточно реально.

Он сощурил глаза.

– Мне уже поднадоела эта игра, Алина.

Меня удивила ярость, поднявшаяся у меня внутри.

– Поднадоела? Ты играл со мной при каждом удобном случае. Ты не устал от игры. Тебе просто досадно, что меня не так легко обыграть.

– Смышсленная Алина, – отчеканил Дарклинг. – Способная ученица. Я рад, что ты пришла. Хочу поделиться с тобой новостями. – Он резво натянул на себя окровавленную рубашку. – Я собираюсь войти в Каньон.

– Скатертью дорога. Волькры заслуживают еще одного твоего кусочка.

– Они его не получают.

– Надеешься, что их аппетит угас? Или это очередное безумие?

– Я не безумец. Спроси Давида, какие тайны он оставил для меня во дворце.

Я замерла.

– Еще один умник, – продолжил Дарклинг. – Надо будет вернуть его, когда все закончится. Такой одаренный мальчишка.

– Ты блефуешь, – отрезала я.

Дарклинг улыбнулся, но на сей раз улыбка вышла холодной. Он оттолкнулся от стола и начал надвигаться на меня.

– Я попаду в Каньон, Алина, и покажу Западной Равке, на что способен, даже без заклинательницы Солнца. А раздавив твоего единственного союзника Ланцова, я стану охотиться на тебя, как на животное. У тебя не будет убежища. Не будет покоя. – Он навис надо мной, его серые глаза пылали. – Беги же к своему отказнику, – прорычал Дарклинг. – Обними его крепче. Скоро правила нашей игры изменятся.

Он поднял руку, и меня пронзил разрез. Расщепившись надвое, я с ледяным рывком вернулась в свое тело.

Ощупала торс; сердце колотилось в груди от воспоминания, как тело пронзает тень, но я была цела и невредима. С трудом встав с кровати, я попыталась отыскать лампу, затем сдалась и нащупала пальто и ботинки.

За моей дверью дежурила Тамара.

– Где Давид? – осведомилась я.

– Чуть дальше по коридору, в комнате с Адриком и Хэршоу.

– Мал и Толя спят?

Девушка кивнула.

– Разбуди их.

Она скользнула в комнату стражи, а через секунду из нее уже вышли Мал с Толей, бодрые и обутые, как и предписано солдатам. Мал прихватил пистолет.

– Он тебе не потребуется, – кивнула я. – По крайней мере, я надеюсь.

Я подумывала послать кого-то за Николаем, но сперва мне хотелось узнать, с чем мы имеем дело.

Мы двинулись по коридору. Дойдя до комнаты Давида, Тамара быстро постучала в дверь и открыла ее.

Судя по всему, Адрика с Хэршоу выселили на одну ночь. Заспанные Женя и Давид моргая уставились на нас из-под одеяла с узкой койки.

Я указала на Давида.

– Одевайся. У тебя есть две минуты.

– Что... – начала Женя.

– Просто выполняй.

Мы вышли обратно за дверь.

Мал прокашлялся.

– Не могу сказать, что я сильно удивлен.

Тамара фыркнула.

– После его небольшой речи в оперативном штабе даже я подумывала хватать этого быка за рога.

Через несколько секунд дверь приоткрылась, и взъерошенный, босой Давид пригласил нас внутрь. Женя сидела, скрестив ноги, на койке, ее рыжие кудри торчали во все стороны.

– Что такое? – спросил фабрикатор. – Что случилось?

– До меня дошла информация, что Дарклинг намерен использовать Каньон против Западной Равки.

– А Николай... – начала Тамара.

Я подняла руку.

– Мне нужно знать, возможно ли это.

Давид покачал головой.

– Без тебя – нет. Ему нужно войти в Неморе, чтобы расширить его.

– Он заявляет, что способен на это. А еще, что ты оставил какие-то тайны в Малом дворце.

– погоди минутку, – перебила Женя. – Откуда у тебя такая информация?

– Из надежных источников, – коротко ответила я. – Давид, что он имел в виду? – Мне не хотелось верить, что Давид мог нас предать. По крайней мере, умышленно.

Тот нахмурился.

– Когда мы бежали из Ос Альты, я оставил там свои старые блокноты, но они едва ли опасны.

– Что в них было? – поинтересовалась Тамара.

– Да всякое, – ответил он, его беспокойные пальцы комкали и разглаживали ткань штанов. – Проект разработки зеркальных тарелок, линза для фильтрации различных волн спектра. Ничего такого, что он мог бы использовать для проникновения в Каньон. Но... – тут он слегка побледнел.

– Что еще?

– Это была лишь теория...

– *Что еще?!*

– Там был набросан план стеклянного скифа, который придумали мы с Николаем.

Я нахмурилась и посмотрела на Мала, потом на остальных. Все выглядели такими же озадаченными, как я.

– Зачем ему стеклянный скиф?

– Его каркас может выдержать *люмию*.

Я раздраженно всплеснула руками.

– Что такое люмия?

– Вариация жидкого огня.

*Ради всех святых...*

– О, Давид... Ты этого не сделал.

Жидкий огонь был одним из творений Морозова. Липкий, легковоспламеняющийся, он создавал такое пламя, которое почти невозможно потушить. Он был настолько опасен, что Морозов уничтожил формулу всего через пару часов после создания.

– Нет! – Давид быстро поднял руки в знак защиты. – Нет, нет. Эта вариация лучше, безопаснее. Реакция создает только свет, но не жар. Я придумал ее, пока мы пытались найти способ улучшить фотобомбы для борьбы с ничегоями. Ее нельзя было применить, но мне понравилась идея, и я оставил ее... на потом. – Он беспомощно пожал плечами.

– Огонь горит без жара?

– Это просто источник искусственного солнечного света.

– Но его достаточно, чтобы сдерживать волькр?

– Да, но для Дарклинга он бесполезен. Огонь горит ограниченное количество времени, и ему нужен солнечный свет, чтобы активироваться.

– Сколько?

– Немного, в этом и был весь смысл. Мы просто думали, как бы усилить твое могущество, как в случае с тарелками. Но в Каньоне *нет* света, так что...

Я вытянула руки, и по стенам зашевелились тени.

Женя вскрикнула, Давид осел на кровать. Толя с Тамарой потянулись к оружию.

Я опустила руки, и тени вернулись к своей привычной форме. Все уставились на меня.

– У тебя есть его сила? – прошептала Женя.

– Нет. Лишь ее отголоски. – Мал считал, что я забрала ее у Дарклинга. Возможно, он тоже кое-что у меня забрал.

– Вот как ты заставила тени прыгать в котельной, – понял Толя.

Я кивнула.

Тамара ткнула пальцем в Мала.

– Ты солгал нам!

– Я храню ее секреты, – ответил он. – Ты бы поступила так же.

Она скрестила руки. Толя опустил тяжелую ладонь ей на плечо. Все выглядели расстроенными, но не настолько напуганными, как могли быть.

– Вы поняли, что это значит, – сказала я. – Если у Дарклинга есть хотя бы остатки моей силы...

– Хватит ли ее, чтобы сдерживать волькр? – спросила Женя.

– Нет, – покачала головой я. – Не думаю.

Я нуждаюсь в усилителе, прежде чем смогу управлять достаточным количеством света, чтобы безопасно попасть в Каньон. Конечно, нет никакой гарантии, что Дарклинг не забрал больше моей силы, когда мы сражались в часовне. И все же, если бы он действительно мог орудовать светом, то начал бы действовать раньше.

– Это не имеет значения, – расстроенно прошептал Давид. – В Каньоне ему хватит и тоненького лучика света, чтобы активировать люмию.

– То есть у него достаточно света для защиты, – начал Мал. – Хорошо вооруженный скиф с гришами и солдатами...

Тамара помотала головой.

– Это слишком рискованно, даже для Дарклинга.

Но Толя вторил моим собственным мыслям.

– Ты забываешь о ничегоях.

– Теневые солдаты против волькр? – в ужасе произнесла Женья.

– Святые, – простонала Тамара. – Вы за кого будете болеть?

– Проблема всегда заключалась в ограничении, – сказал Давид. – Люмия разъедает все. Единственное, что ее выдержало, это стекло, но оно ставило перед нами другие инженерные проблемы. Мы с Николаем так их и не решили. Все это было... потехи ради.

Если Дарклинг еще не решил этих проблем, то скоро это произойдет.

«У тебя не будет убежища. Не будет покоя».

Я схватилась за голову.

– Он разгромит Западную Равку.

И тогда ни одна страна не осмелится встать ни на мою сторону, ни на сторону Николая.

## Глава 10

Спустя полчаса мы сидели на кухне, сгрудившись за столом, на котором стояли опустевшие стаканы из-под чая. Женя предпочла вскоре уйти, но Давид остался – склонил голову над кипой чертежных бумаг и пытался воссоздать схемы постройки стеклянного скифа, а также формулу люмии по памяти. Как бы там ни было, я не верила, что он осознанно помогал Дарклингу. Преступлением Давида была жажда знаний, а не власти.

Остальные части Прялки пустовали, погруженные в тишину: большинство солдат и гришей-отшельников еще спали. Несмотря на то что Николая вытащили из кровати посреди ночи, он выглядел собранным и опрятным даже в накинутах поверх ночной рубашки и штанов зеленом мундире. Мы быстро ввели его в курс дела и рассказали обо всем, что мне удалось узнать, и я ничуть не удивилась первому вопросу, который он задал.

– Как давно ты об этом узнала? Почему не сказала мне раньше?

– Час назад, может, меньше. Я задержалась лишь для того, чтобы подтвердить эту информацию, расспросив Давида.

– Это невозможно...

– Маловероятно, – мягко поправила я. – Николай... – у меня скрутило живот. Глянула на Мала. Я не забыла, как он отреагировал, когда я наконец рассказала ему, что вижу Дарклинга. А сейчас все куда хуже, поскольку это я искала с ним встречи. – Я узнала об этом лично от Дарклинга. Он сам мне сказал.

– Прошу прощения?

– Я могу посещать его в качестве видения. Я... сама нашла его.

Последовала долгая пауза.

– Ты можешь шпионить за ним?

– Не совсем. – Я попыталась объяснить, как мне видится комната, как видится сам Дарклинг. – Я не могу слышать и видеть других людей, если они не находятся в максимальной близости от него или не контактируют с ним. Такое впечатление, что в этих видениях он единственный настоящий, материальный.

Николай забарабанил пальцами по столу.

– Но мы могли бы попробовать вывести у него информацию, – восхищенно сказал он, – может, даже скормить ему ложные сведения. – Я захлопала глазами. Вот так моментально Николай начинал придумывать стратегию. Стоило бы уже привыкнуть. – Ты можешь проверить это с другими гришами? Пробраться в их головы?

– Сомневаюсь. Мы с Дарклингом... связаны. Наверное, так будет всегда.

– Я должен предупредить Западную Равку. Им нужно эвакуировать людей из местности вдоль берега Каньона. – Николай устало потер лицо. Я впервые видела, как в броне его уверенности появилась брешь.

– Они расторгнут союз, не так ли? – спросил Мал.

– Скорее всего. Западная Равка была готова на такой жест, как блокада, пока считала, что ей не нанесут ответный удар.

– Если они откажутся от союза, – сказала Тамара, – станет ли нападать на них Дарклинг?

– Дело не только в блокаде, – ответила я. – А в том, чтобы изолировать нас и сделать так, что нам не к кому будет бежать за помощью. А еще в могуществе. Он хочет использовать Каньон. Всегда хотел. – Я подавила желание прикоснуться к своему голому запястью. – Это его непреодолимая тяга.

– Сколько людей ты можешь привлечь? – спросил Мал у Николая.

– В общей сложности? Полагаю, мы могли бы собрать армию из пяти тысяч человек. Они раскиданы по гарнизонам на северо-западе, так что мобилизовать их будет непросто, но,

думаю, это возможно. Еще у нас есть причины подозревать, что некоторые из ополченцев на нашей стороне. Мне доложили о массовом дезертирстве с базы в Полизной, а также с северного и южного фронтов.

– Что насчет солнечных солдат? – поинтересовался Толя. – Они будут сражаться. Я знаю, что они готовы отдать жизнь за Алину. И уже делали это прежде.

Я содрогнулась, думая об очередных смертях, о жизнерадостной Руби с отмеченным татуировкой с лучами солнца лицом.

Николай нахмурился.

– Но можем ли мы положиться на Апрата? – Священник сыграл важную роль в перевороте, в котором чуть не погиб отец Николая и, в отличие от Жени, он не был беззащитным слугой, подвергавшимся преследованиям короля. – Чего конкретно он хочет?

– Думаю, он хочет выжить, – сказала я. – Сомневаюсь, что он рискнет напрямую противостоять Дарклингу, если не будет уверен в исходе.

– Нам бы не помешали дополнительные войска, – признал Николай.

В правом виске начала отдаваться тупая боль.

– Мне это не нравится. Все это. Ты говоришь о том, чтобы подкинуть огромное количество тел ничегоям. Это приведет к неслыханным потерям.

– Ты же знаешь, что я буду прямо там, вместе с ними, – возразил принц.

– Это значит лишь то, что я могу прибавить тебя к числу погибших.

– Если Дарклинг использует Каньон, чтобы лишить нас любых возможных союзников, Равка достанется ему. Он станет только сильнее, укрепит свое положение. Я не сдамся так просто.

– Ты видел, что сотворили его чудища в Малом дворце...

– Но ты сама сказала – он не остановится. Ему необходимо использовать свою силу, и чем чаще он это делает, тем сильнее жаждет власти. Вероятно, это наша последняя возможность остановить его. Кроме того, поговаривают, что Оретцев лучший из следопытов. Если он найдет жар-птицу, у нас появится шанс.

– А если нет?

Николай пожал плечами.

– Тогда наденем наши лучшие наряды и умрем как герои.

\* \* \*

К тому времени, как мы закончили обговаривать подробности наших дальнейших действий, небо уже занималось рассветом. «Зимородок» вернулся, и Николай тут же отправил его обратно с новой командой и предупреждением торговому совету Западной Равки о том, что Дарклинг планирует нападение.

Они также передадут приглашение встретиться с ним и заклинательницей Солнца в нейтральной Керчии. Для нас с Николаем было слишком рискованно появляться на территории, которая вскоре может стать вражеской. «Пеликан» вернулся в ангар и через пару дней отправится в Керамзин без нас. Я не могла понять, грущу ли я или испытываю облегчение оттого, что мне не удастся попасть в сиротский приют, но на это просто не хватало времени. Завтра Мал и его команда вылетят в Сикурзой на «Выпи», а я присоединюсь к ним через неделю. Мы будем придерживаться плана и надеяться, что Дарклинг не начнет действовать раньше.

Нам еще многое оставалось обсудить, но Николаю нужно было написать письма, а мне – поговорить с Багрой. Время уроков прошло.

Она пряталась в своем темном логове, очаг уже был растоплен, а в комнате царила невыносимая жара. Миша только что принес ей поднос с завтраком. Я подождала, пока она

доест гречневую кашу и допьет крепкий черный чай. Когда Багра закончила завтракать, Миша открыл книгу, чтобы начать читать, но она быстро его перебила:

– Унеси поднос. Маленькая святая что-то задумала. Если заставим ее ждать еще дольше, она может вскочить с места и начать трясти меня.

Ужасная женщина. От нее ничего не скроешь.

Миша поднял поднос и помедлил в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу.

– Мне обязательно сразу возвращаться?

– Прекрати извиваться, как личинка! – рывкнула Багра, и Миша застыл. Она взмахнула рукой. – Иди, бестолковое создание, но не опаздывай с моим обедом.

Мальчишка выбежал за дверь, грохоча тарелками, и закрыл ее ногой.

– Это все ты виновата, – пожаловалась Багра. – Теперь ему на месте не сидится.

– Он маленький мальчик. Они все этим славятся. – Я мысленно сделала заметку попросить кого-то продолжить с Мишей уроки фехтования, пока нас не будет.

Багра нахмурилась и придвинулась ближе к огню, сильнее укутываясь в меха.

– Что ж, теперь мы одни. Что ты хочешь знать? Или будешь сидеть здесь, прикусив язык, еще час?

Я не знала, как начать разговор.

– Багра...

– Либо выкладывай, либо я пойду вздремну.

– Возможно, Дарклинг нашел способ попасть в Каньон без меня. Он использует его в качестве оружия. Если вы можете рассказать нам что-то полезное, мы нуждаемся в информации.

– Всегда один и тот же вопрос.

– Когда я спросила вас, мог ли Морозов оставить работу над усилителями незаконченной, вы сказали, что это было не в его характере. Вы знали его?

– Мы уже все обсудили, девочка, – отрезала она, поворачиваясь к очагу. – Ты зря потратила утро.

– Однажды вы сказали, что надеетесь на искупление для своего сына. Скорее всего, это моя последняя возможность его остановить.

– Ах, значит, теперь ты собираешься его спасти? Какая ты милосердная.

Я сделала глубокий вдох и прошептала:

– Александр. – Багра оцепенела. – Его настоящее имя Александр. И если он пойдет на этот шаг, то будет потерян навсегда. Как, возможно, и все мы.

– Это имя... – Багра откинулась на спинку кресла. – Только он мог его тебе назвать. Когда?

Я никогда не обсуждала с ней свои видения и не хотела делать это сейчас. Вместо этого я повторила свой вопрос:

– Багра, вы знали Морозова?

Она долго молчала, единственным звуком в комнате было потрескивание пламени. Наконец она ответила:

– Лучше, чем кто-либо другой.

Хотя у меня и были подозрения, теперь мне с трудом верилось в этот факт. Я видела записи Морозова, носила его усилители, но он никогда не казался мне реальным. Для меня он был святым с позолоченным нимбом, скорее легенда, нежели человек.

– На полке в углу стоит бутылка кваса, – сказала Багра, – там, куда Миша не сможет дотянуться. Принеси ее и стакан.

Для кваса было рановато, но я не собиралась спорить. Достала бутылку и наполнила стакан.

Багра сделала большой глоток и причмокнула губами.

– А новый король ни в чем себе не отказывает, не так ли? – она вздохнула и устроилась поудобнее. – Ладно, маленькая святая, раз ты хочешь знать о Морозове и его бесценных усилителях, я расскажу тебе сказку – ту, которую когда-то рассказывала мальчику с темными волосами, молчаливому мальчику, который редко смеялся и слушал внимательнее, чем я думала. Мальчику, у которого было имя, а не титул.

В свете огня тени, залегшие во впадинах ее глаз, будто мерцали и извивались.

– Морозов был Костяным Кузнецом, одним из величайших фабрикаторов в мире и человеком, который испытывал границы самой силы гришей, но еще он был обычным мужчиной, имевшим жену. Она была отказницей и, хоть и любила его, не могла понять своего мужа.

Я подумала о том, как Дарклинг говорил об отказниках, о его прогнозах насчет Мала и того, как ко мне будет относиться народ Равки. Выучил ли он этот урок от Багры?

– Стоит сказать, что он тоже ее любил, – продолжила она. – По крайней мере, мне так кажется. Но этого всегда было недостаточно, чтобы он прекратил свою работу. Любовь не утоляла жажду, которая руководила его действиями. Таково проклятье могущества гриша. Тебе это должно быть знакомо, маленькая святая. Почти год они охотились на оленя в Цибее, два года плавали по Костяной тропе в поисках морского хлыста. Огромный успех для Костяного Кузнеца. Первые два этапа его великой затеи. Но когда жена забеременела, они обосновались в маленьком поселке – месте, где он мог продолжать свои эксперименты и размышлять, какое существо станет третьим усилителем. Жили они небогато. Когда Морозова удавалось отвлечь от экспериментов, он зарабатывал на жизнь плотницким трудом, а иногда жители деревни приходили к нему с ранами и недугами...

– Он был целителем? – поинтересовалась я. – Мне казалось, он фабрикатор.

– Морозов не признавал этих различий. Мало кто из гришей делал это в те дни. Он верил, что, раз наука настолько мала, то все возможно. Зачастую для него так и было.

«Разве мы не все суть одно?»

– Крестьяне посматривали на Морозова и его семью со смесью жалости и недоверия. Его жена ходила в обносках, а ребенок... ребенка редко видели. Мать держала ее в доме или гуляла с ней в окрестных полях. Видишь ли, девочка рано проявила свою силу, и ничего подобного мир еще не видывал, – Багра сделала глоток кваса. – Она могла призывать тьму.

Слова повисли в жарком воздухе, их значение доходило до меня медленно.

– Вы? – выдохнула я. – Значит, Дарклинг...

– Я – дочь Морозова, а Дарклинг – последний из рода Морозовых, – она осушила свой стакан. – Мать меня боялась. Она была уверена, что моя сила – некое проклятье, результат отцовских экспериментов. Вполне вероятно, что она была права. Когда играешь со скверной, результат всегда отличается от того, на что надеешься. Она ненавидела прикасаться ко мне, ей было невыносимо находиться со мной в одной комнате. Только когда родился второй ребенок, мама пришла в себя. Еще одна девочка, только уже нормальная, как она, без силы и пригожая. Как же мама ее обожала!

Прошли годы, сотни лет, а может, и тысяча. Но я узнала обиду в голосе Багры, боль от ощущения, что ты ненужный и нежеланный.

– Отец готовился к охоте на жар-птицу. Я была еще мала, но умоляла его взять меня с собой. Из всех сил пыталась показать себя полезной, но в итоге только раздражала его, и в конце концов он запретил мне входить в мастерскую.

Багра постучала по столу, и я вновь наполнила ей стакан.

– Как-то раз Морозову пришлось оторваться от своего верстака. На пастбище за домом раздались крики моей матери. Незадолго до этого играла с куклами, а сестра ныла, капризничала и топала своими крошечными ножками, пока мама не настояла, чтобы я отдала ей свою любимую игрушку – деревянного лебедя, вытесанного нашим отцом в один из тех редких моментов, когда он уделял мне внимание. У него были крылья – настолько детально прорабо-

таннные, что казались почти пушистыми – и идеальные перепончатые лапки, которые помогали держаться на воде. Сестра подержала его в руках меньше минуты, но успела сломать тонкую лебединую шею. Тебе следует напомнить, что я была просто одиноким ребенком и собственных сокровищ у меня было наперечет, – она подняла стакан, но глоток не сделала. – Я накинулась на сестру. С разрезом. И разделала ее пополам.

Я пыталась не представлять этого, но в голове все равно всплыл четкий образ – пахотное поле, темноволосая маленькая девочка, ее сломанная любимая игрушка. Она закатила истерику, как делают многие дети. Но она не была обычным ребенком.

– Что случилось дальше? – наконец прошептала я.

– Прибежали жители деревни. Держали мою мать, чтобы она не могла до меня добраться. Они попросту не понимали, что она говорила. Как маленькая девочка могла такое натворить? Священник уже читал молитву над телом моей сестры, когда пришел отец. Без лишних слов Морозов присел рядом с ней и взялся за работу. Крестьяне не понимали, что происходит, но чувствовали сгущающуюся силу.

– Он спас ее?

– Да, – просто ответила Багра. – Он был выдающимся целителем и использовал все свои умения, чтобы вернуть ее – слабую, с затрудненным дыханием, шрамами, но живую.

Я читала бесчисленное количество версий мученичества Санкт-Ильи. Подробности истории исказились со временем: он исцелил *своего* ребенка, а не незнакомого. Девочку, а не мальчика. Но я подозревала, что концовка осталась неизменной, и вздрогнула при мысли о том, что последует дальше.

– Это был перебор, – сказала Багра. – Жители деревни знали, как выглядит смерть – это дитя должно было умереть. А еще, возможно, они завидовали. Скольких любимых они потеряли из-за болезни или травмы с тех пор, как Морозов поселился в их краях? Скольких он мог спасти? Может, ими руководил не только страх или чувство справедливости, но и злость. Они заковали его в цепи... и мою сестру тоже – ребенка, которому не хватило ума остаться среди мертвых. Защищать отца было некому, как и вступить за сестру. Мы жили на окраине и не заводили друзей. Крестьяне потащили его к реке. Сестру пришлось нести. Она только научилась ходить, но не могла делать этого в цепях.

Руки на моих коленях сжались в кулаки. Мне не хотелось слышать окончание этой истории.

– Пока мама выла и молила, пока я плакала и сопротивлялась, чтобы высвободиться из хватки едва знакомого соседа, они столкнули Морозова и его младшую дочь с моста, и мы наблюдали, как они исчезают под водой, затянутые на дно весом железных цепей. – Багра опустошила свой стакан и поставила его перевернутым на стол. – Больше я никогда не видела ни отца, ни сестру.

Мы сидели в молчании, пока я пыталась собрать воедино выводы из того, что она сказала. На щеках Багры не было слез. «Ее горе старое», – напомнила я себе. И все же, вряд ли такая боль может полностью пройти со временем. У горя своя жизнь и свои средства к существованию.

– Багра, – безжалостно продолжила я, – если Морозов умер...

– Я такого не говорила. Это был последний раз, когда я его видела. Но он был гришом с необычайной силой. Вполне вероятно, что он пережил падение с моста.

– В цепях?

– Он был величайшим из когда-либо живших фабрикаторов. Потребовалось бы нечто большее, чем сталь отказников, чтобы удержать его.

– И вы полагаете, что он отправился создавать третий усилитель?

– Работа была его жизнью, – ответила она, и в ее словах промелькнула горечь позабытого всеми ребенка. – Останься в его теле хоть крошечный вдох, он бы не остановился, пока не нашел жар-птицу. Вот ты бы остановилась?

– Нет, – признала я. Жар-птица стала моим помешательством, одержимостью, которая спустя столетия связывала меня с Морозовым. Мог ли он выжить? Багра была уверена, что да. А как же ее сестра? Если Морозов смог спастись, вытащил ли он свою дочь из реки? Использовал ли свои умения, чтобы вновь воскресить ее? Эта мысль потрясла меня. Мне хотелось крепко вцепиться в нее, повертеть в своих ладонях, но это еще не все, что мне нужно было узнать. – Что крестьяне сделали с вами?

От ее сиплого смеха, разнесшегося по комнате, волосы на моих руках встали дыбом.

– Будь они умны, то кинули бы и меня в реку. Вместо этого они выгнали нас с мамой из поселка и бросили на милость леса. Мама была бесполезна. Она рвала на себе волосы и плакала, пока ей не стало плохо. Наконец она просто легла и отказывалась вставать, как бы я ни рыдала и ни звала ее. Я оставалась с ней так долго, как могла. Пыталась развести костер, чтобы согреть нас, но плохо это умела. – Женщина пожала плечами. – Я была очень голодна. В конце концов я оставила ее и побрела дальше, грязная и потерянная, пока не наткнулась на ферму. Меня пустили в дом и организовали поисковую группу, но я не смогла найти дорогу к матери. Скорее всего, она умерла от голода на лесной поляне.

Я молча ждала продолжения. Этот квас начинал привлекать и меня.

– Тогда Равка была другой. У гришей не было пристанища. Люди с силой, подобной нашей, заканчивали так же, как мой отец. Свое могущество я скрывала. Следовала за сказками о ведьмах и святых, находила тайные места, где гриши изучали свою науку. Узнавала все, что могла. И когда пришло время, обучила всему своего сына.

– А что насчет его отца?

Багра снова грубо расхохоталась.

– Хочешь услышать любовную историю? Такой не было. Я хотела ребенка и нашла самого могущественного гриша, какого могла. Он был сердцебитом. Я даже не помню его имени.

На долю секунды я увидела сильную девушку, которой она была, бесстрашную и дикую, гриша с необычайными способностями. Затем Багра вздохнула, заерзала в кресле, и видение исчезло, осталась усталая пожилая женщина, греющаяся у очага.

– Мой сын не был... Все начиналось так хорошо. Мы путешествовали с места на место, видели, как живут наши люди, как им не доверяют, какую жизнь, полную тайн и страхов, их заставляли вести. Он поклялся, что однажды у нас будет безопасное место, что сила гришей станет ценной и желанной, чем-то, чем наша страна будет дорожить. Мы будем равкианцами, а не просто гришами. Эта мечта положила начало Второй армии. Хорошая мечта. Если бы я знала... – Она покачала головой. – Я наделила его гордостью. Я обременила его честолюбием, но худшее, что я сделала, это пыталась защитить его. Ты должна понять, даже наш народ избегал нас, пугался нашего необычного могущества.

«Таких, как мы, больше нет».

– Мне хотелось, чтобы он никогда не чувствовал себя так, как я в детстве, – сказала Багра. – Поэтому внушила, что ему нет равных, что ему предназначено ни перед кем не склонять голову. Мне хотелось, чтобы он был стойким, сильным. Я преподавала ему тот же урок, что преподали мне родители: ни на кого не полагаться. Что любовь – хрупкая, мимолетная и ненадежная – ничто в сравнении с властью. Он был гениальным мальчиком. И слишком способным учеником.

Рука Багры метнулась в мою сторону. Женщина с поразительной точностью ухватила меня за запястье.

– Подави свой голод, Алина. Сделай то, чего не смогли Морозов и мой сын, и *сдайся*.

Мои щеки стали мокрыми от слез. Мне было больно за нее. Больно за ее сына. Но даже несмотря на это, я знала, каким будет мой ответ.

– Я не могу.

– Что в жизни бесконечно? – процитировала она.

Я хорошо знала эту строчку.

– Вселенная да человеческая жадность, – процитировала в ответ.

– Возможно, ты не переживешь жертву, которую потребует скверна. Однажды ты уже прочувствовала эту силу, и она чуть тебя не убила.

– Я должна попытаться.

Багра покачала головой.

– Глупая девчонка, – сказала она, но ее голос был полон грусти, словно она упрекала другую девочку из прошлого – потерянную, нежеланную, ведомую болью и страхом.

– Записи...

– Много лет спустя я вернулась в родную деревню, не зная, что там найду. Папиной мастерской давно не стало, но его журналы лежали на том же месте, спрятанные в нише в старом погребе. – Багра фыркнула с недоверием. – Над ним построили церковь.

Я запнулась, но потом сказала:

– Если Морозов выжил, что с ним стало?

– Полагаю, он покончил с собой. Так умирает большинство могущественных гришей.

Пораженная, я откинулась на спинку стула.

– Почему?

– Думаешь, у меня никогда не было таких мыслей? Или у моего сына не было? Люди, которые нам дороги, стареют. Дети умирают. Королевства возносятся и исчезают, а мы продолжаем жить дальше. Быть может, Морозов до сих пор ходит по земле, старее и злее даже меня. Или же он использовал свою силу на себе и покончил со всем этим. Все довольно просто. Подобное притягивает подобное. В ином же случае... – она снова разразилась этим сухим, хриплым хохотом. – Лучше предупреди своего принца. Если он действительно считает, что пуля остановит гриша с тремя усилителями, то он сильно ошибается.

Меня передернуло. Хватит ли мне храбрости покончить с собственной жизнью, если до этого дойдет? Собрав все усилители, я смогу разрушить Каньон, но в то же время смогу сотворить на его месте кое-что похуже. А столкнувшись с Дарклингом лицом к лицу... даже если я осмелюсь использовать скверну и создам армию света, хватит ли этого, чтобы убить его?

– Багра, – настороженно начала я, – что потребуется, чтобы убить гриша с таким могуществом?

Женщина похлопала по голой коже моего запястья, пустующего места, где в течение считанных дней мог появиться усилитель.

– Маленькая святая, – прошептала она. – Маленькая мученица. Думаю, скоро мы это узнаем.

\* \* \*

Остаток дня я придумывала, как обратиться за помощью к Апрату. Послание будет оставлено под алтарем церкви Санкт-Лукина в Верности и, как я надеялась, попадет в Белый собор посредством сети верующих. Мы использовали шифр, который Толя с Тамарой узнали от солнечных солдат, так что, если послание попадет в руки Дарклинга, он не поймет, что всего через две недели мы с Малом будем ждать войска Апрата в Карьеве. Столица скачек пустовала после окончания летнего сезона, и при этом располагалась близко к южной границе. Вне зависимости от того, найдем мы жар-птицу или нет, мы сможем двинуть нашу армию на север под прикрытием Каньона и встретиться с войсками Николая к югу от Крибирска.

У меня были два совершенно разных набора багажа. Один – обычный солдатский рюкзак, который отнесен на борт «Выпи». В нем штаны из грубой пряжи, защитного цвета форма, устойчивая к промоканию, тяжелые ботинки, немного монет для взяток или мелких расходов, которые могут понадобиться, чтобы добраться до Двух Столбов, меховая шапка и шарф, чтобы прикрыть ошейник Морозова. Второй набор багажа загрузили на «Зимородок» – набор из трех одинаковых сундуков, украшенных моими золотыми лучами и наполненных шелками и мехом.

Когда наступил вечер, я спустилась на этаж с котлами, чтобы попрощаться с Багрой и Мишей. После ее мрачных предупреждений меня ничуть не удивило, что Багра насупилась и просто махнула мне. Но на самом деле я пришла к Мише. Я заверила его, что нашла кое-кого, кто продолжит с ним занятия в наше отсутствие, и вручила одну из брошек с золотым солнцем, которую носили мои личные стражи. Мал не сможет надевать ее на юге, а радость на лице Миши стоила всех насмешек Багры.

На обратной дороге я никуда не торопилась, бредя по темным коридорам. Здесь было тихо, а с тех пор, как Багра поведала мне свою историю, у меня совсем не было времени ее обдумать. Понятное дело, история подразумевалась как поучительная, но мои мысли все равно неминуемо возвращались к маленькой девочке, которую кинули в реку с Ильей Морозовым. Багра считала, что сестра умерла, ведь та была отказницей... но что, если ее сила просто не успела проявиться? Все-таки она тоже была ребенком Морозова. Что, если ее дар был таким же уникальным, как у Багры? Если она выжила, отец мог взять ее с собой на охоту за жар-птицей. Возможно, она жила неподалеку от Сикурзоя, и ее сила передавалась из поколения в поколение на протяжении сотен лет. И в конце концов проявилась во мне.

Я понимала, что это всего лишь предположение. Жутко самонадеянное. И все же, если я найду жар-птицу неподалеку от Двух Столбов, так близко к месту моего рождения, может ли это быть совпадением?

Я резко остановилась. Если Морозов мой предок, это значит, что мы с Дарклингом родственники. А это значит, что я чуть не... от этой мысли меня всю передернуло. Неважно, сколько лет и поколений могло пройти, мне все равно захотелось принять ванну с кипящей водой.

Мои размышления прервал Николай, шедший навстречу по коридору.

– Ты должна кое-что увидеть, – сказал он.

– Все в порядке?

– На самом деле все просто превосходно, – он присмотрелся ко мне. – Что с тобой сделала эта карга? Выглядишь так, будто съела особо склизкого жука.

*Или же поцеловалась и не только со своим возможным кузеном.* Я вздрогнула всем телом.

Николай предложил мне руку.

– Ну, что бы это ни было, предашься отвращению позже. Наверху происходит нечто чудесное, и оно не может ждать.

Я взяла его под руку.

– А ты не из тех, кто любит приукрашивать, да, Ланцов?

– Это не приукрашивание, если оно соответствует действительности.

Мы только начали подниматься по лестнице, как сверху сбежал Мал. Его лицо сияло от радости, губы расплывались в широкой улыбке. От нее в моей груди словно взорвалась бомба. Эта улыбка принадлежала Малу, который, как я думала, исчез под шрамами войны.

Он заметил меня с Николаем, наши переплетенные руки. Уже через долю секунды его лицо окаменело. Мал поклонился и отошел в сторону, чтобы дать нам пройти.

– Не туда бежишь, – сказал Николай. – Ты все пропустишь.

– Я приду через минуту, – ответил Мал. Его голос казался таким равнодушно-любезным, что я засомневалась, не привиделась ли мне та улыбка.

Тем не менее, мне потребовались все силы, чтобы продолжить подниматься по ступенькам, чтобы и дальше держаться за руку Николая. «Презирай свое сердце», – сказала я себе. Сделай, что нужно.

Когда мы достигли вершины лестницы и вышли в Прялку, я лишилась дара речи. Все лампы потушили, комната была погружена во мрак, а повсюду вокруг нас падали звезды. Огненные всполохи расчерчивали окна светящимися линиями, падая каскадом за вершины гор.

– Метеоритный дождь, – сказал Николай, осторожно ведя меня по помещению. Люди разложили одеяла и подушки на подогреваемом полу и сидели группками или лежали на спине, наблюдая за ночным небом.

И тогда боль в моей груди усилилась до такой степени, что я чуть не согнулась пополам. Потому что это – то, что спешил показать мне Мал. Потому что выражение на его лице – открытое, нетерпеливое, счастливое – предназначалось мне. Потому что я всегда буду первым человеком, к которому он побежит, увидев что-то интересное, и я поступила бы так же. Святая, королева или самый могущественный гриш в мире – я всегда буду бежать к нему.

– Как красиво, – выдавила я.

– Я же тебе говорил, что у меня полно денег.

– Значит, ты теперь организовываешь небесные явления?

– В качестве подработки.

Мы остановились посреди зала и подняли глаза к стеклянному куполу.

– Я мог бы тебе пообещать, что заставлю забыть его, – предложил Николай.

– Не уверена, что это возможно.

– Ты же осознаешь, что забавляешься с моей гордостью?

– Твоя самонадеянность кажется вполне невредимой.

– Подумай об этом, – попросил он, ведя меня через толпу в тихий уголок возле западной террасы. – Я привык всегда находиться в центре внимания. Мне говорили, что я могу очаровать даже скаковую лошадь, да так, что она прямо на бегу отдаст мне все свои подковы. Но ты, похоже, невосприимчива к моим чарам.

Я рассмеялась.

– Николай, ты прекрасно знаешь, что нравишься мне.

– Ты так сдержанна в своих чувствах.

– Я тоже не слышала от тебя признаний в любви.

– А это бы помогло?

– Нет.

– Лесть? Цветы? Сто голов крупного рогатого скота?

Я пихнула его.

– Нет!

Я знала, что даже его приглашение на метеоритный дождь было не столько романтическим жестом, сколько показательным выступлением. В столовой никого не было, и мы заняли для себя этот небольшой уголок в Прялке, но Николай специально провел меня долгой дорогой через всю толпу. Он хотел, чтобы нас видели вместе: будущего короля и королеву Равки.

Принц прочистил горло.

– Алина, если мы каким-то чудом переживем следующие пару недель, я попрошу тебя стать моей женой.

Во рту пересохло. Я знала, что к этому все идет, но мне все равно было странно слышать от него эти слова.

– Даже если Мал захочет остаться, – продолжил Николай, – я переведу его в другой полк. «Пожелай мне спокойной ночи. Вели мне уйти, Алина».

– Понимаю, – тихо ответила я.

– В самом деле? Я помню, что сам говорил тебе о браке без обязательств, но если... если у нас будет ребенок, я бы не хотел, чтобы ему пришлось выслушивать насмешки и грязные сплетни, – он заложил руки за спину. – Хватит с нас одного королевского бастарда.

Дети. От Николая.

– Знаешь, ты ведь не обязан этого делать, – ответила я. Не знаю, убеждала ли я его или саму себя. – Я могла бы руководить Второй армией, а ты – заполучить любую красавицу, какую пожелаешь.

– Шуханскую принцессу? Дочь керчийского банкира?

– Равкианскую дворянку или гриша, такого как Зоя.

– Зоя? У меня твердое правило никогда не соблазнять того, кто красивее меня.

Я рассмеялась.

– А вот сейчас было обидно!

– Алина, *это* союз, которого я хочу: объединенные Первая и Вторая армии. Что же касается всего остального, я всегда знал, что мой брак будет политическим. Я женюсь ради власти, а не по любви. Но нам может повезти. Со временем мы можем получить и то, и другое.

– Или же третий усилитель превратит меня в алчного диктатора, и тебе придется меня убить.

– Да, медовый месяц выйдет не из лучших.

Он взял меня за руку, обхватывая голое запястье своими пальцами. Я напряглась и осознала, что ждала притока уверенности, как от прикосновений Дарклинга, или разряда тока, как в ту ночь у Малого дворца, когда мы с Малом ссорились за баней. Но ничего не произошло. Кожа Николая была теплой, его хватка – нежной. Интересно, почувствую ли я когда-нибудь снова нечто столь же обыденное, или напряжение во мне будет продолжать скакать и потрескивать, ища, к чему подключиться, как молния ищет высокую точку.

– Ошейник, – сказал Николай. – Оковы. Зато мне не придется тратить деньги на украшения.

– У меня разорительное пристрастие к тиарам.

– Но голова-то одна.

– Пока что, – я глянула на свои руки. – Мне стоит предупредить тебя по результатам сегодняшней беседы с Багрой, что, если дела с усилителями пойдут наперекосяк, тебе понадобится нечто большее, чем обычное огнестрельное оружие, чтобы избавиться от меня.

– Например?

– Возможно, другая заклинательница Солнца.

*«Все довольно просто. Подобное притягивает подобное».*

– Уверен, у меня где-то завалялась запасная.

Я не могла сдержать улыбки.

– Видишь? – просиял он. – Если мы не умрем через месяц, то можем стать вполне счастливой парой.

– Прекрати, – осадила его я, по-прежнему улыбаясь.

– Что прекратить?

– Говорить нужные слова.

– Я попытаюсь отучить себя от этой привычки.

Его улыбка дрогнула. Николай осторожно убрал волосы с моего лица. Я замерла. Он опустил руку на то место, где ошейник соприкасался с изгибом шеи, и когда я не отпрянула, поднял ладонь к моей щеке.

Я не была уверена, что хотела этого.

– Ты говорил... ты говорил, что не будешь целовать меня, пока...

– Пока ты не начнешь думать обо мне, вместо того чтобы пытаться забыть его? – он придвинулся, свет от падающих звезд заиграл на его лице. Николай наклонился, давая мне

время, чтобы отвернуться. Я чувствовала его дыхание, когда он произнес: – Обожаю, когда ты меня цитируешь.

Он мимолетно задел мои губы, затем еще раз. Это был не столько поцелуй, сколько обещание оного.

– Когда ты будешь готова, – сказал Николай. Затем крепко сжал мою руку, и мы продолжили вместе наблюдать за звездным ливнем, пронзающим небеса.

Со временем мы можем стать счастливыми. Люди влюбляются каждый день. Женя с Давидом. Тамара с Надей. Но счастливы ли они? Останутся ли таковыми? Быть может, любовь – это суеверие, молитва, которой мы откупаемся от правды о нашем одиночестве. Я запрокинула голову. Звезды казались такими близкими друг к другу, но на самом деле между ними пролегали миллионы миль. Возможно, в конечном счете любовь – это просто стремление к чему-то невероятно яркому и бесконечно недостижимому.

## Глава 11

На следующее утро я обнаружила Николая на восточной террасе, он снимал показания о погоде. Команда Мала должна была улететь в течение часа и ждала только отмашки, что все в порядке. Я натянула капюшон. Снегопада не было, но пара снежинок опустились на мои волосы и щеки.

– Ну что, какие прогнозы? – полюбопытствовала я, вручая Николаю чашку чая.

– Неплохие, – ответил он. – Ветер умеренный, давление стабильное. В горах может потрясти, но ничего такого, чего не выдержала бы «Выпь».

Я услышала, как за нами открылась дверь, и на террасу вышли Мал с Тамарой. Они были одеты в крестьянскую одежду, меховые шапки и шерстяные пальто.

– Ну что, мы отчаливаем? – спросила Тамара. Она пыталась выглядеть спокойной, но я слышала едва сдерживаемое возбуждение в ее голосе. Позади нее маячило лицо Нади, прижатое к стеклу в ожидании вердикта.

Николай кивнул.

– Вперед.

Шуханка ослепительно улыбнулась. Ей удалось сдержанно поклониться, после чего она повернулась к Наде и подала сигнал. Та заулюлюкала и ударилась в нечто среднее между танцем и припадком.

Николай рассмеялся.

– А что так мало энтузиазма?

– Береги себя, – сказала я, обнимая Тамару.

– Позаботься о Толе за меня, – ответила она. Затем прошептала: – Мы оставили кобальтовое кружевное платье в твоём сундуке. Надень его сегодня.

Я закатила глаза и подтолкнула ее к выходу. Знала, что увижу их всего через неделю, но с удивлением поняла, что буду очень скучать.

Когда я повернулась к Малу, наступила неловкая пауза. Его голубые глаза ярко сияли в сером утреннем свете. Шрам на моем плече внезапно кольнуло.

– Доброго пути, моя правительница, – поклонился он.

Я знала, как положено ответить, но все равно обняла его. На мгновение он застыл как истукан, но затем крепко обвил меня руками.

– Доброго пути, Алина, – прошептал Мал мне в волосы и быстро отступил.

– Мы полетим, как только вернется «Зимородок». Я ожидаю увидеть вас всех целыми и невредимыми ровно через неделю, – сказал Николай, – а еще с кучкой всемогущих птичьих косточек.

Мал поклонился.

– Да хранят вас святые, мой царевич.

Николай пожал ему руку.

– Удачи, Оретцев. Найди жар-птицу, и когда все это закончится, я тебя щедро вознагражу. Ферма в Удове. Дача неподалеку от города. Все, что пожелаешь.

– Мне ничего не нужно. Просто... – он отпустил руку Николая и отвернулся. – Заслужи ее.

Он не мешкая вернулся в Прялку, Тамара последовала за ним. Через стекло я увидела, как они общаются с Надей и Хэршоу.

– Что ж, – начал Николай, – по крайней мере, он научился уходить красиво.

Я проигнорировала боль в груди.

– Сколько нам потребуется времени, чтобы добраться до Кеттердама?

– Два или три дня, в зависимости от погоды и наших шквальных. Мы полетим на север, затем через Истиноморе. Так безопаснее, чем путешествовать через Равку.

– Какой он?

– Кеттердам? Это...

Закончить предложение он не успел. Перед моими глазами возникло темное размытое пятно, и в следующую секунду Николай исчез. Я ошалело уставилась на то место, где он стоял, а затем закричала, почувствовав, как в плечи впиваются когти и отрывают меня от пола.

Мельком заметила, как на террасу стремительно выбегает Мал с Тамарой по пятам. Он рывком преодолел расстояние между нами и, обхватив меня за талию, потянул вниз. Я извернулась и, широко разведя руки, пронзила огненным потоком света ничегою, которая меня тащила. Та пошла рябью и взорвалась. Я мешком рухнула на террасу, придавив собой Мала. Кожа кровоточила в тех местах, где ее ранили когти чудища.

Уже через секунду я вскочила на ноги и ужаснулась тому, что увидела. Воздух наполнился летающими черными силуэтами, крылатыми монстрами, которые двигались совсем не так, как любое нормальное существо. В зале позади меня воцарился хаос, раздался грохот бьющегося стекла – ничегои врывались в помещение через окна.

– Уведи остальных, – крикнула я Тамаре. – Вытащи их отсюда!

– Мы не можем бросить тебя...

– Я не хочу потерять и их!

– Иди! – рыкнул на нее Мал. Потом приставил ружье к плечу и прицелился в подлетающего монстра. Я метнула разрез, но они двигались слишком быстро, чтобы попасть по кому-то конкретному. Я вытянула шею, высматривая в небе Николая. Сердце бешено колотилось. Где же Дарклинг? Раз его чудища здесь, он должен быть где-то рядом.

Он спустился сверху. Существа перемещались вокруг него как оживший плащ, их крылья мельтешили в воздухе черной рябью. Они формировались и растворялись, поддерживая своего хозяина, их тела разделялись и соединялись, поглощая пули из ружья Мала.

– Святые! – выругался он. – Как он нас нашел?

Ответ пришел быстро. Я увидела фигуру в красном в лапах двух ничегои, их черные когти глубоко погрузились в тело пленника. Лицо Сергея было бледнее снега, глаза выпучились от ужаса, губы беззвучно шептали молитву.

– Мне пощадить его, Алина? – спросил Дарклинг.

– Оставь его в покое!

– Он сдал тебя первому же попавшемуся опричнику. Мне интересно, что ты ему предложишь: милосердие или правосудие?

– Я не желаю ему зла!

Мой разум вскипел. Неужели Сергей действительно нас предал? Он был на пределе после битвы в Малом дворце, но что, если он планировал это с самого начала? Быть может, он просто пытался ускользнуть во время сражения с ополченцами, может, намеренно упомянул имя Жени. Он так хотел побыстрее покинуть Прялку...

И тут я поняла, что шептал Сергей – не молитву, а всего одно слово, повторяемое снова и снова: «безопасность, безопасность, безопасность».

– Отдай его мне! – крикнула я.

– Меня он предал первым, Алина. Он остался в Ос Альте, когда должен был перейти на мою сторону. Сидел на твоих собраниях и участвовал в заговоре против меня. Он все мне рассказал.

Слава святым, что мы ни с кем не поделились местонахождением жар-птицы.

– Так что, – продолжил Дарклинг, – решение за мной. И, боюсь, я выбираю правосудие.

Ничегои в момент оторвали конечности Сергея от туловища и голову с плеч. На кратчайшее мгновение я заметила шок на его лице, рот открылся в безмолвном крике, но затем останки его тела исчезли под облаками.

– Ради всех святых! – выругался Мал.

Меня затошнило, но пришлось подавить подступающий ужас. Мы с Малом медленно повернулись и встали спиной к спине. Нас окружали ничегои. Позади, в Прялке, слышались крики и звук бьющегося стекла.

– И вот мы снова здесь, Алина. Твоя армия против моей. Думаешь, на сей раз твои солдаты справятся лучше?

Я проигнорировала его и крикнула в туманную серость:

– Николай!

– А, принц-пират. Я жалел о многих своих поступках, совершенных за время этой войны, – сказал Дарклинг. – Но не об этом.

Один из теневых солдат спикировал вниз. Я с ужасом увидела в его лапах брыкающегося Николая. Последние ошметки моей храбрости испарились. Я не смогу смотреть, как его расчленяют на части.

– Умоляю! – прокричала я без всякого достоинства или сдержанности. – Умоляю, не надо!

Дарклинг поднял руку.

Я прижала ладонь ко рту, колени начали подгибаться.

Но ничегоя не напала на Николая. Она закинула его на террасу. Тело с тошнотворным хрустом приземлилось на каменный пол и перекатилось.

– Алина, нет! – Мал попытался удержать меня, но я вырвалась из его хватки и побежала к Николаю, упав на колени рядом с ним. Он стонал. Его пальто было разорвано в тех местах, где когти чудища пронзили ткань. Принц попытался подняться на локти, из его рта текла струйка крови.

– Это было неожиданно, – прохрипел он.

– Ты жив, – залепетала я. – Все хорошо.

– Я ценю твой оптимизм.

Краем глаза я заметила какое-то движение и увидела, как из ладоней Дарклинга вырвались две тенистые кляксы. Они перелились через край балкона, извиваясь как змеи, и направились напрямик к нам. Я взмахнула руками и метнула разрез, обрушивая часть террасы, но было слишком поздно. Тени выстрелили молнией по каменному полу и нырнули в рот Николая.

Его глаза расширились. Он задохнулся от удивления, втягивая то, что Дарклинг запустил в его легкие. Мы пораженно уставились друг на друга.

– Что... что это было? – выдавил он.

– Я...

Николай закашлялся и содрогнулся. Затем его пальцы быстро потянулись к груди, разрывая остатки рубашки. Мы оба опустили взгляд, и я увидела, как тень разрастается под его кожей тонкими черными линиями, разветвляясь, будто жилы в мраморе.

– Нет, – простонала я. – Нет. *Нет!*

Трещины побежали по животу, перешли на руки.

– Алина? – беспомощно позвал Николай. Тьма разрослась под его кожей и поднялась по горлу. Он резко откинул голову и закричал, шея напряглась и все тело изогнулось дугой.

Он испустил еще один истошный крик, и из его спины показались два черных отростка. А затем они раскрылись. Как крылья.

Николай поднял голову. Посмотрел на меня, его лоб испещряли капельки пота, взгляд стал испуганным и отчаянным.

– Алина...

И тут его глаза – умные карие глаза – почернели.

– Николай? – прошептала я.

Он ослабилась, обнажив зубы из черного оникса. Они выросли в клыки.

Николай зарычал. Я быстро отпрянула. Его челюсть щелкнула в сантиметре от меня.

– Проголодался? – спросил Дарклинг. – Интересно, кого из своих друзей ты съешь первым.

Я неуверенно подняла руки, не спеша использовать силу. Мне не хотелось причинять ему боль.

– Николай, – взмолилась я. – Не делай этого! Останься со мной.

Его лицо исказилось от боли. Он был где-то там, боролся с собой, подавлял голод, затуманивший разум. Его ладони сжались – нет, его *лапы*. Николай взвыл, и этот звук был таким безнадежным, пронзительным и абсолютно нечеловеческим...

Взмахнув крыльями, он оторвался от террасы – чудовищный, но все равно прекрасный, все равно Николай. Затем посмотрел на темные вены, растекающиеся по его торсу, на острые, как бритва, когти, прорезавшиеся из почерневших пальцев. Он протянул ко мне руки, словно молил об ответе.

– Николай! – прокричала я.

Тогда принц развернулся в воздухе и взмыл вверх, будто каким-то образом мог обогнать свой голод, черные крылья поднимали его все выше и выше, мимо вихря из ничего. Николай быстро оглянулся, и я ощутила его муку и недоумение даже издалека.

А потом он исчез, превратившись в черную точку на фоне серого неба, пока я оставалась внизу.

– В конце концов, – сказал Дарклинг, – он найдет что поесть.

Мы предупреждали Николая о возмездии Дарклинга, но даже я не могла предвидеть нечто столь изощренное и безупречно жестокое. Николай выставил его дураком, и теперь Дарклинг взял моего идеального, гениального, благородного принца и превратил его в чудовище. Смерть была бы слишком милосердной.

У меня вырвался крик – что-то гортанное, животное, незнакомое. Я подняла руки и обрушила пламенный разрез двумя яростными дугами. Они попали в извивающиеся силуэты, окружавшие Дарклинга, и некоторые из теней исчезли, но их место тут же заняли новые. Мне было плевать. Я била по нему снова и снова. Если мне удалось срезать верхушку горы, наверняка моя сила может сгодиться на что-то и в этой битве.

– Сражайся! – закричала я. – Покончим с этим прямо здесь! Прямо сейчас!

– Сражаться с тобой, Алина? Тут и сражаться нечего. – Он подал знак своим монстрам. – Схватить их.

Они слетались со всех сторон, превращаясь в бурлящую черную массу. Мал встал рядом со мной и открыл огонь. Я чувствовала запах пороха, слышала звон гильз, сыплющихся на землю. Сосредоточив всю свою силу, размахивая руками, как мельница, я пронзала пять, десять, пятнадцать теневых солдат зараз, но без всякого результата. Их попросту было слишком много.

И вдруг они остановились. Ничего повисли в воздухе, их тела обмякли, крылья двигались в бесшумном ритме.

– Это ты сделала? – спросил Мал.

– Я... не думаю...

На террасе воцарилась тишина. Я слышала завывание ветра, звуки битвы, продолжавшейся позади нас.

– *Мерзость*.

Мы обернулись. В дверном проеме стояла Багра, опираясь на плечо Миши. Мальчишка дрожал, его глаза так округлились, что белки было видно больше, чем зрачки. Позади нее

солдаты дрались не только с ничегоями, но и с опричниками и гришами Дарклинга в синих и красных кафтанах. Его твари доставили их на вершину горы.

– Направляй меня, – приказала Багра Мише.

Какая же ему потребовалась храбрость, чтобы вывести ее на террасу, мимоничегой, извивающихся и врезающихся друг в друга, смыкающихся позади нее, как поле склизких черных бабочек. Только те, что находились ближе всех к Дарклингу, оставались подвижными и цеплялись за своего господина, хлопая крыльями в унисон.

Лицо Дарклинга ожило.

– Нужно было догадаться, что я обнаружу тебя в обители врагов. Иди внутрь, – приказал он. – Мои солдаты не причинят тебе вреда.

Багра проигнорировала его. Когда они подошли к краю террасы, Миша положил ее руку на обломок перил. Она оперлась на него, испустив чуть ли не довольный вздох, и подтолкнула Мишу своей тростью.

– Иди, мальчик, беги к нашей тощей маленькой святой. – Он замешкался. Тогда Багра нащупала его щеку и грубовато похлопала по ней. – Иди, – повторила она. – Я хочу пообщаться с сыном.

– Миша, – позвал Мал, и мальчик кинулся к нам, прячась за его пальто. Ничегои не проявляли к нему никакого интереса. Их внимание всецело сосредоточилось на Багре.

– Чего ты хочешь? – спросил Дарклинг. – И не надейся, что своими мольбами уговоришь меня пощадить этих глупцов.

– Просто хотела познакомиться с твоими монстрами, – ответила она. Багра прислонила трость к стене и вытянула руки. Ничегои подались вперед, kloкоча и пихая друг друга. Одна потерлась головой об ее ладонь, словно принимавалась к женщине. Мне показалось, или в них промелькнуло любопытство? Или это голод? – Эти дети меня знают. Подобное притягивает подобное.

– Прекрати! – потребовал Дарклинг.

Рука Багры начала наполняться тьмой. Представшая картина изумляла. Прежде мне всего раз доводилось видеть, как она призывает силу. Женщина прятала ее, как когда-то и я подавляла свою, но делала это ради секретов сына. Я помнила, что она говорила о гришах, обернувших свое могущество против себя. Они с Дарклингом одной крови, одной силы. Воспользуется ли Багра этим против него?

– Я не буду сражаться с тобой, – заявил Дарклинг.

– Так убей меня.

– Ты знаешь, что я не стану этого делать.

Тогда Багра улыбнулась и тихо рассмеялась, словно была довольна не по годам развитым учеником.

– Это правда. Поэтому я до сих пор питаю надежду. – Она резко повернула ко мне голову и позвала: – Девочка, – ее ослепшие глаза зияли пустотой, но в этот момент я могла поклясться, что она четко меня видела. – Больше не подводи меня.

– Она тоже недостаточно сильная, чтобы бороться со мной, старуха. Бери свою клюку, и я верну тебя в Малый дворец.

В мою голову закралось жуткое подозрение. Багра дала мне силу, чтобы бороться, но никогда не говорила использовать ее. Единственное, о чем она всегда просила, это бежать.

– Багра... – начала я.

– Моя хижина. Очаг. Звучит соблазнительно, – сказала она. – Но где бы я ни была, тьма везде одинаковая.

– Ты заслужила такие глаза, – холодно бросил Дарклинг, но в его словах тоже слышалась обида.

– Да, – вздохнула женщина. – И даже больше.

Тогда, без всякого предупреждения, Багра свела ладони вместе. Над горами разразился гром, и из ее рук полился мрак, напоминающий развевающиеся знамена, а потом завихрился вокруг ничегой. Те завизжали и заклокотали, недоуменно кидаясь в разные стороны.

– Знай, что я любила тебя, – сказала она Дарклингу. – Знай, что этого было недостаточно.

Багра одним движением затащила себя на стену и, прежде чем я успела закричать, наклонилась и исчезла за краем, потянув за собой ничегой спутанными мотками тьмы. Они промчались мимо нас вопящей черной волной, прокатившейся по террасе и слившейся вниз, увлекаемые излучаемой Багрой силой.

– Нет! – взревел Дарклинг. Он нырнул вслед за ней, крылья его солдат яростно забили по воздуху.

– Алина, сейчас!

Сквозь завесу ужаса я услышала слова Мала, почувствовала, как он проталкивает меня через дверь. Затем он взял Мишу на руки, и внезапно мы уже бежали по обсерватории. Ничего, которых тянуло к террасе длинными мотками, лились мимо нас потоком. Остальные просто выглядели сбитыми с толку, пока их господин отдалялся все больше и больше.

«Беги», – твердила мне Багра снова и снова. Наконец я послушалась.

Подогретый пол стал скользким от талого снега. Огромное окно Прялки разбили, и в зал задувала метель. Я увидела тела павших, места сражений.

Разум отказывался мыслить здраво. Сергей. Николай. Багра. *Багра*. Падающая сквозь туман навстречу скалам. Кричала ли она? Закрыла ли свои слепые глаза? *«Маленькая святая. Маленькая мученица»*.

К нам бежал Толя. Я увидела за ним двух опричников с саблями. Шуханец не оборачиваясь выставил два кулака, и солдаты рухнули на пол, царапая себе грудь, из их ртов потекла кровь.

– Где все остальные? – крикнул Мал, как только мы поравнялись с Толей и направились к лестнице.

– В ангаре, но их превосходят численностью. Нам нужно бежать туда как можно быстрее.

Некоторые из шквальных Дарклинга в синих мантиях попытались заблокировать лестницу. Швыряли в нас ящиками и мебелью мощными порывами ветра. Я хлестнула разрезом, превращая ящики в щепки еще до того, как они успели долететь до нас, и шквальные разбежались.

Худшее поджидало нас в ангаре. Любое подобие порядка было разрушено паникой и попытками сбежать от солдат Дарклинга.

Люди роились на «Пеликане» и «Ибисе». Первый корабль уже парил над полом ангара, поднятый ветром шквальных. Солдаты тянули за тросы, пытаясь вернуть его обратно и залезть на борт, не желая ждать второй баржи.

Кто-то отдал приказ, и «Пеликан» вырвался на свободу, попутно снося толпу на взлете. Корабль поднялся в воздух, потянув за собой кричащих мужчин в качестве причудливых якорей, и скрылся из виду.

Зоя, Надя и Хэршоу были прижаты к корпусу «Выпи» и использовали огонь и ветер, чтобы сдерживать натиск гришей и опричников.

Тамара стояла на палубе, и я с облегчением заметила рядом с ней Невского, а также нескольких других солдат из двадцать второго полка. Но позади них лежал Адрик в луже собственной крови. Его рука выгнулась под неестественным углом. Лицо побелело от изумления. Женя сидела подле него, слезы струились по ее лицу, пока Давид стоял рядом и стрелял с сомнительной меткостью из винтовки по атакующей толпе. Стигга нигде не было. Улетел ли он на «Пеликане» или остался в Прялке?

– Стигг... – начала я.

– Нет времени, – быстро ответил Мал.

Мы протолкнулись через скопище людей, и по команде брата Тамара заняла свое место за штурвалом «Выпи». Затем мы открыли огонь, прикрывая Зою и остальных шквальных, пока они забирались на палубу. Мал покачнулся, когда пуля попала ему в бедро, но Хэршоу схватил его и затащил обратно на борт.

– Увози нас! – крикнул Невский. Подал сигнал другим солдатам, и они выстроились вдоль перил корпуса, открыв огонь по людям Дарклинга. Я встала рядом с ними и ослепила врагов ярким светом, чтобы они не могли прицелиться.

Мал с Толей заняли позиции у тросов, а Зоя наполнила паруса. Но ее силы было недостаточно.

– Надя, ты нужна нам! – крикнула Тамара.

Надя, сидевшая рядом с братом, подняла взгляд. Ее лицо было мокрым от слез, но она встала, покачиваясь, на ноги и послала поток ветра в паруса. «Выпь» начала скользить на полозьях.

– Мы слишком тяжелые! – крикнула Зоя.

Невский взял меня за плечо.

– Выживи, – грубо произнес он. – Помоги ему.

Неужели он знал, что произошло с Николаем?

– Обещаю, – кивнула я. – Другая баржа...

Он даже не дослушал. Невский крикнул «За двадцать второй!» и прыгнул за борт, остальные солдаты не мешкая последовали за ним. Они нырнули прямо в толпу.

Тамара выкрикнула приказ, и мы вылетели из ангара. «Выпь» с тошнотворным рывком соскользнула с выступа, но затем паруса надулись, и мы начали подниматься.

Я оглянулась и в последний раз увидела Невского с ружьем у плеча, прежде чем его поглотила толпа.

## Глава 12

Нас трясло и подкидывало, маленькое суденышко неустойчиво колыхалось туда-сюда под парусами, пока Тамара и экипаж пытались обуздать «Выпь». Снег хлестал в наши лица жалящими порывами. Когда корпус чиркнул о скалу, палуба накренилась, и мы бросились отчаянно цепляться за любую опору.

У нас не было проливных, чтобы окутать корабль дымкой. Оставалось только надеяться, что Багра выиграла для нас достаточно времени, чтобы мы успели сбежать подальше от гор и Дарклинга.

*Багра.* Мой взгляд прошелся по палубе. Миша спрятался у корпуса, закрыв руками голову. Все были так заняты, что не находили времени, чтобы его утешить.

Я присела рядом с Адриком и Женей. Ничегоя вырвала внушительный кусок мяса из плеча юноши, и Женя старалась остановить кровотечение, но она никогда не училась на целителя. Его губы обескровели, кожа стала ледяной и глаза начали закатываться.

– Толя! – крикнула я, пытаюсь не выдать свою панику.

Надя обернулась к нам, в ее глазах читался ужас, а «Выпь» резко ухнула вниз.

– Надя, держи нас ровно, – скомандовала Тамара, перекивая завывания ветра. – Толя, помоги ему!

Вместе с Толей подошел Хэршоу. У него была глубокая рана на руке, но он крепко взялся за веревку и сказал: «Готов». Я видела силуэт Накошки, укрывшейся за воротом его пальто.

Толя нахмурился. С нами должен был быть Стигг. Хэршоу не умел обращаться с тросами.

– Просто держи крепко, – объяснил он инферну. Затем посмотрел на Мала, стоящего в противоположной части корпуса, вцепившись в веревки и напрягая мускулы от сильного ветра и метели.

– Давай же! – крикнул Мал. Из его раны на бедре шла кровь.

Они быстро поменялись местами. «Выпь» накренилась, затем выпрямилась под натужное кряхтение Хэршоу.

– Есть! – процедил он сквозь зубы. Это не особо успокаивало.

Толя кинулся к Адрику и взялся за работу. Надя всхлипывала, но ее поток ветра не ослабевал.

– Ты можешь спасти его руку? – тихо спросила я.

Толя покачал головой. Он был сердцебитом, воином и убийцей, но не целителем.

– Я могу только срастить кожу, или у него начнется внутреннее кровотечение. Мне нужно закрыть артерии. Можешь согреть его?

Я укутала Адрика светом, и его дрожь слегка утихла.

Мы летели дальше, паруса натягивались от силы ветра гришей. Тамара склонилась над штурвалом, ее пальто развевалось позади. Я поняла, что мы удалились от гор, поскольку «Выпь» перестала вилять. Морозный воздух щипал щеки, пока мы набирали скорость, но я продолжала согревать Адрика солнечным светом.

Время будто замедлилось. Никто из нас не хотел произносить этого вслух, но я видела, что Надя с Зоей начали уставать. Мал и Хэршоу тоже вряд ли полнились энергией.

– Нам нужно приземлиться, – сказала я.

– Где мы? – поинтересовался Хэршоу. Его алый гребень завалился набок и промок от снега. Я считала его непредсказуемым, возможно, даже опасным, но вот он – окровавленный, изнеможенный и часами держащий тросы без каких-либо жалоб.

Тамара сверилась с картой.

– Чуть дальше Вечного Мороза. Если продолжим двигаться на юг, то вскоре окажемся над более населенной местностью.

- Можно попытаться найти лес для укрытия, – пропыхтела Надя.
- Мы слишком близко к Черноти, – возразил Мал.
- Хэршоу схватился поудобнее за веревки.
- А это имеет какое-то значение? Если полетим через нее днем, нас в любом случае заметят.
- Можем подняться выше, – предложила Женя.
- Надя покачала головой.
- Можем попробовать, но воздух здесь суше, и мы потратим много энергии на вертикальный вираж.
- Куда мы вообще направляемся? – спросила Зоя.
- Я ответила, не задумываясь:
- К медным шахтам в Мурине. К жар-птице.
- Последовала короткая пауза. Затем Хэршоу озвучил то, о чем думали многие из них:
- Мы могли бы сбежать. Каждый раз, когда мы сталкиваемся с теми монстрами, многие погибают. Мы можем полететь куда угодно. Керчия. Новый Зем.
- Черта с два, – пробормотал Мал.
- Это – мой дом, – сказала Зоя. – Им не удастся меня выдворить.
- А как же Адрик? – сипло поинтересовалась Надя.
- Он потерял много крови, – ответил Толя. – Я могу лишь выровнять его сердцебиение и попытаться дать ему время на восстановление.
- Ему нужен настоящий целитель.
- Если Дарклинг нас найдет, целитель ему не поможет, – возразила Зоя.
- Я устало потерла глаза и задумалась. Возможно, Адрик стабилен. А возможно, еще глубже погружается в кому, из которой уже никогда не выберется. Если мы где-нибудь приземлимся и нас заметят, это будет равносильно смертному приговору или даже чему-то похуже. Дарклинг наверняка догадывался, что мы не спустимся во Фьерде, посередине вражеской территории. Он мог подумать, что мы полетим в Западную Равку. Наверняка разошлет своих шпионов по всей округе. Будет ли он горевать по матери? Осталось ли от нее хоть что-то после приземления на скалы, что можно похоронить? Я оглянулась через плечо, не сомневаясь, что в любую минуту на нас спикируют ничегои. О Николае не думала. Не могла.
- Мы полетим в Мурин, – твердо заявила я. – С остальным разберемся на месте. Я не заставляю никого оставаться. Зоя, Надя, вы сможете доставить нас туда? – Они устали, но мне хотелось верить, что в девочках остались еще какие-то силы.
- Я точно смогу, – ответила Зоя.
- Надя бойко задрала подбородок.
- Постараюсь не отставать.
- Нас все равно могут увидеть, – забеспокоилась я. – Нужен проливной.
- Давид оторвался от перевязывания ожогов на руке.
- Что, если ты попробуешь преломить свет?
- Я нахмурилась.
- Каким образом?
- Единственная причина, по которой корабль могут увидеть, это потому, что от него отражается свет. Просто устрани блики.
- Я не совсем улавливаю ход твоих мыслей.
- Да что ты, – пробурчала Женя.
- Как камень в ручье, – объяснил Давид. – Преломи свет, чтобы он не попадал на судно. Тогда и видно ничего не будет.
- Так мы станем невидимыми? – уточнила Женя.
- Теоретически.

Она резко сняла с себя сапог и кинула его на палубу.

– Давай, пробуй.

Я окинула сапог скептическим взглядом. Не знала, с чего начинать. Это совершенно новый способ использовать мою силу.

– Просто... преломить свет?

– Что ж, – начал Давид, – возможно, тебе не помешает вспомнить, что не нужно утруждать себя показателем преломления. Просто перенаправь и синхронизируй обе составляющих света одновременно. То есть ты, конечно, можешь начать с магнитного, но это было бы глуп...

Я подняла руку.

– Давай остановимся на камне с ручьем.

Я сосредоточилась, но не призывала и не оттачивала свет, как в случае с разрезом. Вместо этого я просто подтолкнула его.

Носок сапога начал размываться, а воздух вокруг него будто заколебался.

Я подумала о свете как о воде, как ветер пролетает вокруг кожи, разделяется, а затем вновь соединяется, словно там и не лежал никакой сапог. Сложила ладони чашечкой. Сапог замерцал и исчез.

Женя радостно закричала. Я взвизгнула и вскинула руки в воздух. Сапог появился. Сжала пальцы, и он вновь пропал.

– Давид, я когда-нибудь тебе говорила, что ты гений?

– Да.

– Тогда говорю снова.

Поскольку корабль крупнее и постоянно двигался, сохранять изгиб света вокруг него было сложнее. Но, учитывая, что мне нужно было думать только о свете, отражающемся от дна корпуса, после пары попыток я наловчилась и преломляла его без напряжения.

Если бы в этот момент кто-то случайно оказался на поле и взглянул вверх, он бы, может, и заметил, что что-то не так – размытое пятно или вспышку света, – но не увидел бы крылатый корабль, мчащийся по ясному небу. По крайней мере, так мы надеялись. Это напомнило мне о том, как однажды Дарклинг шел со мной по залитому сиянием свечей бальному залу, используя силу, чтобы сделать нас практически невидимыми. Еще один трюк, который он освоил гораздо раньше меня.

Женя покопалась в провизии и нашла запасы юрды – земенского стимулятора, которым иногда пользовались солдаты на долгом дежурстве. От этого я слегка разнервничалась, чувствуя тошноту, но другого способа держаться на ногах и в тонусе не было.

Юрду нужно жевать, и скоро мы все сплевывали за борт сок ржавого цвета.

– Если от этого у меня пожелтеют зубы... – начала Зоя.

– Непременно, – перебила Женя, – но я обещаю вернуть им белизну – станут как новенькие. Могу даже поколдовать над твоими странными резцами.

– С моими зубами все в порядке.

– Конечно, – примирительно сказала Женя. – Ты самый красивый морж, которого я когда-либо видела. Меня просто удивляет, как ты еще не продырявила себе нижнюю губу.

– Руки прочь, портниха, – проворчала Зоя, – или я вырву тебе второй глаз.

К наступлению сумерек у Зои не осталось сил даже на пререкания. Они с Надей полностью сосредоточились на том, чтобы держать нас на плаву.

Периодически Давид подменял Тамару за штурвалом, чтобы та могла позаботиться о ране на ноге Мала. Хэршоу, Толя и Мал поочередно держали тросы, чтобы дать друг другу возможность размяться.

Только у шквальных не было передышек, пока они трудились под сияющим солнцем, но мы помогали, как могли. Женя подставляла Наде спину, чтобы та могла хоть ненадолго

расслабить ноги. Поскольку солнце уже село, мы не нуждались в укрытии, и большую часть времени я поддерживала руки Зои, пока она призывала ветер.

– Это глупо! – прорычала она, ее мышцы дрожали под моими ладонями.

– Хочешь, чтобы я отпустила?

– Только попробуй – я заплюю тебя соком юрды.

Меня радовала возможность чем-то заняться. На корабле было слишком тихо, и я уже чувствовала, как ко мне подступают кошмары прошедшего дня.

Миша не сдвинулся со своего места у корпуса. Он сжимал в руках деревянный меч, подаренный Малом. В моем горле появился комок, когда я поняла, что мальчик принес его с собой на террасу, когда Багра приказала отвести ее к ничегоям. Я достала галеты из запасов пищи и отнесла ему.

– Голоден?

Миша покачал головой.

– Может, все равно съешь хоть пару кусочков?

Снова отказался.

Я села рядом с ним, не зная, что сказать. Вспомнила, как сидела так с Сергеем в комнате с резервуаром, тщетно пытаясь подобрать утешительные слова. Вдруг он уже тогда планировал выдать меня и манипулировал моими эмоциями? Его страх казался совершенно искренним.

Но Миша не просто напоминал мне Сергея. Он воплощал каждого ребенка, чьи родители отправились на войну. Каждого мальчика и девочку в Керамзине. Он Багра, молящая отца о внимании. Он Дарклинг, научившийся одиночеству у юбки матери. Вот что производила Равка. Сирот. Несчастье. «Ни земли, ни жизни, только форма и пушка». Николай верил в лучшее будущее.

Я с дрожью вздохнула. Нужно закрыть свой разум. Если буду думать о Николае, то окончательно расклеюсь. Или о Багре. Или о рваных ошметках тела Сергея. Или о брошенном Стигге. Или даже о Дарклинге и выражении его лица, когда мать исчезла под облаками. Как он мог быть таким жестоким и в то же время человечным?

Ночь продолжалась, под нами мелькала погруженная в сон Равка. Я считала звезды. Наблюдала за Адриком. Дремала. Обходила экипаж, предлагая воду и пучки сушеных цветков юрды. Когда кто-то спрашивал о Николае или Багре, максимально кратко пересказывала им факты о битве.

Я молила свой разум успокоиться, пыталась превратить его в пустынное поле, белое от снега, не тронутого следами. С началом восхода заняла свое место у перил и преломила свет, чтобы спрятать корабль.

Тогда-то Адрик и пробормотал что-то во сне.

Надя резко оглянулась. «Выпь» закачалась.

– Сосредоточься! – рявкнула Зоя.

Но она улыбалась. Как и все мы, цепляясь за мельчайшие обрывки надежды.

\* \* \*

Мы летели весь следующий день и ночь. На рассвете второго утра перед нами наконец предстал Сикурзой. В полдень мы заметили глубокий зазубренный кратер, обозначавший заброшенную медную шахту, где Николай предлагал спрятать «Выпь». Посреди него находился мутный бирюзовый пруд.

Приземление вышло медленным и резким, но как только корпуса царапнули по поверхности кратера, Надя с Зоей дружно повалились на палубу. Они превзошли границы своих возможностей, и хоть их порозовевшая кожа сияла, обе девушки были полностью истощены.

Натянув веревки, экипаж умудрился скрыть «Выпь» из виду под каменным выступом. Любой, кто прыгнул бы в шахту, с легкостью бы ее нашел, но трудно представить, кто-то решит тратить время на такое занятие. Дно кратера было усыпано поржавевшей техникой. Застоявшаяся вода источала неприятный запах, и Давид сказал, что матово-бирюзовый цвет появился от минералов, выщелачиваемых из скал. Признаков скваттеров нигде не было.

Пока Мал с Хэршоу подзывали паруса, Толя спустил Адрика с «Выпи». Из культи на месте его руки сочилась кровь, но сам мальчишка был в сознании и даже сделал пару глотков воды.

Миша отказывался двигаться со своего места у корпуса. Я накинула плед ему на плечи и оставила его с галетой и куском сушеного яблока, надеясь, что он покушает.

Мы помогли Зое с Надей спуститься с корабля, перетащили спальные мешки в нишу в тени выступа и без лишних разговоров погрузились в беспокойный сон. Дозорных не ставили. Если нас и преследовали, ни у кого все равно не осталось сил на борьбу.

Закрывая глаза, я заметила, как Толя прокрадывается обратно на «Выпь», и заставила себя сесть. Через секунду он вышел с крепко завязанным пакетом. Его взгляд скользнул по Адрику, и у меня скрутило желудок от осознания, что он несет. Я позволила своим отяжелевшим векам закрыться. Не хотела знать, где Толя планировал закопать руку Адрика.

Когда я проснулась, день уже близился к вечеру. Большинство по-прежнему крепко спали. Женя закалывала рукав Адрика.

Я нашла Мала на дороге, идущей вдоль бока кратера – он нес полный мешок куропаток.

– Я подумал, что мы переночуем здесь, – сказал он, – разведем костер. А в Два Столба отправимся утром.

– Хорошо, – кивнула я, хотя мне не терпелось двинуться в путь.

Должно быть, он это почувствовал.

– Адрику не помешает отдых. Как и всем нам. Боюсь, если мы продолжим в том же духе, кто-то сломается.

Я снова кивнула. Он был прав. Все горевали, были напуганы и устали.

– Я принесу хворост.

Он коснулся моей руки.

– Алина...

– Я ненадолго.

Протиснулась мимо него. Не хотела разговаривать. Не хотела слышать слова утешения. Я хотела жар-птицу. Обратить свою боль в ярость и доставить ее к дверям Дарклинга.

Я направилась в лес, окружавший шахту. Так далеко на юге деревья были другими, более высокими и редкими, с красной рыхлой корой. Я как раз возвращалась к шахте с полной охапкой сухих веток, как вдруг меня охватило странное чувство, что за мной наблюдают. Остановилась, волосы на затылке встали дыбом.

Всмотрелась между залитых солнцем стволов. Тишина окутала меня плотным слоем, словно каждое крошечное существо в этом лесу затаило дыхание. Затем я услышала... тихое шуршание. Резко подняла голову к кронам деревьев. Мой взгляд зацепился за мимолетное движение, бесшумное хлопанье тенистых крыльев.

На ветках дерева сидел Николай, его мрачный взгляд сомкнулся на мне.

Голая грудь пестрила черными линиями, словно тьма раздробилась под кожей. Он где-то потерял обувь, босые ноги цеплялись за кору. Пальцы заканчивались черными когтями.

На его руках была засохшая кровь. И возле рта тоже.

– Николай? – прошептала я.

Он вздрогнул.

– Николай, подожди...

Но принц взмыл в воздух и, задев ветки темными крыльями, прорвался через них к ясному небу.

Мне хотелось кричать, и так я и сделала. Кинула хворост на землю, прижала кулак ко рту и кричала, пока не надорвала голос. Я не могла остановиться. Мне удалось сдержать слезы на «Выпи» и в шахте, но теперь я осела на лесную подстилку, и мои крики переросли во всхлипы – тихие и надрывные. От них тело пронзала боль, словно у меня вот-вот сломаются ребра, но с уст не сорвалось ни звука. Меня никак не покидали глупые мысли о рваных штанах Николая и о том, в какой бы он пришел ужас, если бы увидел свою одежду в таком состоянии. Он следовал за нами от самой Прялки. Мог ли он рассказать Дарклингу о нашем местонахождении? Сколько от Николая осталось в этом измученном теле?

И тут по невидимой связной нити пошла вибрация. Я отмахнулась от нее. Не хотела идти сейчас к Дарклингу. Или когда-либо еще. Но все же, где бы он ни находился, я знала, что он скорбит.

\* \* \*

Мал обнаружил меня на том же месте – со спрятанной в руках головой и зелеными иголками на пальто. Он протянул мне руку, но я ее не взяла.

– Все в порядке, – сказала я, хотя это было максимально далеко от правды.

– Уже темнеет. Не стоит тебе сидеть здесь одной.

– Я – заклинательница Солнца. Стемнеет, когда я скажу.

Мал присел передо мной и подождал, пока я встречу с ним взглядом.

– Не закрывайся от них, Алина. Им нужно скорбеть вместе с тобой.

– Мне нечего им сказать.

– Тогда просто выслушай их.

Я не могла ни утешить, ни подбодрить. Не хотела делиться своим горем. Не хотела, чтобы они видели, как я напугана. Но я заставила себя встать и стряхнуть хвойные иголки с пальто. Мал повел меня обратно к шахте.

К тому времени, как мы спустились на дно кратера, снаружи полностью стемнело, и под каменным выступом зажглись лампы.

– Долго же вы резвились в лесу. А нам что прикажете, помирать от холода?

Скрывать мое зареванное лицо было бессмысленно, поэтому я просто ответила:

– Как оказалось, мне было необходимо хорошенько выплакаться.

Я приготовилась к оскорблениям, но Зоя меня удивила.

– В следующий раз позови меня с собой. Мне тоже это не помешает.

Мал скинул собранный мною хворост в подготовленное кострище, а я сняла Накошку с плеча Хэршоу. Та тихо зашипела, но мне было плевать. Сейчас мне хотелось потискать кого-то мягкого и пушистого.

Дичь, пойманную Малом, уже освежевали и нанизали на вертел, и вскоре, несмотря на грусть и тревогу, у меня потекли слюнки от аромата жареного мяса.

Мы сидели вокруг костра, ели и передавали по кругу флягу кваса, наблюдая за игрой отсветов на корпусе «Выпи» под треск и хлопки горящих веток. Нам нужно было многое обсудить – кто пойдет в Сикурзой, кто останется в долине, хочет ли вообще кто-то остаться. Я потеряла запястье – это помогало сосредоточиться на жар-птице. Лучше думать о ней, чем о блестящих черных глазах Николая и засохшей корочке крови у его губ.

Внезапно Зоя сказала:

– Мне следовало догадаться, что Сергею нельзя доверять. Он всегда был слабаком.

Это казалось несправедливым, но я промолчала.

– Накошке он никогда не нравился, – добавил Хэршоу.

Женя подкинула ветку в костер.

– Думаете, он планировал выдать нас с самого начала?

– Я тоже об этом размышляла, – призналась я. – Мне казалось, что ему станет лучше, как только мы выберемся из Белого собора и туннелей, но его состояние только ухудшалось. Он становился все более нервным.

– На то может быть много причин, – заметила Тамара. – Обвал в пещере, атака ополченцев, храп Толи.

Тот кинул в нее камешком.

– Людям Николая стоило пристальнее наблюдать за ним, – сказал он.

Или же мне не стоило его отпускать. Может, чувство вины из-за смерти Марии затуманило мне разум. Может, теперь его притупляло горе, и впереди меня ждут новые предательства.

– Ничегои действительно... просто разорвали его? – спросила Надя.

Я покосилась на Мишу. В какой-то момент он спустился с «Выпи». Теперь он спал рядом с Малом, все еще сжимая в руках свой деревянный меч.

– Это было ужасно, – тихо произнесла я.

– А что с Николаем? – осведомилась Зоя. – Что с ним сделал Дарклинг?

– Точно не знаю.

– Можно ли это исправить?

– Тоже не знаю.

Я посмотрела на Давида.

– Возможно, – пожал плечами он. – Мне нужно будет изучить его. Это скверна. Новая территория. Жаль, что у меня нет с собой журналов Морозова.

Я чуть не рассмеялась. Все это время Давид таскался с чертовыми книгами, когда я с радостью кинула бы их в мусор. Но как только появился реальный повод заинтересоваться ими, они оказались вне доступа, брошенные в Прялке.

Поймать Николая. Посадить в клетку. Попробовать вытащить его из хватки теней. Слишком умного лиса наконец словили. Я заморгала и отвернулась. Не хотела снова плакать.

Вдруг Адрик прорычал:

– Я рад, что Сергей мертв. Жаль только, что мне не досталась честь свернуть ему шею.

– Для этого нужны обе руки, – заметила Зоя.

Последовала короткая напряженная пауза, после которой Адрик насупился.

– Ладно, тогда *заколоть* его.

Зоя улыбнулась и передала ему флягу. Надя просто покачала головой. Порой я забывала, что они все солдаты. Я не сомневалась, что Адрик будет оплакивать потерю руки. Кто знает, как это повлияет на его способность призывать ветер. Но я помнила, как он стоял передо мной в Малом дворце и требовал оставить его, чтобы сражаться вместе со всеми. Он сильнее, чем я когда-либо буду.

В голове всплыл Боткин, мой бывший учитель, который заставлял меня пробежать еще одну милю, отразить еще один удар. Я помнила его слова, произнесенные так давно: «Сталь нужно заслужить». В Адрике была сталь, как и в Наде. Она снова это доказала во время полета из Эльбьена. Часть меня гадала, что в ней нашла Тамара. Но Надя участвовала в самых страшных битвах при Малом дворце. Потеряла лучшую подругу и полностью изменила свою жизнь. И все же она не расклеилась, как Сергей, и не закопалась под землю, как Максим. Несмотря ни на что, Надя всегда оставалась несокрушимой.

Когда Адрик вернул флягу, Зоя сделала большой глоток.

– Знаете, что Багра сказала мне на нашем первом занятии? – она понизила голос, чтобы симитировать гортанную хрипотцу Багры: – Милая мордашка. Жаль, что у тебя каша вместо мозгов.

Хэршоу фыркнул.

– Во время одного занятия я поджег ее хижину.

– Ну, еще бы, – ухмыльнулась Зоя.

– Это вышло случайно! После этого она отказалась меня учить. Даже не разговаривала со мной. Как-то раз я встретил ее у озера, а она просто прошла мимо. Не проронив ни слова, стукнула меня по колену своей тростью. У меня до сих пор кость выпирает. – Он задрал штанину, и действительно, под его кожей виднелась шишка.

– Это все пустяки, – щеки Нади зарделись, когда все обратили на нее внимание. – У меня был долгий период, когда я не могла заклинять. Она заперла меня в комнате и впустила в нее пчелиный рой.

– Что?! – взвизгнула я. Но меня шокировали не только пчелы. Я месяцами пыталась призвать свет в Малом дворце, и Багра ни разу не упоминала, что у других гришей тоже такое бывало.

– И что ты сделала? – недоверчиво поинтересовалась Тамара.

– Мне удалось призвать поток ветра и отправить их вверх по дымоходу, но меня успели столько раз ужалить, что я выглядела так, будто у меня огненная оспа.

– Я еще никогда так не радовался, что я не гриш, – покачал головой Мал.

Зоя подняла флагу.

– Давайте послушаем этого одинокого отказника!

– Багра меня ненавидела, – тихо произнес Давид.

Зоя отмахнулась.

– А кого нет?

– Нет, меня она действительно ненавидела. Когда-то она обучала меня вместе со всеми фабрикаторами моего возраста, но затем отказалась меня видеть. Я часто оставался в мастерской, пока все остальные шли к ней на урок.

– Почему? – спросил Хэршоу, почесывая Накошке шею.

Давид пожал плечами.

– Без понятия.

– А я знаю почему, – вставила Женя. Мне стало интересно, правда ли это. – Животный магнетизм, – продолжила она. – Если бы она провела с тобой еще хоть минуту в той хижине, то сорвала бы с тебя всю одежду.

Давид призадумался.

– Это кажется маловероятным.

– Невозможным, – одновременно сказали мы с Малом.

– Ну, не прямо *невозможным*, – он выглядел слегка оскорбленным.

Женя рассмеялась и жадно поцеловала его в губы.

Я подобрала ветку и разворошила угли, взметая вверх искры. У меня были подозрения, почему Багра отказалась обучать Давида. Он слишком напоминал ей Морозова, настолько одержимого знаниями, что он не замечал страданий собственного ребенка и пренебрегал женой. И действительно, Давид изобрел люмию просто «потехи ради», по сути вручив Дарклингу средство, чтобы попасть в Каньон. Но Давид не такой, как Морозов. Он был с Женей, когда она в нем нуждалась. Он не боец, но все равно нашел способ, как за нее бороться.

Я окинула взглядом нашу странную, потрепанную группку, однорукого Адрика, смотрящего влюбленными глазами на Зою; Хэршоу с Толей, наблюдающих, как Мал чертит наш маршрут в пыли. Шрамы Жени натянулись, когда она улыбнулась, слушая яростно жестикулирующего Давида, пока тот пытался объяснить свою идею о медной руке Наде, а та его полностью игнорировала, водя пальцами по темным выющимся прядям Тамары.

Никто из них не был простым или легким в общении. Они, как и я, лелеяли свои обиды и скрытые раны. Каждый сломлен по-своему. Мы не идеальная команда. Наши края настолько

острые, что иногда мы режемся друг об друга, но, свернувшись на боку, чувствуя теплоту костра за спиной, я ощутила столь мощный прилив благодарности, что у меня заныло сердце. А с ней пришел и страх. Близость с ними – роскошь, за которую придется платить. Теперь мне есть что терять.

## Глава 13

В конце концов остались все. Даже Зоя, хоть ее поток жалоб не прекращался до самих Двух Столбов.

Мы договорились разделить на две группы. Тамара, Надя и Адрик пойдут с Давидом, Женей и Мишей. Их обеспечат жильем в одном из поселений на юго-восточном краю долины. Жене придется спрятать лицо, но она не возражала. Девушка обвязала голову платком и заявила: «Я буду женщиной-загадкой!» Я ей напомнила, что не стоит быть *слишком* интригующей.

Мы с Малом отправимся в Сикурзой вместе с Зоей, Хэршоу и Толей. Поскольку Два Столба находились близко к границе, скорее всего, нам придется столкнуться с большим количеством военных, но мы надеялись смешаться с беженцами, которые пытались перебраться через Сикурзой до начала первого снега.

Если не спустимся с гор через две недели, Тамара встретится с людьми, которых Апат пошлет в Карьев. Мне не нравилось отпускать их с Надей одних, но мы с Малом не могли позволить себе еще больше разделять нашу группу. Шуханские налетчики славились тем, что нападали на равкианских путников неподалеку от границы, и мы хотели подготовиться к любым неприятностям. По крайней мере, Тамара знала солнечных солдат, и я утешалась тем, что они с Надей опытные бойцы.

Я также не знала, что делать с солдатами, которые все же придут, но письмо уже отправлено – оставалось верить, что мы что-то да придумаем. Может, к тому времени у меня будет жар-птица и наброски плана. Так далеко вперед забегать не хотелось. Каждый раз, когда я пыталась об этом думать, меня охватывала паника. Как если бы я снова оказалась под землей, без кислорода, и ждала, когда мир обрушится вокруг меня.

Наша команда отчаливала на рассвете, пока остальные спали в тени выступа. Только Миша проснулся и наблюдал за нами с обвинением в глазах, кидая в «Выпь» галькой.

– Иди сюда, – подозвал его рукой Мал. Я подумала, что мальчик и ухом не поведет, но затем он поплелся к нам, насупленно выпятив подбородок. – У тебя осталась брошь, которую подарила Алина?

Миша кивнул.

– Ты же знаешь, что она значит, верно? Ты солдат. Солдаты не ходят, куда пожелают. Они идут туда, где в них нуждаются.

– Вы просто не хотите брать меня с собой.

– Нет, нам нужно, чтобы ты позаботился об остальных. Ты же сам знаешь, что Давид надежен, а Адрику нужна помощь, даже если он не хочет этого признавать. Но с ним придется быть осторожным, помогать так, чтобы он этого не понял. Ты справишься?

Миша пожал плечами.

– Нам нужно, чтобы ты заботился о них, как о Багре.

– Но я о ней не заботился.

– А вот и нет. Ты приглядывал за ней, обеспечивал ей комфорт и отпустил ее, когда это было необходимо. Ты сделал, что нужно, даже несмотря на то, что это приносило боль. Так поступают солдаты.

Миша пристально на него посмотрел, будто обдумывая его слова.

– Мне стоило остановить ее, – у него надломился голос.

– Тогда никого из нас бы здесь не было. Мы благодарны, что ты принял это тяжелое решение.

Миша нахмурился.

– По правде, Давид *действительно* несамостоятельный.

- Верно, – кивнул Мал. – Так мы можем тебе довериться?  
Мальчик отвернулся. Его лицо оставалось обеспокоенным, но он вновь пожал плечами.
- Спасибо, – сказал Мал. – Можешь начать с того, что поставишь воду кипятиться для завтрака.
- Миша кивнул и побежал по гравию к воде.
- Мал встал и, глянув на меня, надел рюкзак.
- Что?
- Ничего. Просто... хорошая работа.
- Точно так же Ана Куя заставила меня перестать оставлять зажженную лампу на ночь.
- Серьезно?
- Ага, – он начал взбираться наверх. – Сказала, что я должен быть храбрым ради тебя, а если буду бояться, то и ты испугаешься.
- Ну, мне она сказала есть пастернак, чтобы подать тебе хороший пример, но я все равно отказалась это делать.
- А ты удивлялась, почему нас постоянно пороли.
- У меня есть принципы.
- Что значит «если я могу капризничать, то буду капризничать».
- Несправедливо.
- Эй! – крикнула Зоя, стоя на краю кратера. – Если вы не подниметесь до того, как я досчитаю до десяти, я опять лягу спать, и вам придется нести меня в Два Столба.
- Мал, – вздохнула я. – Ты будешь меня винить, если я убью ее в Сикурзое?
- Да. – Затем добавил: – Что значит «Давай подстроим все как несчастный случай».

\* \* \*

Два Столба застали меня врасплох. Я почему-то думала, что маленькая долина будет выглядеть как кладбище, мрачное скопление домов-призраков и заброшенных мест. Вместо этого поселения кипели жизнью. Долина была усеяна сторевшими хижинами и пустыми полями из пепла, но прямо рядом с ними построили новые дома и фермы.

Там были и таверны, и гостиницы, и мастерские по ремонту часов, и что-то напоминающее лавочку, в которой можно было взять почитать книгу на неделю. Все казалось удивительно непостоянным. Разбитые окна просто заколотили дощечками. У многих домов были брезентовые крыши и дыры в стенах, которые прикрыли шерстяными одеялами или ткаными матами. «Кто знает, как долго мы здесь пробудем? – словно говорили они. – Давайте довольствоваться тем, что имеем».

Было ли так всегда? Поселения непрерывно уничтожались и перестраивались под управлением Шухана или Равки, в зависимости от того, как возвели границы под конец очередной войны. Вот как жили мои родители? Было странно представлять их такими, но подобная мысль мне не претила. Они могли быть солдатами или торговцами. Возможно, они жили здесь счастливо. И, быть может, один из них таил в себе силу, наследие младшей дочери Морозова. О заклинательницах Солнца ходили легенды и до моего появления. Большинство людей считали их выдумкой или пустой болтовней, принятием желаемого за действительное, порожденным страданиями из-за Каньона. Но в этих сказках могла крыться и правда. Или же я цеплялась за некую мечту о наследии, на которое не могла по-настоящему претендовать.

Мы прошли через рыночную площадь, заполненную людьми, их товары выставлялись на импровизированных столиках: оловянные кастрюли, охотничьи ножики, шубы для похода в горы. Мы увидели банки с гусиным жиром, гроздья сушеного инжира, хорошие седла и дрянные на вид пистолеты. Над одним из лотков висели свежеошпианные утки с розовой кожей в

складочках. Мал спрятал лук и магазинную винтовку в рюкзаке. Оружие было слишком качественным, чтобы не привлечь внимания.

В грязи игрались дети. Приземистый мужчина в жилетке коптил какое-то мясо в крупном металлическом барабане. Я наблюдала, как он подкидывает внутрь ветку можжевельника, и вверх поднимается ароматное голубоватое облачко дыма. Зоя сморщила нос, а Толя с Хэршоу начали наперегонки доставать монеты.

Здесь наши с Малом семьи встретили свою смерть. По какой-то причине местная дикая, жизнерадостная атмосфера казалась почти несправедливой. И определенно не соответствовала моему настроению.

Я почувствовала облегчение, когда Мал сказал:

– Я думал, здесь будет более мрачно.

– Ты видел, какое у них маленькое кладбище? – спросила я себе под нос. Он кивнул. В основном кладбища Равки превышали по размеру сами города, но когда шуханцы сожгли эти поселения, никого не осталось, чтобы оплакивать погибших.

Хоть мы хорошо экипировались благодаря запасам Прялки, Мал все равно хотел купить карту, нарисованную местными. Нам нужно было знать, какие пути могли быть перекрыты оползнями, и где мосты смыло потоком воды.

На низком разрисованном табурете сидела женщина со светлыми косичками, выглядывающими из-под оранжевой шерстяной шапки, и тихо напевала себе под нос, ударяя по колокольчику, чтобы привлечь прохожих. Она не стала утруждать себя поисками стола и выложила все товары на ковре – фляги, седельные сумки, карты и кучку металлических молитвенных колец, – постелив тот прямо на земле. Позади нее стоял мул, его ушки дергались от мух, и время от времени женщина тянулась назад и гладила его по носу.

– Скоро пойдет снег, – сказала она, прищуренно глядя в небо, пока мы рассматривали карты. – Вам нужны пледы для путешествия?

– У нас все есть, – ответила я. – Но спасибо.

– Многие сейчас переходят через границу.

– Но не вы?

– Я слишком старая для этого. Шуханцы, фьерданцы, Каньон... – она пожала плечами. – Сиди смиренно, и беда пройдет мимо.

«Или врежется прямо в тебя, а потом вернется за добавкой», – мрачно подумала я.

Мал поднял одну из карт.

– Я не вижу восточных гор, только западные.

– Лучше идти на запад, – сказала она. – Вы направляетесь к побережью?

– Да, – с легкостью соврал Мал, – а затем в Новый Зем. Но...

– Придерживайтесь запада. Большинство людей не возвращаются с востока.

– *Жу вэх*, – сказал Толя. – *Эй йе бат э'юань*.

Женщина ответила, и они оба присмотрелись к карте, общаясь на шуханском, пока мы терпеливо ждали в сторонке.

Наконец Толя вручил Малу другую карту.

– Восток, – сказал он.

Женщина ткнула колокольчиком в Толю и спросила меня:

– Чем вы собираетесь кормить его в горах? Смотри, как бы он не насадил *тебя* на вертел.

Толя нахмурился, но женщина залилась таким смехом, что чуть не упала с табурета.

Мал подкинул еще несколько молитвенных колец к картам и отдал ей деньги.

– Мой брат тоже отправился в Новый Зем, – сказала женщина, все еще хихикая, и вернула Малу сдачу. – Наверное, разбогател там. Это подходящее место, чтобы начать новую жизнь.

Зоя фыркнула.

– В сравнении с чем?

- Там и вправду не так уж плохо, – возразил Толя.
- Грязь и еще больше грязи.
- Там есть *города*, – проворчал шуханец, когда мы начали отходить.
- Что эта женщина сказала о восточных горах? – поинтересовалась я.
- Они священные, – ответил Толя, – и, судя по всему, охраняются мистическими существами. Она утверждает, что Церу-Хуо стерегут призраки.
- По моей спине пробежали мурашки.
- Что значит Цера-Хуо?
- Золотые глаза Толи заблестели.
- Огнепады.

\* \* \*

Я даже не замечала руин, пока мы не оказались прямо под ними. Вот насколько они неказистые – два обветренных, потрепанных каменных шпиля, стоящих по бокам от дороги на юго-востоке долины. Когда-то они могли быть аркой. Или акведуком. Или двумя мельницами, как указывало их второе название. Или же просто двумя остроконечными каменными глыбами. Что я ожидала увидеть? Илью Морозова у обочины, с золотым ореолом и табличкой, на которой написано: «Ты была права, Алина. К жар-птице – туда»?

Но их угол наклона казался подходящим. Я так часто изучала иллюстрацию Санкт-Ильи в цепях, что она отпечаталась в моей памяти. Вид на Сикурзой позади совпадал с моим воспоминанием о рисунке. Может, Морозов сам его нарисовал? Был ли он автором карты, оставленной в этой иллюстрации, или кто-то другой сложил кусочки его истории? Возможно, мне никогда этого не узнать.

«Это то самое место, – твердила я себе. – Иначе и быть не может».

– Узнаешь что-нибудь? – спросила я Мала.

Он покачал головой.

– Наверное, я надеялся... – юноша пожал плечами. Дальше говорить и не требовалось. Я лелеяла в своем сердце ту же надежду – что, оказавшись на дороге, в этой долине, в голове внезапно всплывут обрывки моего прошлого. Но со мной оставались все те же изношенные воспоминания: блюдо со свеклой, чьи-то широкие плечи, раскачивающиеся бычьи хвосты впереди.

Мы повстречали нескольких беженцев – женщину с младенцем у груди, едущую на тележке с пони, пока ее муж шел рядом; группу людей нашего возраста, которые, как я предположила, дезертировали из Первой армии. Но дорога под руинами была пустой. Самое популярное место для пересечения границы с Шуханом находилось дальше на западе, где горы были не такими крутыми, а дорога к побережью – более ровной.

Внезапно я восхитилась красотой Сикурзои. Единственные горы, которые мне довелось повидать, это ледяные пики на севере и в Петразое – острые, серые и неприступные. Эти же были плавными, перекатывающимися, их округлые склоны поросли высокой травой, долины между ними пересекались медленно текущими реками, которые вспыхивали синим и золотым в свете солнца. Даже небо тут казалось приветливым, прерия бесконечной голубизны, густо усеянная белыми облаками на горизонте. Вдалеке виднелись заснеженные верхушки южного хребта.

Я знала, что это нейтральная местность, опасная граница, обозначающая конец Равки и начало вражеской территории, но выглядело все совсем иначе. Тут было достаточно воды и лужаек для выпаса. Не случись войны, если бы границу провели как-то иначе, это было бы мирное место.

Мы не разводили костер и спали под открытым небом, расстелив мешки под россыпью звезд. Я прислушивалась к вздохам ветра в траве и думала о Николае. Что, если он где-то там, выслеживает нас, как мы выслеживаем жар-птицу? Признает ли он друзей? Или та часть него уже полностью утеряна? Наступит ли день, когда мы станем для него просто дичью? Я всматривалась в небо, ожидая увидеть крылатый силуэт, закрывающий собой звезды. Сон никак не приходил.

На следующий день мы сошли с главной дороги и начали активно подниматься вверх. Мал повел нас на восток, к Цере-Хуо, следуя тропе, которая то появлялась, то исчезала, извиваясь между горами. Бури являлись без предупреждения, обильные дожди превращали почву под нашими ногами в вязкую грязь, а затем прекращались так же внезапно, как начинались.

Толя беспокоился о наводнениях, поэтому мы полностью сошли с тропы и поднялись еще выше, проводя остаток дня на узкой площадке скалистого хребта, с которого было видно, как тучи гонятся друг за другом над низкими холмами и долинами, сверкая молниями в своих темных недрах.

Дни тянулись медленно и однообразно. Я остро осознавала, что каждый шаг вглубь Шухана был шагом, который нам придется пройти назад по дороге в Равку. Что мы обнаружим, когда вернемся? Нападет ли к тому времени Дарклинг на Западную Равку? И если мы все же найдем жар-птицу, и три усилителя наконец воссоединятся, хватит ли мне могущества, чтобы сразиться с ним? По большей части я думала о Морозове и гадала, шел ли он однажды той же дорогой, видел ли те же горы. Управляла ли им жажда закончить начатое, как теперь мной руководило отчаяние, заставляя переставлять одну ногу за другой, сделать еще один шажок, пересечь еще одну реку, взобраться на еще один холм?

В ту ночь температура настолько понизилась, что нам пришлось расставлять палатки. Зоя почему-то считала, что нашу палатку должна ставить именно я, хотя спать в ней должны были мы обе. Я как раз ругала последними словами кучку брезента, когда на меня шикнул Мал.

– Там кто-то есть, – прошептал он.

Мы находились посреди просторного ковыльного поля, тянувшегося между двумя низкими холмами. Я всмотрелась во мглу, но ничего не увидела, поэтому подняла руки и вопросительно глянула на Мала.

Тот покачал головой и тихо сказал:

– Только в самом крайнем случае.

Я кивнула. Не хотела повторения ситуации с ополченцами.

Мал поднял винтовку и подал сигнал. Толя достал меч, и мы все встали спина к спине.

– Хэршоу, – позвала я.

Тот чиркнул кремнем. Вышел вперед и развел руки. В небо с ревом поднялся столб пламени. Затем Хэршоу обвел им сияющий круг с нами по центру, освещая лица мужчин, которые прятались в поле. Их было пятеро или шестеро, золотоглазые и одетые в дубленки из овчины. Я увидела натянутые тетивы, огонь блеснул как минимум на одном стволе ружья.

– Сейчас, – приказала я.

Зоя и Хэршоу двигались в тандеме, размахивая руками широкой дугой. Пламя вспыхнуло на траве, как живое существо, порожденное их совместными стараниями.

Мужчины закричали. Огонь облизывал их голодными языками. Я услышала выстрел, после чего воры развернулись и побежали. Хэршоу и Зоя послали пламя по полю им вслед.

– Они могут вернуться, – предупредил Толя. – Привести подкрепление. В Кобе хорошо платят за гришей. – Этот город находился к югу от границы.

Я впервые подумала о том, каково должно быть Толе с Тамарой, ведь они никогда не смогут вернуться на родину своего отца – чужаки как здесь, так и в Равке.

Зоя вздрогнула.

– Во Фьерде ничуть не лучше. Там живут охотники на ведьм, которые не едят мясо, не носят кожаную обувь и не осмеливаются убить даже паука в своем доме, но при этом готовы спалить гришей заживо на костре.

– На их фоне шуханские доктора кажутся не такими уж и плохими, – заметил Хэршоу. Он все еще игрался с огнем, вырисовывая им петли и витиеватые узоры. – По крайней мере, они моют свои инструменты. На Блуждающем острове кровь гришей считается панацеей – от импотенции, чумы, чего угодно. Когда у брата проявилась сила, ему перерезали горло, а затем повесили вверх ногами, чтобы он истек ею, как свинья на бойне.

– Ради всех святых, Хэршоу... – ахнула Зоя.

– Я сжег дотла ту деревню и всех, кто в ней жил. А затем сел в лодку и никогда не оглядывался.

Мне вспомнилась старая мечта Дарклинга, что однажды мы сможем стать равкианцами, а не просто гришами. Он пытался обеспечить нас безопасным местом, возможно, единственным в мире. «Я понимаю твоё желание быть свободной».

Поэтому Хэршоу продолжал бороться? Поэтому решил остаться? Должно быть, когда-то он разделял мечту Дарклинга. Вверил ли он ее мне?

– Сегодня мы поставим дозорных, – сказал Мал, – а утром пойдем дальше на восток.

На восток, к Цере-Хуо, где обитали привидения. Но мы и так путешествовали с собственными призраками.

\* \* \*

Следующим утром от воров не осталось никаких следов, помимо причудливо выжженного поля.

Мал повел нас глубже в горы. На раннем этапе путешествия мы видели завитки дыма от чьего-то костра или силуэт хижины на склоне холма. Теперь же мы остались одни, с одними лишь ящерками в качестве компании, загорающими на камнях, а еще – стадом лосей, пасущимся на дальнем лугу.

Если по пути и встречались какие-то признаки жар-птицы, для меня они оставались невидимыми, но я видела напряжение на лице Мала, его глубокую решимость. Я уже видела ее, когда мы охотились на оленя, а затем в водах Костяной тропы.

По словам Толи, на каждой карте Цера-Хуо отмечалась по-разному, и мы никак не могли знать наверняка, что именно там обнаружится жар-птица. Но это дало Малу направление, и теперь он двигался в своем неуклонном, обнадеживающем стиле, словно все в этом диком мире ему уже знакомо, и он знал все его секреты. Остальные же отнеслись к этому как к игре – угадай, какой дорогой он поведет нас дальше.

– Что ты видишь? – раздраженно спросил Хэршоу, когда Мал свернул с прямой тропинки.

Тот пожал плечами.

– Скорее, вопрос в том, чего я не вижу, – он указал на стаю гусей, летящих на юг острым клином. – Я сужу по тому, как летят птицы, как животные прячутся в подлеске.

Хэршоу почесал Накошку за ухом и громко прошептал:

– А говорят, что я сумасшедший.

По прошествии стольких дней я начала терять терпение. Мы проводили слишком много времени в пути, предаваясь собственным мыслям, а в мои мысли забредать небезопасно. Прошлое кишело ужасами, а от будущего нарастала паника и перехватывало дыхание.

Однажды моя сила казалась чудом, но каждый бой с Дарклингом напоминал о границах моих возможностей. «Тут и сражаться нечего». Несмотря на количество смертей, которым я стала свидетелем, несмотря на мое отчаяние, я ни на йоту не приблизилась к пониманию и

овладению скверной. В какой-то момент меня возмутило спокойствие Мала, его уверенный шаг.

– Думаешь, она там? – спросила я одним вечером, когда мы спрятались в густом скоплении сосен, чтобы переждать бурю.

– Трудно сказать. С тем же успехом я могу охотиться на крупного ястреба. В основном я прислушиваюсь к своей интуиции, а это всегда заставляет меня нервничать.

– Непохоже, что ты нервничаешь. Я бы даже сказала, что ты абсолютно расслаблен, – в моем голосе прорезались нотки раздражения.

Мал покосился на меня.

– Так бывает, когда никто не грозит тебя искромсать.

Я промолчала. Мысль о ноже Дарклинга чуть ли не утешала – простой страх, конкретный, терпимый.

Он прищуренно посмотрел на дождь.

– Меня утешает еще кое-что... то, что Дарклинг сказал в часовне. Он считал, что нуждается во мне, чтобы найти жар-птицу. Как бы мне ни претило это признавать, именно поэтому я знаю, что способен это сделать – потому что он был так уверен.

Я его понимала. Вера Дарклинга в меня опьяняла. Мне не хватало той же уверенности, понимания, что мы со всем разберемся, что кто-то полностью владеет ситуацией. Сергей побежал к Дарклингу в поисках этого же обнадеживающего ощущения. «Я просто хочу снова почувствовать себя в безопасности».

– Когда придет время, ты сможешь убить жар-птицу? – спросил Мал.

Да. Хватит с меня сомнений. Дело не только в том, что у нас нет других вариантов или что мы так много возлагали на могущество третьего усилителя. Я просто стала достаточно безжалостной и эгоистичной, чтобы забрать жизнь у другого существа. Но я скучала по девочке, которая проявила милосердие к оленю, которой хватало сил отвернуться от зова власти, которая верила во что-то большее. Очередная жертва этой войны.

– Она до сих пор кажется нереальной, – сказала я. – Но даже если жар-птица существует, ее может быть недостаточно. У Дарклинга есть своя армия. Союзники. А у нас... Группка отщепенцев? Татуированных фанатиков? Даже если учесть мощь всех усилителей, силы неравны.

– Вот спасибо! – кисло произнесла Зоя.

– Но она права, – заметил Хэршоу, прислонившись к дереву. Накошка сидела у него на плече, пока он подкидывал маленькие огоньки в воздух. – Я вряд ли смогу составить должную конкуренцию.

– Я не это имела в виду, – возразила я.

– Этого будет достаточно, – твердо заявил Мал. – Мы найдем жар-птицу. Ты сразишься с Дарклином. И мы победим.

– А что потом? – на меня вновь начала давить паника. – Даже если мы одолеем Дарклинга и я уничтожу Каньон, Равка будет уязвима.

У нас не было ни наследника Ланцовых. Ни Дарклинга. Только тощая сиротка из Керамзина со случайным войском, которое удастся собрать из выживших гришей и остатков Первой армии.

– Есть еще Апат, – напомнил Толя. – Может, священнику и нельзя доверять, но твоим последователям – можно.

– И Давид полагал, что сможет исцелить Николая, – вставила Зоя.

Я повернулась к ней с нарастающим гневом.

– Думаешь, фьерданцы станут ждать, пока мы найдем лечение? А шуханцы?

– Тогда заключим новый альянс, – предложил Мал.

– Продадим мою силу по наивысшей цене?

– Для этого существуют переговоры. Ты выступишь собственными условиями.

– Обсужу брачный контракт, выберу фьерданского аристократа или шуханского генерала? В надежде, что новый муж не убьет меня во сне?

– Алина...

– А куда пойдешь ты?

– Я останусь с тобой так долго, как ты того захочешь.

– Благородный Мал. Будешь стоять ночью на страже у моей спальни?

Я знала, что это несправедливо, но на тот момент мне было все равно.

Он сжал челюсть.

– Я сделаю все, что потребуется, чтобы обеспечить твою безопасность.

– Склонишь голову. Будешь выполнять свой долг.

– Да.

– Правой, левой. Вперед, к жар-птице. Продолжай шагать, как хороший солдатик.

– Все верно, Алина. Я солдат. – Я подумала, что он наконец сломается и ввяжется в желанную, необходимую ссору. Вместо этого Мал встал и стряхнул капли с пальто. – И я продолжу шагать, поскольку жар-птица – единственное, что я могу тебе дать. Ни денег. Ни армии. Ни крепости на вершине горы, – надел рюкзак. – Это все, что я могу предложить. Все тот же старый фокус.

Мал вышел под дождь. Я даже не знала, чего хотела больше: побежать за ним и извиниться или толкнуть его в грязь.

Зоя дернула элегантным плечиком.

– Я бы предпочла изумруд.

Я уставилась на нее, затем помотала головой и испустила нечто среднее между смешком и вздохом. Мой гнев утихомирился, бросив меня в одиночестве – жалкую и смущенную. Мал этого не заслуживал. Никто из них.

– Простите, – пробормотала я.

– Может, ты проголодалась? – спросила Зоя. – Я всегда злюсь, когда голодна.

– То есть ты всегда голодна? – полюбопытствовал Хэршоу.

– Ты еще не видел меня злой. А когда увидишь, тебе понадобится очень большой платок.

Он фыркнул.

– Чтобы вытирать слезки?

– Чтобы остановить кровотечение.

На сей раз я искренне рассмеялась. По какой-то причине небольшая доза яда Зои оказалась именно тем, что доктор прописал. Затем, несмотря на доводы рассудка, я задала вопрос, который не давал мне покоя почти год.

– Тогда, в Крибирске, вы с Малом...

– Было дело.

Я это знала, как и то, что до нее было много других девушек, но ее подтверждение все равно ранило. Зоя глянула на меня, ее длинные смольные ресницы заблестели от капель дождя.

– Но с тех пор – ни разу, – неохотно призналась она, – хотя попыток было предостаточно. Если парень может мне отказать, это уже что-то да значит.

Я закатила глаза. Зоя ткнула меня в руку длинным пальцем.

– Он ни с кем больше не встречался, дурында. Знаешь, как называли его девушки в Белом соборе? *Безнако*.

Безнадежный случай.

– Забавно, – задумчиво произнесла она. – Я понимаю, почему Дарклинг или Николай хотят твою силу. Но Мал смотрит на тебя так, будто... ну, будто ты – это я.

– А вот и нет, – встрял Толя. – Он смотрит на нее, как Хэршоу – на огонь. Будто ему всегда будет мало. Будто он пытается насытиться тем, чем может, прежде чем она уйдет.

Мы с Зоей уставились на него. Затем она нахмурилась.

– Знаешь, если бы ты применил свою поэзию ко мне, я бы подумала о том, чтобы дать тебе шанс.

– Кто сказал, что я этого хочу?

– Я хочу! – выкрикнул Хэршоу.

Зоя сдула влажную прядь со лба.

– У Накошки и то больше шансов, чем у тебя.

Хэршоу поднял маленькую кошку над головой.

– Вот Накошка! – пожурил он. – Ну негодяйка!

\* \* \*

Чем ближе мы подходили к местности, где, по слухам, находилась Цера-Хуо, тем больше ускорялся наш темп. Мал стал даже более тихим, взгляд его голубых глаз неустанно пробегался по холмам. Я задолжала ему извинения, но никак не находила подходящего момента, чтобы поговорить.

Почти через неделю нашего путешествия мы наткнулись на нечто, что, как все предположили, было пересохшим ручьем, бегущим между двумя крутыми каменными склонами. Наша группка следовала за ним где-то минут десять, как вдруг Мал присел и провел рукой по траве.

– Хэршоу, – позвал он, – можешь сжечь часть этих зарослей?

Инfern ударил по кремню и укрыл русло ручья волной синего пламени, открывая вид на череду камней, которые выглядели слишком симметрично, чтобы считаться природным явлением.

– Это дорога! – удивленно воскликнул он.

– Здесь? – спросила я. Нам на протяжении долгих миль не встречалось ничего, кроме гор.

Мы оставались на чеку, надеясь найти признаки того, чем это могло быть раньше – выгравированные символы или же маленькие алтари, как те, что вырезали на скалах неподалеку от Двух Столбов. Нам очень хотелось увидеть хоть какое-то доказательство, что мы на правильном пути. Но, похоже, единственный урок, который могли преподать камни, это то, что города возводятся и падают, а потом забываются. «Ты живешь одним мгновением. Я живу тысячу». Возможно, я доживу до того дня, когда Ос Альта превратится в щебень. Или же использую силу против себя и покончу со всем гораздо раньше. Какой будет моя жизнь, когда все дорогие мне люди умрут? Когда не останется никаких загадок?

Мы пошли по дороге к ее внезапному окончанию под куском обвалившейся скалы, покрытой травой и желтыми полевыми цветами. Дружно взобрались на него, и когда я дошла до вершины, кровь у меня застыла в жилах.

Казалось, будто ландшафт лишили всех цветов. Трава на поле перед нами была серой. Вдоль горизонта тянулся черный хребет, покрытый деревьями, их кора гладкая и глянцевая, как отшлифованная доска, угловатые ветки выглядели голыми без листьев. Но больше всего наводило жути то, как они росли – идеальными, симметричными рядами, находящимися на равном расстоянии, словно их посадили с бесконечной заботой.

– Выглядит как-то неправильно, – заметил Хэршоу.

– Это деревья-солдаты, – сказал Мал. – Так они и растут, будто придерживаются строя.

– Дело не только в этом, – помотал головой Толя. – Это ясени. Врата в Церу-Хуо.

Мал достал карту.

– Я их не вижу.

– Это легенда. Здесь случилось массовое убийство.

– Битва? – предположила я.

– Нет. Враги привезли сюда шуханский батальон. Они были военнопленными.

– Какие враги? – спросил Хэршоу.

Толя пожал плечами.

– Равкианцы, фьерданцы, может, другие шуханцы. Это было давно.

– Что с ними случилось?

– Их морили голодом, и когда он стал слишком велик, они накинудись друг на друга.

В легенде сказано, что последний выживший мужчина посадил дерево для каждого из своих падших братьев. Теперь они ждут, пока путники пройдут достаточно близко к их веткам, чтобы отведачь свое последнее блюдо.

– Миленко, – проворчала Зоя. – Напомни мне никогда не просить тебя рассказать сказку перед сном.

– Это просто миф, – сказал Мал. – Я видел такие же деревья рядом с Балакиревым.

– И росли они так же? – вздернул бровь Хэршоу.

– Не... совсем.

Я всмотрелась в тени в роще. Деревья действительно походили на наступающий полк солдат. Я слышала похожие истории о лесе в Дувe, что во время затянувшихся зим деревья похищали девушек и съедали их. «Суеверия», – убеждала я себя, но сделать еще один шаг к тому склону не решалась.

– Смотрите! – воскликнул Хэршоу.

Я проследила за его взглядом. Там, среди густых теней деревьев, двигалось что-то белое – трепещущий силуэт, который поднимался и опускался, скользя между ветками.

– Вон еще один! – ахнула я, указывая на мерцающий белый вихрь, исчезнувший через секунду.

– Не может быть, – прошептал Мал.

Между деревьями появился еще один силуэт, а потом еще один.

– Мне это не нравится, – покачал головой Хэршоу. – *Совсем* не нравится.

– О, ради всех святых! – процедила Зоя. – Вы точно крестьяне.

Она подняла руки, и по горе пронесся сильный порыв ветра. Белые силуэты будто бы отпрыгнули. Потом Зоя согнула руки, и они понеслись на нас стонущим белым облаком.

– Зоя...

– Расслабьтесь, – сказала она.

Я вскинула руки, чтобы защититься от любой жуткой силы, которую навлекла на нас Зоя. Облачко взорвалось. А затем осыпалось безобидными хлопьями на землю вокруг нас.

– Пепел? – я подставила под них ладонь. Хлопья были тонкими и белыми, цвета мела.

– Это просто какое-то погодное явление, – сказала Зоя, поднимая пепел медленными спиралями. Мы вновь посмотрели на склон. Белые облака продолжали двигаться рывками, но теперь, когда мы знали, что это такое, они выглядели менее пугающими. – Ты же не думала, что это призраки, правда?

Я покраснела, а Толя прочистил горло. Зоя закатила глаза и пошла к холму.

– Меня окружают идиоты.

– Они выглядели зловеще, – Мал пожал плечами.

– И до сих пор выглядят, – пробурчала я.

Всю дорогу наверх в нас дули странные порывы ветра, горячие, а затем холодные. Что бы ни говорила там Зоя, роща была жутким местом. Я держалась подальше от загибающихся веток деревьев и пыталась не обращать внимания на гусиную кожу на своих руках. Каждый раз, когда рядом возникал белый вихрь, я подпрыгивала, а Накошка шипела с плеча Хэршоу.

Наконец взобравшись на вершину, мы увидели, что деревья тянулись аж до самой долины, но здесь на их ветках росли фиолетовые листья, ряды простирались по ландшафту внизу как складки фабричной мантии. Но не это заставило нас остановиться.

Впереди возвышалась скала, но больше она походила на стену гигантской крепости. Темная, массивная, почти плоская наверху, темно-серая, как железо. К ее основанию сдуло кучу

поваленных деревьев. Посередине скала разделялась оглушительными водопадами, собирающимися в столь чистое озерцо, что мы могли увидеть камни на дне. Оно шло почти вдоль всей долины, окруженное цветущими деревьями-солдатами, а затем будто исчезало под землей.

Мы спустились в долину, обходя маленькие ручейки и пруды, уши наполнял рев падающей воды. Дойдя до озера, остановились, чтобы наполнить фляги и умыться лица.

– Это оно? – спросила Зоя. – Цера-Хуо?

Посадив Накошку на землю, Хэршоу окунул голову в воду.

– Похоже на то, – сказал он. – И что дальше?

– Думаю, нам навстречу, – ответил Мал.

Толя взглянул на скользкую поверхность скалы. Стена намокла от брызг водопада.

– Придется идти в обход. Нам ни за что не забраться навстречу здесь.

– Утром, – кивнул Мал. – В этой местности слишком опасно подниматься ночью.

Хэршоу склонил голову набок.

– Возможно, вы захотите разбить лагерь подальше отсюда.

– Почему? – спросила Зоя. – Я устала.

– Накошке не нравится пейзаж.

– Да пусть спит хоть на дне пруда, мне плевать на эту мурку! – рявкнула она.

Хэршоу просто указал на клубок поваленных деревьев, собранных вокруг основания скалы. Это оказались вовсе не деревья. А груды костей.

– Святые, – Зоя попятилась. – Это звериные или человеческие?

Хэршоу ткнул большим пальцем себе за плечо.

– Я видел очень симпатичные валуны в той стороне.

– Пошли туда, – кивнула Зоя. – *Живо*.

Мы поспешили подальше от водопадов, вилляя между деревьями-солдатами, а затем поднялись по холмам долины.

– Может, это вулканический пепел, – предположила я с надеждой в голосе. Мое воображение выводило меня из душевного равновесия. Внезапно мне показалось, что у меня в волосах застряли древние остатки сгоревших мужчин.

– Может, где-то рядом есть активный вулкан, – не спорил Хэршоу. – И поэтому они называются Огнепадами.

– Не-а, – отозвался Толя. – Вот поэтому.

Я оглянулась через плечо на долину. В свете заходящего солнца водопады стали цвета плавленного золота. Наверное, это был обман зрения из-за тумана, или угол обзора такой, но казалось, будто вода загорелась. Солнце село ниже, поджигая каждый пруд и превращая долину в раскаленный тигель.

– Невероятно, – простонал Хэршоу. Мы с Малом переглянулись. Повезет, если он не попытается прыгнуть обратно с холма.

Зоя скинула рюкзак на землю и села на него.

– Можете восхищаться своим пейзажем. А я хочу теплую кровать и бокал вина.

Толя нахмурился.

– Это священное место.

– Чудесно, – сухо отчеканила она. – Тогда вымоли мне пару сухих носков.

## Глава 14

На рассвете следующего утра, пока остальные тушили огонь и жевали галеты, я надела пальто и отошла в сторонку, чтобы посмотреть на водопады. Долину укрывала густая туманная пелена. Отсюда кости у основания скалы выглядели просто как деревья. Ни призраков. Ни огня. Место казалось тихим, идеально подходящим для отдыха.

Мы собирали присыпанные пеплом палатки, как вдруг услышали крик – высокий, пронзительный и отдающий эхом. Все резко замерли, не производя ни звука, и ждали, не повторится ли он.

– Это мог быть и ястреб, – предупредил Толя.

Мал ничего не сказал. Закинул винтовку на плечо и целенаправленно пошел в лес. Нам пришлось поторапливаться, чтобы угнаться за ним.

Подъем по скале занял большую часть дня. Он был крутым и опасным, и хоть мои ноги окрепли, привыкнув к нелегкой дороге, я все равно напрягалась изо всех сил. Мышцы ныли от веса рюкзака, и, несмотря на прохладный воздух, на лбу выступили капельки пота.

– Когда мы поймем эту тварь, – пропыхтела Зоя, – я сделаю из нее жаркое.

Я ощущала, как всех нас охватывает возбуждение, чувство близости к цели. Мы подбадривали друг друга, чтобы активнее взбираться на гору. Местами подъем был практически вертикальным. Нам приходилось затаскивать себя наверх с помощью корней бесплодных деревьев или засовывая пальцы в трещины в камнях. В какой-то момент Толя достал железные колья и вбил их прямо в гору, чтобы мы могли использовать их в качестве импровизированной лестницы.

В конце концов во второй половине дня мы перевалились через острый каменный край и оказались на плоской части скалы – это было гладкое пространство из камня и мха, скользкое от влаги и разделенное пенистым течением реки.

Глядя на север, за резкий обрыв водопадов, мы увидели весь проделанный путь – дальний краж долины, серые поля, ведущие к ясеням, углубление старой дороги, а за ней – штормовые тучи, движущиеся над покрытыми травой предгорьями. А то были не просто предгорья. Теперь это стало ясно. Если бы мы повернули на юг, то впервые бы по-настоящему увидели горы – колоссальный, припорошенный снегом Сикурзой, источник талого снега, который подпитывал Церу-Хуо.

– Они все не заканчиваются и не заканчиваются, – устало произнес Хэршоу.

Мы направились к стремнинам. Перейти их будет сложно, и я не видела в этом особого смысла. Нам достаточно хорошо была видна другая сторона, где скала просто обрывалась. Там ничего не было. Как это ни печально, но нагорье, очевидно, пустое.

Поднялся ветер, расхлестывая мои волосы и посылая мелкие брызги в лицо. Я глянула на белые горы на юге. Здесь царила осень, зима была уже в пути. Мы отсутствовали неделю. Что, если за это время с теми, кто остался в Двух Столбах, что-то случилось?

– Ну, – сердито начала Зоя, – и где она?

Мал подошел к краю скалы и посмотрел на долину.

– Ты же вроде как лучший следопыт во всей Равке, – не унималась она. – И куда нам идти теперь?

Мал потер рукой затылок.

– С одной горы на следующую. Так это и работает, Зоя.

– И как долго? – спросила она. – Мы не можем продолжать в том же духе.

– Зоя, – предупредительно окликнул Толя.

– Откуда нам знать, что она вообще существует?

– Чего ты ждала? – спросил Толя. – Гнездо?

– Почему бы и нет? Гнездо, перо, дымящуюся кучку навоза. Хоть что-то. *Что угодно.*

Говорила только Зоя, но я чувствовала изнеможение и разочарование других. Толя будет искать, пока ноги не откажут. Но Хэршоу и Зоя вряд ли выдержат еще один подъем.

– Здесь слишком влажно, чтобы разбивать лагерь, – сказала я. Затем указала на лес за нагорьем, где деревья, к счастью, были обычными, их листва – красной и золотой. – Направляйтесь в ту сторону, пока не найдете сухое место. Разведите костер. Мы придумаем, что делать, после ужина. Может, пришло время разделиться.

– Тебе нельзя заходить глубже на территорию Шухана без защиты, – возразил Толя.

Хэршоу ничего не сказал, просто почесал Накошку, не встречаясь со мной взглядом.

– Необязательно решать прямо сейчас. Просто разбейте лагерь.

Я осторожно подошла к краю нагорья и присоединилась к Малу. Высота была головокружительной, так что я предпочла смотреть вдаль. Если прищуриться, можно было увидеть выжженное поле, с которого мы прогнали воров. Хотя, возможно, это все мое воображение.

– Прости, – наконец сказал он.

– Не извиняйся. Кто знает, может, никакой жар-птицы и не существует.

– Ты в это не веришь.

– Нет, но, возможно, нам не суждено ее найти.

– В это ты тоже не веришь, – он вздохнул. – Вот тебе и хороший солдатик.

Я скривилась.

– Не стоило мне этого говорить.

– Однажды ты засунула гусиный помет мне в ботинки, Алина. Я могу справиться с плохим настроением, – Мал посмотрел на меня. – Мы знаем, какое бремя ты несешь на себе. Но ты не должна нести его одна.

Я покачала головой.

– Ты не понимаешь. Не можешь понять.

– Может, и нет. Но я видел подобное у солдат в своем полку. Ты накапливаешь всю свою злость и печаль. В конце концов они перельются через край. Или ты в них утонешь.

Он твердил мне об этом с тех пор, как мы прибыли в шахту, когда говорил, что другим нужно горевать вместе со мной. Я тоже в них нуждалась, хоть и не хотела этого признавать. Мне нельзя оставаться одной. И Мал был прав. Я действительно чувствовала, что тону, страх смыкался надо мной, как ледяное море.

– Все не так просто, – сказала я. – Я не такая, как они. Не такая, как все. – Замешкала, но потом добавила: – Кроме него.

– Ты совсем не похожа на Дарклинга.

– Похожа, даже если ты не хочешь этого видеть.

Мал поднял бровь.

– Потому что он могущественный, опасный и вечный? – грубо расхохотался. – Скажи-ка мне кое-что. Дарклинг простил бы когда-нибудь Женю? Или Толю с Тамарой? Или Зою? Или меня?

– Для нас все иначе, – ответила я. – Нам труднее доверять людям.

– У меня для тебя новость, Алина. Это трудно для всех.

– Ты не...

– Да, да. Я не понимаю. Я просто знаю, что без боли жить невозможно – независимо от того, насколько долгая или короткая твоя жизнь. Люди не оправдывают твоих ожиданий. Ты страдаешь и мстишь в отместку. Но то, что Дарклинг сделал с Женей? С Багрой? Что пытался сделать с тобой с помощью ошейника? Это слабость. Это признак человека, который испытывает страх, – он посмотрел на долину. – Возможно, мне никогда не понять, каково жить с таким могуществом, как у тебя, но я знаю, что ты выше этого. Все это знают. – Он кивнул в ту сто-

рону, где остальные разбивали лагерь. – Поэтому мы здесь и боремся рядом с тобой. Поэтому Зоя и Хэршоу будут ныть всю ночь, но завтра останутся.

– Думаешь?

Мал кивнул.

– Мы поедим, поспим, а потом посмотрим, что случится.

Я вздохнула.

– И продолжим идти.

Он положил руку мне на плечо.

– Ты двигаешься вперед, а оступившись, снова встаешь. А если не сможешь, то мы тебя понесем. Я тебя понесу. – Опустил руку. – Не задерживайся здесь слишком долго.

Затем Мал повернулся и вернулся на нагорье.

«Я больше не подведу тебя»

В ночь перед тем, как мы с Малом впервые попали в Каньон, он пообещал, что мы выживем. «С нами все будет отлично, – сказал он мне. – Как всегда». В последующий год нас пытали и мучили, ломали и восстанавливали. Скорее всего, с нами никогда уже не будет все отлично, но тогда я нуждалась во лжи, как нуждалась и сейчас. Она держала нас на ногах, заставляла бороться за жизнь снова и снова. Только этим мы всегда и занимались.

Солнце начинало садиться за горизонт. Я стояла на краю водопадов, слушала ропот воды. Когда солнце опустилось еще ниже, водопады загорелись, а пруды в долине засияли золотом. Я склонилась над обрывом и посмотрела на груды костей внизу. На что бы ни охотился Мал, оно большое. Всмотрелась в туман, поднимающийся от камней внизу водопадов. Когда он клубился и извивался, то казался почти живым, будто...

Что-то налетело на меня снизу. Я попятилась и упала на землю, сильно ударившись копчиком. Тишину пронзил вопль.

Осмотрела небеса. Надо мной выписывал широкую дугу огромный крылатый силуэт.

– Мал! – крикнула я. Мой рюкзак остался на краю нагорья вместе с винтовкой и луком. Я кинулась к ним, а жар-птица спикировала прямо на меня.

Она была гигантской, белой, как олень и морской хлыст, ее широкие крылья окрашивались золотым пламенем. Они били по воздуху, и ветер толкал меня назад. Мифическое существо открыло свой массивный клюв, и вопль эхом прокатился по долине. Она была достаточно большой, чтобы одним укусом отхватить мне всю руку, а может, и даже голову. Длинные острые когти блеснули в свете солнца.

Я подняла руки для разреза, но никак не могла удержать равновесие. Внезапно поскользнулась и начала катиться к краю скалы, ударяясь бедром и головой о влажные камни. «Кости, – подумала я. – О, святые, кости на дне водопадов!» Вот как птица убивала своих жертв.

Я впилась пальцами в скользкий камень, пытаюсь найти опору... а затем отправилась в свободный полет.

Крик застыл у меня на губах – кто-то чуть не выдернул мне руку из сустава. Мал поймал меня чуть ниже локтя. Он лежал на животе, свисая с края скалы, а жар-птица кружила над ним в тускнеющем свете.

– Я держу тебя! – крикнул Мал, но влажная кожа моего предплечья выскальзывала из его хватки.

Мои ноги висели над пустотой, сердце выбивалось из груди.

– Мал... – с отчаянием произнесла я.

Он еще больше наклонился. Так мы оба упадем.

– Я держу тебя, – повторил он, его голубые глаза ярко горели. Пальцы сомкнулись на моем запястье.

По нам одновременно прошел электрический разряд, раздался тот же треск, что и в лесу у бани. Он вздрогнул. На сей раз у нас не было выбора, кроме как крепко держаться друг

за друга. Наши взгляды встретились, и между нами полилась сила – ясная и неизбежная. Я почувствовала, словно передо мной открылась дверь, и мне нестерпимо захотелось пройти через нее – этот вкус идеального, сияющего восторга не шел ни в какое сравнение с тем, что находилось по другую сторону. Я забыла, где нахожусь, забыла все, кроме желания переступить порог, забрать это могущество.

С голодом пришло и ужасное понимание. «Нет, – в отчаянии подумала я. – Только не это».

Но было слишком поздно. Я это знала.

Мал сцепил зубы. Его хватка усилилась пуще прежнего. У меня заныли кости. Жар от силы был практически невыносимым, голову наполнил жалобный вой. Сердце билось так быстро, что я боялась этого не вынести. Мне нужно было пройти через ту дверь.

А затем, каким-то чудом Мал начал тащить меня вверх сантиметр за сантиметром. Я царапала камень свободной рукой, пытаюсь нащупать край скалы, и наконец схватилась за него. Мал взял меня за вторую руку и вытащил на безопасное нагорье.

Как только он отпустил мое запястье, душераздирающий поток силы ослаб. Мы отползли подальше от обрыва, наши мышцы дрожали, дыхание выходило рывками.

И вновь по воздуху прокатилось эхо крика. Жар-птица полетела на нас. Мы поднялись на колени. У Мала не было времени достать лук. Он прикрыл меня собой, широко разведя руки, а жар-птица пронзительно завопила и нырнула вниз, потянувшись к нему своими когтями.

Удара так и не последовало. Жар-птица резко остановилась, ее когти находились в паре сантиметров от груди Мала. Крылья взмахнули раз, два, отталкивая нас назад. Время словно замедлилось. Я видела наше отражение в ее круглых золотых глазах. Клюв был острым, как лезвие, перья будто бы излучали собственный свет. Несмотря на страх, я ощутила и благоговение. Жар-птица – это Равка. Мы и должны стоять перед ней на коленях.

Она издала очередной истошный вопль, после чего развернулась, взмахивая крыльями, и полетела в сгущающиеся сумерки.

Мы осели на землю, отчаянно втягивая воздух.

– Почему она остановилась? – с трудом выпалила я.

Прошла долгая секунда. Затем Мал ответил:

– Мы больше не будем на нее охотиться.

Он знал. Как и я. *Он знал.*

– Нужно уходить отсюда, – продолжил Мал. – Она все еще может вернуться.

Какой-то частью сознания я отметила, что к нам бегут остальные по скользким камням. Мы медленно встали. Должно быть, друзья услышали мои крики.

– Это была она! – воскликнула Зоя, указывая на исчезающий силуэт жар-птицы. Затем подняла руки, чтобы попытаться вернуть ее встречным ветром.

– Зоя, остановись, – приказал Мал. – Пусть летит.

– Почему? Что произошло? Почему вы не убили ее?

– Она не усилитель.

– Откуда вы знаете?

Никто из нас не ответил.

– Да что происходит?! – рассердилась она.

– Это Мал, – наконец произнесла я.

– Что Мал? – вздернул бровь Хэршоу.

– Мал и есть третий усилитель, – слова прозвучали сипло, но твердо, гораздо увереннее и сильнее, чем я ожидала.

– О чем ты говоришь? – кулаки Зои сжались, щеки покрылись хаотичными красными пятнами.

– Нужно найти укрытие, – сказал Толя.

Мы поковыляли за остальными по соседнему холму к высокому тополю, где разбили лагерь.

Мал положил винтовку и снял с себя лук.

– Пойду поймаю нам ужин, – сказал он и скрылся в лесу прежде, чем я успела возразить.

Я рухнула на землю. Хэршоу развел огонь, и я подползла к нему, глядя на языки пламени и едва чувствуя их тепло. Толя дал мне флягу, присел рядом и, дождавшись от меня кивка, вставил вывихнутое плечо на место. Боли не хватало, чтобы остановить крутящиеся в моей голове образы, пока разум пытался найти связь между всем случившимся.

Девочка в поле стоит над убитой сестрой, черные завитки разреза поднимаются от тела. Рядом сидит отец.

«Он был выдающимся целителем». Багра ошиблась. Малой науки было недостаточно, чтобы спасти младшую дочь Морозова. Для воскрешения потребовалась скверна. Я тоже ошибалась. Сестра Багры не была гришом. Она действительно была отказницей.

– Ты должна была догадаться, – сказала Зоя, присаживаясь в противоположной части костра и глядя на меня с обвинением.

Так ли это? В ту ночь у бани я предположила, что разряд спровоцировала моя сила.

И все же, оглядываясь назад, я четко видела всю картину. Впервые моя сила проявилась, когда Мал умирал на моих руках. Мы искали оленя неделями, но нашли его сразу после нашего первого поцелуя. Когда перед нами предстал морской хлыст, я стояла в объятиях Мала, впервые оказавшись вблизи с ним после того, как нас затащили на борт корабля Дарклинга. Усилители хотели воссоединиться.

Да и если подумать, разве наши жизни не были связаны с самого начала? Войной. Одиночеством. Может, и чем-то большим. Вряд ли это случайность, что мы родились в соседних деревнях, пережили войну, которая забрала наши семьи, и оба оказались в Керамзине.

Поэтому Мал был таким талантливым следопытом? Потому что каким-то образом он связан со всем, с творением в сердце мира? Не гриш, не обычный усилитель, но что-то совершенно другое?

«Я стану клинком». Оружием в руках других. Как же он был прав!

Я закрыла лицо руками. Мне хотелось вычеркнуть это знание, вырезать его из своего черепа. Ведь я жаждала могущества, находившегося за той золотой дверью, стремилась к нему чистой, ноющей лихорадкой, от которой хотелось расцарапать себе кожу. Ценой этой силы будет жизнь Мала.

Что мне говорила Багра? «Возможно, ты не переживешь жертву, которую потребует скверна».

Спустя какое-то время Мал вернулся. Принес с тобой двух толстых кроликов. Я слышала, как они с Толей освежевали и надели животных на вертел, и вскоре донесся запах жареного мяса. У меня полностью отсутствовал аппетит.

Мы прислушивались к треску веток и шипению огня, пока наконец Хэршоу не нарушил молчание:

– Если кто-нибудь скоро не заговорит, я сожгу весь лес!

Посему я сделала глоток из фляги Толи и заговорила. Слова дались легче, чем я ожидала. Я поведала им историю Багры, отвратительную сказку об одержимом мужчине, о брошенной дочери, о том, как из-за этого чуть не умерла его младшенькая.

– Нет, – исправилась я. – Она действительно умерла в тот день. Багра ее убила. А Морозов вернул к жизни.

– Никто не способен...

– Способен. Это было не исцеление, а воскрешение, тот же процесс, с помощью которого он создал другие усилители. Все записано в его журналах.

Метод восстановления кислорода в крови, средство предотвращения разложения. Сила целителя и фабрикатора, расширенная до предела и далеко за него, в место, куда она никогда не должна была заходить.

– Скверна, – прошептал Толя. – Власть над жизнью и смертью.

Я кивнула. Магия. Мерзость. Дар созидания. Поэтому журналы остались неоконченными. В конце концов, Морозову не было смысла охотиться на создание, чтобы сотворить третий усилитель. Цикл уже был завершён. Он наделил свою дочь могуществом, предназначенным для жар-птицы. Круг замкнулся.

Морозов преуспел в своем грандиозном плане, но не так, как рассчитывал. «Когда играешься со скверной, что ж, результат всегда отличается от того, на что надеялись». Когда Дарклинг вмешался в творение в сердце мира, наказанием за его заносчивость стал Каньон – место, где его сила бесполезна. Морозов создал три усилителя, которые никак не соединить, не пожертвовав жизнью дочери, без того, чтобы его наследники не заплатили плотью и кровью.

– Но олень и морской хлыст... они были древними, – прошептала Зоя.

– Морозов специально их выбрал. Они были священными созданиями – редкими, яростными. А вот его дочь была обычной отказницей.

Поэтому Дарклинг и Багра с такой готовностью сбросили ее со счетов. Они предположили, что она умерла в тот день, но воскрешение должно было сделать ее сильнее – ее хрупкую смертную жизнь, связанную правилами этого мира, заменили на нечто совсем другое. Но в тот момент, когда Морозов подарил дочери вторую жизнь, жизнь, которая не принадлежала ей по праву... какая ему была разница, что скверна сделала это реальным?

– Она пережила падение в реку, – сказала я. – И Морозов отвез ее на юг в поселение.

Чтобы она жила и умерла в тени арки, из-за которой однажды долину нарекут Двумя Столбами.

Я посмотрела на Мала.

– Должно быть, она передала эту силу своим потомкам. Могущество текло у них в жилах. – Из меня вырвался горький смешок. – Я считала себя одной из них. Мне так отчаянно хотелось верить, что все это делается ради какой-то высшей цели, что мое участие не просто... случайность. Я считала себя наследницей второй ветки рода Морозовых. Но это был ты, Мал. Это всегда был ты.

Он наблюдал за мной сквозь огонь. Мал не проронил ни слова за весь разговор, за весь ужин, который удалось съесть только Толе с Накошкой.

И теперь молчал. Он встал и подошел ко мне. Протянул руку. Я замешкалась на долю секунды, чуть ли не боясь к нему прикоснуться, но затем вложила свою ладонь в его и позволила поднять меня на ноги. Мал молча повел меня к палаткам.

Позади раздалось ворчание Зои:

– Святые, мне что, теперь придется всю ночь выслушивать храп Толи?

– Ты тоже храпишь, – заметил Хэршоу. – И отнюдь не по-женски.

– Я не...

Их голоса стихли, когда мы, нагнувшись, прошли в тускло освещенную палатку. Свет от огня проникал через брезентовую ткань и создавал тени. Без лишних предисловий мы устроились на шкурах. Мал свернулся вокруг меня, прижимаясь грудью к спине и крепко обхватывая меня кольцом из рук, его дыхание щекотало мне шею. Так мы засыпали под жужжание насекомых на берегу Тривки, в трюме корабля, плывущего в Новый Зем, на узкой койке в ветхом пансионе в Кофтоне.

Его ладонь скользнула по моему предплечью. Ласково обхватила запястье, словно проверяя реакцию. Когда мы соприкоснулись, нас вновь пронзил разряд, и даже это мимолетное ощущение могущества было практически невыносимым по своей силе.

У меня сжалось горло – от горя, недоумения, постыдной и неоспоримой жажды. Хотеть от него этого могущества было слишком, слишком жестоко. *Это несправедливо.* Глупые слова, ребяческие. Бессмысленные.

– Мы найдем другой способ, – прошептала я.

Мал разжал пальцы, но продолжал слегка прикасаться к запястью, придвигая меня к себе. Я почувствовала себя так же, как и всегда в его объятиях – полноценной, как дома. Но теперь мне приходилось сомневаться даже в этом. Были ли мои эмоции реальными или результатом судьбы, которую Морозов привел в действие сотни лет назад?

Мал смахнул волосы с моей шеи. Быстро поцеловал кожу над ошейником.

– Нет, Алина, – ласково ответил он. – Не найдем.

\* \* \*

Казалось, что обратное путешествие к Двум Столбам заняло меньше времени. Мы придерживались горной местности, шли по узким хребтам холмов, а расстояние и дни сокращались под нашими ногами. Мы двигались быстрее, поскольку местность была уже знакомой, и Мал не выискивал признаков жар-птицы, но я ощущала, как наше время сокращалось. Меня пугала реальность, ждущая в долине, решение, которое придется принять, объяснения, которые нужно придумать.

Мы путешествовали в молчании; периодически Хэршоу что-то напевал себе под нос или бормотал Накошке, но остальные погрузились в собственные мысли. После той ночи Мал держался от меня на расстоянии. Я не приближалась к нему. Даже не знала, что тут сказать. Его настроение изменилось – спокойствие все еще было при нем, но у меня появилось пугающее ощущение, что он упивался миром, пытался запомнить его напоследок. Он поднимал лицо к солнцу, закрывая глаза, или срывал стебель календулы, глубоко вдыхая ее запах. Охотился для нас каждую ночь, когда местность позволяла развести костер. Указывал на гнезда жаворонков и на дикую герань, поймал полевых мышек для Накошки, которая слишком избаловалась, чтобы охотиться самой.

– Для обреченного человека, – сказала Зоя, – ты поразительно бодр.

– Он не обречен! – рявкнула я.

Мал вставил стрелу в лук, натянул тетиву и отпустил ее. Стрела устремилась в безоблачное и с виду пустое небо, но через секунду мы услышали далекое карканье, и на землю почти в миле от нас что-то упало. Мал надел лук на плечо.

– Все умирают, – произнес он, подбегая к своей добыче. – Но не все ради высшей цели.

– Он пустился в философию? – спросил Хэршоу. – Или это одна из тех лирических песен? Инферн начал напевать, а я побежала вслед за Малом.

– Не говори так, – попросила я, поравнявшись с ним.

– Хорошо.

– И не думай так.

На это он даже улыбнулся.

– Мал, прошу тебя, – с отчаянием обратилась я, сама не зная, о чем молю. Взяла его за руку. Он повернулся, и я не мешкая поднялась на цыпочки и поцеловала его. Ему потребовалась крошечная секунда, чтобы среагировать, а затем Мал скинул лук и поцеловал меня в ответ, крепко обнимая руками, твердый рельеф его тела прижался к моему.

– Алина... – начал он.

Я вцепилась в лацканы его пальто, глаза наполнились слезами.

– Не говори мне, что всему этому есть причина, – яростно произнесла я. – Или что все будет отлично. Не говори мне, что ты готов умереть.

Мы стояли в высокой траве, ветер ерошил тростники. Он встретился со мной твердым взглядом своих голубых глаз.

– Ничего хорошего не будет, – убрал волосы с моих щек и накрыл их своими огрубевшими ладонями. – Ничего из этого не происходит по какой-то причине, – ненадолго прильнул к моим губам. – И, да помогут мне святые, Алина, я хочу жить вечно.

Он снова меня поцеловал, и на этот раз не останавливался – до тех пор, пока мои щеки не зарделись, а сердце не заколотилось; до тех пор, пока я чуть не забыла собственное имя, не говоря уже о чужих; до тех пор, пока мы не услышали пение Хэршоу, ворчание Толи и радостное обещание Зои всех нас убить.

\* \* \*

В ту ночь я спала под звездами в объятиях Мала, укутавшись в меха. Мы шептались в темноте и тайком целовались, полностью осознавая, что остальные лежали всего в нескольких метрах от нас. Часть меня хотела, чтобы на нас напал отряд шуханцев и прострелил наши сердца. Тогда бы мы остались здесь навсегда – два тела, которые обернутся прахом и забудутся. Я подумывала сбежать, бросить остальных, бросить Равку, как мы однажды планировали, пересечь горы и пойти к побережью.

Эти мысли преследовали меня всю ночь. Но каждое утро я вставала. Ела сухарики, пила горький чай. Вскоре горы скрылись вдаль, и мы начали последний спуск к Двум Столбам. Наша группа вернулась раньше, чем ожидалось, как раз вовремя, чтобы сесть на «Выпь» и встретиться с войском Апрата в Карьеве. Увидев два каменных столба арки, мне захотелось снести их, позволить разрезу сделать то, с чем не справились время и погода, превратить их в щебень.

Нам понадобилось некоторое время, чтобы найти пансион, где поселились Тамара с остальными. Он был двухэтажным, окрашенным в ярко-голубой цвет, на крыльце висели молитвенные колокольчики, остроконечная крыша покрывалась шуханскими письменами, сверкающими золотой краской.

Тамара с Надей нашлись за столиком в гостиной, Адрик сидел рядом с ними, его пустой рукав был аккуратно закреплен, а на коленях неуклюже лежала книга. Увидев нас, все вскочили на ноги.

Толя заключил сестру в медвежьи объятия, в то время как Зоя неохотно обняла Надю с Адриком. Тамара прижала меня к себе, а Накошка прыгнула с плеча Хэршоу, чтобы изучить остатки их еды.

– Что случилось? – спросила Тамара, заметив тревогу на моем лице.

– Позже.

По лестнице сбежал Миша и прыгнул на Мала.

– Вы вернулись! – закричал он.

– Ну конечно, – Мал оторвал его от пола и крепко обнял. – Ты хорошо выполнял свои обязанности?

Миша торжественно кивнул.

– Славно. Я буду ждать полного отчета.

– Ну же, – нетерпеливо перебил Адрик. – Вы нашли ее? Давид наверху с Женей. Мне позвать его?

– Адрик! – осадила Надя. – Они устали и наверняка сильно голодны.

– Здесь есть чай? – спросил Толя.

Адрик кивнул и пошел делать заказ.

– У нас новости, – объявила Тамара, – и не хорошие.

Я сомневалась, что они переплунут наши новости, поэтому лишь отмахнулась.

– Валяй.

– Дарклинг напал на Западную Равку.

Я тяжело осела.

– Когда?

– Почти сразу после вашего ухода.

Я кивнула. Было что-то утешающее в знании, что я никак не могла это предотвратить.

– И насколько все плохо?

– Он использовал Каньон, чтобы прибрать к рукам большой кусок юга, но из того, что мы слышали, большинство людей уже эвакуировали.

– О войсках Николая что-нибудь слышно?

– Ходят слухи о неожиданном возникновении групп, дерущихся под знаменем Ланцовых, но я не знаю, сколько они продержатся без Николая в качестве лидера.

– Ясно.

По крайней мере, теперь я знала, с чем буду иметь дело.

– Есть еще кое-что.

Я вопросительно посмотрела на Тамару, и от выражения ее лица по моей коже побежали мурашки.

– Дарклинг напал на Керамзин.

## Глава 15

У меня екнуло в животе.

– Что?

– Говорят... говорят, что он сжег весь приют.

– Алина... – начал Мал.

– Ученики, – перебила я с нарастающей паникой. – Что с учениками?

– Мы не знаем, – покачала головой Тамара.

Я прижала руки к глазам, пытаюсь обдумать услышанное.

– Твои ключи, – сказала я приказным тоном, мое дыхание выходило частыми рывками.

– У нас нет причин полагать...

– *Ключи*, – повторила я с дрожью в голосе.

Тамара отдала их мне и тихо добавила:

– Третья дверь направо.

Я поднялась по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. На самом верху поскользнулась и сильно ударилась коленом об одну из ступенек, при этом совершенно не почувствовав боли. Прихрамывая, пошла по коридору, считая двери. Руки так сильно дрожали, что мне потребовались две попытки, чтобы попасть ключом в замок и проверить его.

Комната была сделана в красно-синих тонах, такая же яркая, как и весь пансион. На стуле у оловянного тазика висела куртка Тамары, две узкие кровати были сдвинуты, шерстяные одеяла смяты. Окно оставили открытым, и через него проникало осеннее солнце. Прохладный ветерок поднял занавески.

Я закрыла за собой дверь и подошла к окну. Вцепившись в подоконник, окинула туманным взглядом хлипкие дома на краю поселения, столбы вдалеке, горы за ними. Рана на плече начала пульсировать, тьма внутри меня – клубиться. Я потянула за нашу связующую нить, выискивая его с единственной мыслью в голове: «Что ты наделал?»

В следующую секунду я уже стояла перед ним, комната вокруг размывалась.

– Наконец-то, – сказал Дарклинг. Он повернулся ко мне, его прекрасное лицо приобрело четкость. Он прислонился к опаленной каминной полке. Ее очертание было до боли знакомым.

Его серые глаза стали пустыми, блеклыми. Это смерть Багры так на него повлияла или жуткое преступление, которое он здесь совершил?

– Подойди, – ласково позвал Дарклинг. – Хочу, чтобы ты увидела.

Я дрожала, но позволила ему взять меня за ладонь и опустить ее на изгиб его руки. В ту же секунду видение перестало быть размытым, и комната прояснилась.

Мы находились в бывшей гостиной Керамзина. Потертые диваны почернели от сажи. Драгоценный самовар Аны Куи, этот золотой великан, лежал на боку. От стен ничего не осталось, кроме обугленного, местами сломанного каркаса и призраков дверных проемов. Винтовая металлическая лестница, которая однажды вела в музыкальный класс, расплавилась от жара, ее ступеньки слились друг с другом. Потолка больше не было. Я полностью видела обломки второго этажа. На месте чердака теперь было только серое небо.

«Странно, – глуповато подумала я. – В Двух Столбах светит солнце».

– Я сижу здесь не первый день, – сказал Дарклинг, водя меня по развалинам, по грудам осколков, через то, что однажды было прихожей, – все ждал тебя.

Каменные ступеньки, ведущие к входной двери, испачкались пеплом, но остались целыми. Я увидела длинную гравийную тропинку, белые пики ворот, дорогу в город. Последний раз мне доводилось на них смотреть почти два года назад, но они выглядели точно так же, как я их помнила.

Дарклинг взял меня за плечи и слегка повернул.

У меня подкосились колени. Я осела на пол, прикрывая рот ладонями. Из меня вырвался сдавленный звук, слишком надрывный, чтобы назваться криком.

Дуб, на который я однажды залезла на спор, до сих пор оставался нетронутым огнем, поглотившим Керамзин. Но теперь его ветки полнились людьми. На одной из них висели три инструктора-гриша, их кафтаны слабо развевались на ветру – фиолетовый, красный и синий. Лицо Боткина, висевшего рядом, было почти черным над веревкой, сдавившей шею. Его тело покрывали раны. Он умер сражаясь. Следующей покачивалась Ана Куя в своем черном платье, на талии висела тяжелая связка ключей, носки сапожек с пуговицами почти доставали до земли.

– Кажется, она практически заменила тебе мать, – пробормотал Дарклинг.

Всхлипы, сотрясавшие мое тело, напоминали удары хлыста. Я вздрагивала от каждого, согнувшись пополам, села в позу эмбриона. Дарклинг опустился на колени передо мной. Взял за запястья, отводя руки от лица, будто хотел смотреть, как я плачу.

– Алина, – обратился он. Я продолжала смотреть на ступеньки, слезы застилали глаза. Я не стану на него смотреть! – Алина, – повторил Дарклинг.

– Почему? – слово больше походило на вой, детский плач. – Почему ты это сделал? *Как* ты мог это сделать? Ты что, совсем бесчувственный?!

– Я прожил долгую жизнь, щедрую на горе. Мои слезы давно иссякли. Если бы я до сих пор чувствовал все, как ты, страдал, как ты, то не вынес бы этой вечности.

– Надеюсь, Боткин убил двадцать твоих гришей, – сплюнула я, – сотню!

– Он был выдающимся мужчиной.

– Где все ученики? – выдавила я, хотя сомневалась, что выдержу ответ. – Что ты с ними сделал?

– А где *ты*, Алина? Я был уверен, что ты придешь, когда я напал на Западную Равку. Думал, этого потребует твоя совесть. Мне оставалось лишь надеяться, что хотя бы это выманит тебя на встречу.

– *Где они?!* – взвыла я.

– В безопасности. Пока. Они будут на моем скифе, когда я снова войду в Каньон.

– В качестве пленников, – мрачно произнесла я.

Он кивнул.

– На случай, если ты задумаешь атаку, вместо того чтобы сдать. Через пять дней я вернусь в Неморе, и ты поплывешь со мной – ты и следопыт, – или я расширю Каньон до самого побережья Западной Равки, а этих детей одного за другим отдам на милость волькр.

– Это место... эти люди, они были невиновными.

– Я сотни лет ждал этого момента, твоей силы, этой возможности. Я заслужил ее потерями и страданиями. И я воспользуюсь ей, Алина. Любой ценой.

Мне хотелось расцарапать его, пообещать, что я еще посмотрю, как его собственные монстры разорвут его на кусочки. Хотелось сказать, что я обрушу на него всю мощь усилителей Морозова, армию света, порожденную скверной, идеальной в своем отмирании. Возможно, я действительно буду на это способна. Если Мал пожертвует своей жизнью.

– У меня ничего не останется, – прошептала я.

– Нет, – ласково ответил Дарклинг, заключая меня в объятия и целуя в макушку. – Я уничтожу все, что ты знаешь, все, что ты любишь, пока у тебя не останется другого пристанища, кроме меня.

От горя, от ужаса, я позволила себе расщепиться на мириады частиц.

\* \* \*

Я по-прежнему стояла на коленях, пальцы впивались в подоконник, лоб прижимался к деревянным планкам стены пансиона. Снаружи доносился тихий звон молитвенных колоколов. Внутри не раздавалось ни звука, кроме моего учащенного дыхания и хриплых всхлипов, все еще напоминавших удары хлыста. Я сгорбилась и расплакалась. В таком состоянии меня и нашли.

Я не слышала ни как открылась дверь, ни приближающихся шагов. Просто почувствовала, что меня обхватывают чужие руки. Зоя посадила меня на край кровати, а Тамара устроилась рядом. Надя взяла гребень и осторожно начала распутывать все мои колтуны. Женя умыла мне лицо, а потом и руки прохладным платком, предварительно смочив его в тазике. От него слабо пахло мятой.

Так мы и сидели в молчании, все девочки скучились вокруг меня.

– Ученики у него, – произнесла я без каких-либо эмоций. – Двадцать три ребенка. Он убил преподавателей. И Боткина. – И Ану Кую, незнакомую им женщину. Женщину, которая меня вырастила. – Мал...

– Он рассказал нам, – тихо перебила Надя.

Думаю, часть меня ожидала обвинений, упреков. Вместо этого Женя опустила голову мне на плечо. Тамара сжала руку.

И я осознала, что они не просто меня утешали. Девочки опирались на меня – а я – на них, для поддержки.

«Я прожил долгую жизнь, щедрую на горе».

Были ли у Дарклинга друзья? Люди, которых он любил, которые боролись за него, заботились о нем, заставляли смеяться? Люди, которые стали не более чем жертвами мечты, пережившей их всех?

– Сколько у нас есть времени? – спросила Тамара.

– Пять дней.

Кто-то постучал в дверь. Это был Мал. Тамара освободила ему место рядом со мной.

– Все плохо? – спросил он.

Я кивнула. Не могла пока говорить о том, что я увидела.

– У меня есть пять дней, чтобы сдать, или он снова воспользуется Каньоном.

– Он сделает это в любом случае, – возразил Мал. – Ты сама говорила. Он найдет повод.

– Я могу выиграть нам немного времени...

– Какой ценой? Ты была готова отдать свою жизнь, – тихо сказал он. – Так почему не дашь мне сделать то же самое?

– Потому что я этого не вынесу.

Его лицо ожесточилось. Мал схватил меня за запястье, и я снова почувствовала тот разряд. Под веками замелькал поток света, словно мое тело было готово отпрянуть от него. За этой дверью пряталась неопишуемая сила, и смерть Мала ее откроет.

– Ты вынесешь это, – сказал он. – Или все те смерти, все, чем мы пожертвовали, все это будет пустую.

Женя прочистила горло.

– Э-э... Тут такое дело. Возможно, ей и не придется. У Давида есть идея.

\* \* \*

– Вообще-то это была идея Жени, – сказал Давид.

Мы собрались вокруг стола под навесом таверны, находившейся чуть дальше по улице от нашего пансиона. В этой части поселка не было достойных закусовых, но на месте сгоревшего дома построили ветхую таверну. Над шаткими столиками висели лампы, рядом стояла деревянная бочка со сладким ферментированным молоком и жарилось мясо в двух металлических барабанах, таких, как мы видели в первый день на рынке. Воздух наполнился можжевеловым дымом.

За столиком рядом с бочкой двое мужчин играли в кости, пока еще один наигрывал мелодию на старой гитаре без какого-либо ритма. Это сложно было назвать музыкой, но Миша остался доволен. Он исполнил сложный танец, который, судя по всему, требовал активных хлопков в ладоши и сильной сосредоточенности.

– Мы непременно нанесем имя Жени на памятную доску, – съязвила Зоя. – Ближе к делу.

– Помнишь, как ты спрятала «Выпь» из виду? – спросил Давид. – Как преломила свет вокруг корабля, чтобы тот не отражался от поверхностей?

– Я подумала, – вмешалась Женья. – Что, если ты провернешь этот фокус на нас?

Я нахмурилась.

– В смысле...

– Принцип остается тем же, – поспешил объяснить Давид. – Это огромное испытание, поскольку тут больше переменных, чем просто голубое небо, но преломить свет вокруг солдат равносильно тому, чтобы преломить свет вокруг объекта.

– Погоди минутку, – встрял Хэршоу. – Хочешь сказать, мы станем невидимыми?

– Именно, – кивнула Женья.

Адрик подался вперед.

– Дарклинг будет отплывать от доков в Крибирске. Мы сможем проникнуть в его лагерь. И увести учеников. – Его кулаки сжались, глаза загорелись. Он знал этих детей лучше любого из нас. Некоторые из них, наверное, были его друзьями.

Толя нахмурился.

– Нам ни за что не пробраться в лагерь и не освободить их, чтобы нас никто не заметил. Некоторые из этих детей младше Миши.

– В Крибирске будет слишком сложно, – помотал головой Давид. – Много людей, плохая линия видимости. Будь у Алины больше времени на подготовку...

– У нас пять дней, – повторила я.

– Значит, мы атакуем в Каньоне, – подытожила Женья. – Свет Алины сдержит волькр...

Я покачала головой.

– Нам все равно придется драться с ничегоями Дарклинга.

– Нет, если они не смогут нас увидеть, – возразила Женья.

Надя улыбнулась.

– Мы будем прятаться прямо у них перед носом.

– Еще у него будут опричники и гриши, – напомнил Толя. – В отличие от нас, у них боеприпасов в достатке. Даже если они не увидят свои мишени, это не мешает им просто открыть огонь и надеяться на удачу.

– Тогда будем держаться вне пределов досягаемости, – Тамара подвинула свою тарелку к центру стола. – Это – стеклянный скиф. Мы поставим стрелков по периметру и используем их, чтобы проредить ряды Дарклинга. А уже *потом* подойдем достаточно близко, чтобы пробраться на скиф и, доставив детей в безопасность...

– Взорвем его на мелкие кусочки, – закончил Хэршоу. Он чуть ли слюной не истекал при мысли о взрыве.

– И Дарклинга вместе с ним, – подытожила Женья.

Я pokrutila тарелку Тамары, обдумывая их предложение. Без третьего усилителя моя сила не составит конкуренции при прямом противостоянии с Дарклином. Он доказал это со

всей определенностью. Но если подкрасться к нему незаметно, используя свет для прикрытия, как другие использовали темноту? Это подло, даже трусливо, но Дарклинг давно забыл о значении слова «честь». Он копался у меня в голове, объявил войну моему сердцу. Меня не интересовал честный бой, особенно если это даст шанс сохранить жизнь Малу.

Словно прочитав мои мысли, он сказал:

– Мне это не нравится. Слишком многое может пойти не по плану.

– Решение не только за тобой, – отозвалась Надя. – Ты месяцами боролся и истекал кровью вместе с нами. Мы заслуживаем возможности хотя бы попытаться спасти твою жизнь.

– Даже если ты всего лишь бесполезный отказник, – добавила Зоя.

– Осторожнее, – предупредил Хэршоу. – Ты все-таки говоришь с... подожди, а ты кем приходишься Дарклингу? Двоюродным братом? Племянником?

Мал пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Ты теперь тоже начнешь носить черное?

– *Нет*, – отчеканил он.

– Ты – один из нас, – сказала Женя, – нравится это тебе или нет. Кроме того, если Алина тебя убьет, она может полностью съехать с катушек, при этом владея всеми усилителями. Тогда Мише придется остановить ее силой ужасных танцев.

– Она довольно угрюмая, – заметил Хэршоу и постучал себя по виску. – Не до конца *в себе*, если вы понимаете, о чем я.

Они шутили, но в их словах была доля правды. «Тебе было предназначено стать моим противовесом». Мои чувства к Малу были беспорядочными, упрямыми, и в конечном итоге могут разбить мне сердце, но они абсолютно естественные.

Надя дернула Мала за руку.

– Хотя бы подумай об этом. А если все пойдет наперекосяк...

– Алина получит новый браслетик, – закончила Зоя.

Я насупилась.

– Может, мне разрезать *тебя* и примерить твои кости?

Зоя поправила прическу.

– Могу поспорить, они такие же шикарные, как и вся я.

Я снова покрутила тарелку Тамары, пытаюсь представить, что потребуется для такого маневра. Жаль, что я не обладаю стратегическим мышлением Николая. Но одно можно было сказать наверняка.

– Нам понадобится нечто большее, чем взрыв, чтобы убить Дарклинга. Он пережил Каньон и разрушение часовни.

– А что тогда? – поинтересовался Хэршоу.

– Это должна сделать я. Если мы уведем его от теневых солдат, я смогу использовать на нем разрез.

Дарклинг могущественен, но я сомневалась, что даже ему удастся собрать свои половинки воедино. И хоть у меня не было никаких притязаний на род Морозовых, я – заклинательница Солнца. Я надеялась на великое предназначение, но обойдусь и чистым убийством.

Зоя радостно рассмеялась.

– Это действительно может сработать!

– По крайней мере, над этим стоит подумать, – сказала я Малу. – Дарклинг ожидает нападения, но не такого.

Он молчал какое-то время.

– Хорошо. Но если что-то пойдет не так... все согласны с тем, что должно произойти.

Он осмотрел присутствующих за столом. Все кивнули один за другим. Лицо Толи оставалось непроницаемым. Женя потупила взгляд. В конце концов осталась лишь я.

– Я хочу, чтобы ты дала слово, Алина.

Я проглотила комок в горле.

– Я сделаю это. – От этих слов в моем рту появился железный привкус.

– Хорошо, – кивнул Мал, а затем взял меня за руку. – А теперь давай покажем Мише, как нужно плохо танцевать.

– Убить тебя, станцевать с тобой. Еще какие-нибудь пожелания есть?

– На данный момент нет, – улыбнулся он, притягивая меня к себе. – Но уверен, я что-нибудь придумаю.

Я опустила голову ему на плечо и вдохнула родной запах. Знала, что не стоило особо полагаться на наш план. У нас не было ни армии, ни ресурсов короля. Только эта потрепанная команда. «Я уничтожу все, что ты знаешь, все, что ты любишь». Если бы он мог, Дарклинг использовал бы этих людей против меня, но ему никогда не приходило в голову, что они могут быть кем-то больше, чем обузой. Может, он недооценил их, как недооценил и меня.

Это глупо. Опасно. Но Ана Куя часто мне говорила, что надежда хитрая, как вода. Она всегда находит способ просочиться.

\* \* \*

В ту ночь мы засиделись допоздна, обсуждая детали плана. Все усложняли реалии Каньона – где и как мы войдем, смогу ли я скрыть себя, не говоря уже об остальных, как изолировать Дарклинга и увести учеников. У нас не было готового взрывчатого вещества – придется делать его самим. Еще я хотела убедиться, что у остальных будет путь отступления из Каньона, если со мной что-нибудь случится.

Следующим утром мы вышли рано и пересекли Два Столба, чтобы достать «Выпь» из карьера. Было странно видеть корабль на том же месте, пристроившегося в уголке, как голубь на карнизе.

– Ради всех святых! – воскликнул Адрик, когда мы поднялись на борт. – Это моя кровь?

Пятно было почти в его полный рост. Мы все были слишком измученными и побитыми после долгого путешествия из Прялки, так что никто даже не удосужился его вытереть.

– Ты развел грязь, – сказала Зоя. – Ты и убирай.

– Мне нужны две руки, чтобы драить палубу, – парировал Адрик, занимая место у парусов.

Судя по всему, на фоне постоянного хлопотания Нади издевки Зои приносили юноше удовольствие. Узнав, что он по-прежнему может призывать ветер, я ощутила облегчение, но ему все равно потребуется некоторое время, чтобы совладать одной рукой с мощными потоками. *Багра могла бы его научить.* Мысль посетила меня прежде, чем я вспомнила, что теперь это невозможно. Я так и слышала ее голос в своей голове: «Может, тебе отрезать вторую руку? Тогда будет, на что жаловаться. Повтори, и на сей раз идеально». Что бы она сказала на все это? Что бы сказала о Мале? Я отмахнулась от этой мысли. Нам этого никогда не узнать, а сейчас не время для скорби.

Подняв нас в воздух, шквальные придерживались неторопливого темпа, и я воспользовалась этим временем, чтобы попрактиковаться преломлять свет, маскируя корабль снизу.

Путь занял всего пару часов, а затем мы приземлились на болотистом пастбище к западу от Карьева. Каждый год в этом городе проводили летний лошадиный аукцион. Он славился только ипподромом и конюшнями для разведения, и даже не будь сейчас войны, в такую пору года здесь бы все равно никого не было.

В послании Апрату я высказала предложение встретиться на ипподроме. Тамара с Хэршоу обойдут трек пешком, чтобы убедиться, что мы не попадем в ловушку. Если им что-то покажется подозрительным, они сделают круг и вернутся к нам, а там мы уже решим, что делать

дальше. Я сомневалась, что Апарат сдаст нас Дарклингу, но была вероятность, что он заключил какую-то новую сделку с Шуханом или Фьердой.

Мы прилетели на день раньше, и пастбище идеально подходило, чтобы поучиться скрывать движущиеся объекты. Миша настоял на том, чтобы быть первым.

– Я меньше всех, – сказал он. – Тебе будет легче.

Он выбежал на центр поля.

Я подняла руки, крутанула запястьями, и мальчик исчез. Хэршоу присвистнул в знак одобрения.

– Вы меня видите? – крикнул Миша. Как только он начал размахивать руками, свет вокруг него пошел рябью, и прямо в воздухе возникли тощие предплечья.

*Сосредоточься.* Они снова пропали.

– Миша, беги к нам, – проинструктировал Мал.

Он появился и вновь исчез, когда я внесла поправки в освещение.

– Я вижу его с этого бока! – крикнул Толя с противоположной части пастбища.

Я шумно выдохнула. Нужно подойти к этому вопросу более тщательно. Маскировать корабль было легче, поскольку я трансформировала отражение света только снизу. Теперь же нужно думать обо всех углах.

– Лучше! – крикнул Толя.

Зоя взвизгнула.

– Этот маленький поганец меня пнул!

– Мудрое дитя, – усмехнулся Мал.

Я вздернула бровь.

– Мудрее некоторых.

Ему хватило такта покраснеть.

Большую часть дня я провела на поле за тем, что заставляла исчезнуть одного, двоих, а затем пятерых гришей зараз.

Задача отличалась от тех, к которым я привыкла, но уроки Багры все равно помогали. Если слишком сосредотачиваться на проецировании силы, количество переменных сбивает с толку. Но если думать о свете как о чем-то, что есть повсюду, если не пытаться управлять им, а позволить просто преломиться, становится гораздо проще.

Я вспомнила, как Дарклинг ослеплял своей силой солдат в бою, расправляясь с несколькими врагами одновременно. Для него это было просто, естественно. «Я знаю о силе то, о чем ты даже не догадываешься».

Ночью я тренировалась, а утром все началось сначала, после того, как Тамара и Хэршоу отправились на задание, но моя сосредоточенность продолжала давать сбой. При большом количестве стрелков нападение на скиф Дарклинга может сработать. Кто нас будет ждать на ипподроме? Сам священник? Никто? Раньше я представляла себе крепостную армию, защищаемую тремя усилителями, марширующую под знаменем с жар-птицей. Но теперь мы вели совершенно другую войну.

– Я его вижу! – пропела мне Зоя. И действительно, крупное очертание Толи то появлялось, то пропадало из виду, пока он подбегал ко мне справа.

Я опустила руки и предложила:

– Давайте сделаем небольшой перерыв.

Надя с Адриком натянули один из парусов, чтобы помочь ему научиться управлять восходящим потоком ветра, а Зоя лениво распласталась на палубе, участливо высказывая отнюдь не полезную критику.

Тем временем Женья с Давидом склонились над одним из его блокнотов, пытаясь выяснить, где бы собрать компоненты для партии люмии. Оказалось, дар Жени распространялся не только на яды. Ее талант всегда находился где-то между корпориадом и субстанциалом,

но я гадала, кем бы она могла стать, какой бы путь избрала, если бы не влияние Дарклинга. Мал с Мишей направились в дальнюю часть поля, набрав охапку шишек, и выложили их вдоль забора, чтобы Миша мог научиться стрелять.

Нам же с Толей не оставалось ничего, кроме как волноваться и ждать. Он сел рядом со мной на краю корпуса, свесив ноги.

– Хочешь еще попрактиковаться? – предложил он.

– Наверное, стоило бы.

Прошла долгая минута, а затем он спросил:

– Ты сможешь это сделать? Когда придет время.

Это смутно напомнило мне о том, как Мал спрашивал, смогу ли я убить жар-птицу.

– Ты не веришь, что план сработает.

– Я не думаю, что это имеет значение.

– Ты не...

– Даже если ты одолеешь Дарклинга, Каньон останется.

Я ударила пятками по корпусу.

– С Каньоном я разберусь. Моя сила позволит пересечь его. Мы сможем истребить всех волькр. – Мне не нравилось об этом думать. Какими бы чудовищными они ни были, когда-то волькры были людьми. Я отклонила и всмотрелась в лицо Толи. – Ты не выглядишь убежденным.

– Однажды ты спросила меня, почему я не дал тебе умереть в часовне, почему позволил Малу побежать за тобой. Может, тому, что вы выжили, есть причина. Может, это она.

– Толя, все это начал предполагаемый святой.

– И святая положит этому конец.

Он скользнул на землю и поднял на меня взгляд.

– Я знаю, что ты не разделяешь нашу с Тamarой веру. Но независимо от того, как все закончится, я рад, что наша вера привела нас к тебе.

С этими словами Толя пошел через поле к Малу с Мишей.

Неважно, было ли это совпадение или провидение, сделавшее близнецов моими друзьями, я в любом случае благодарна за это знакомство. И если быть до конца честной с собой, я завидовала их вере. Если бы я могла поверить, что меня благословили неким божественным предназначением, мне бы легче давались трудные решения.

Я не знала, сработает ли наш план, а если и так, оставалось еще слишком много неизвестных. Если мы победим Дарклинга, что станет с его теньвыми солдатами? А что насчет Николая? Что, если смерть Дарклинга приведет и к его гибели? Может, стоит попытаться взять Дарклинга в плен? Если мы выживем, Малу придется скрываться. Его жизнь будет обречена, если кто-то узнает, кто он на самом деле.

Послышался топот копыт. Мы с Надей поднялись на капитанскую площадку, чтобы лучше рассмотреть новоприбывших, и мое сердце ухнуло вниз.

– Может, остальные на ипподроме, – предположила Надя.

– Может, – кивнула я. Но не верила в это.

Быстро пересчитала их. Двенадцать солдат. Когда они приблизились, я увидела, что все молодые и носят татуировку солнца на лицах. Среди них была Руби со своими милыми зелеными глазами и светлой косой, а еще Владим с двумя другими бородатыми мужчинами, в которых я узнала святых стражей.

Я прыгнула с площадки и подошла поприветствовать их. Заметив меня, они слезли с лошадей и упали на одно колено, дружно склонив головы.

– Тьфу, – фыркнула Зоя. – Опять они за свое.

Я с предупреждением покосилась на нее, хотя в моей голове крутилась та же мысль. Я уже и забыла, как сильно меня пугало бремя святости. Но я приняла эстафету и сыграла свою роль.

– Встаньте, – приказала я, а потом подозвала к себе Владима. – Это все?

Он кивнул.

– И какое же оправдание просил передать мне Апрат?

Юноша сглотнул.

– Никакого. Паломники ежедневно произносят молитвы за вашу безопасность и за уничтожение Каньона. Он утверждал, что вашим последним наставлением ему было заботиться о пастве.

– А моя просьба о помощи?

Руби покачала головой.

– Единственная причина, по которой мы узнали, что вы с Николаем Ланцовым просили о помощи, это потому, что преданный вам монах нашел послание в церкви Санкт-Лукина.

– Так как же вы здесь оказались?

Владим улыбнулся, и на его щеках вновь возникли эти глупые ямочки. Он переглянулся с Руби.

– Мы сбежали, – сказала она.

Я знала, что Апрату нельзя доверять, но какая-то часть меня все равно надеялась, что он предложит мне что-то весомее молитв. Но я приказала ему печься о моих последователях, беречь их от беды, и в Белом соборе им определенно было безопаснее, чем в Каньоне. Апрат сделает то, что удавалось ему лучше всего: он будет ждать. Когда пыль осядет, либо я одолею Дарклинга, либо познаю свое мученичество. В любом случае люди возьмутся за оружие во имя меня. Империя верующих Апрата восстанет.

Я опустила руки на плечи Владима и Руби.

– Я благодарю за вашу преданность. Надеюсь, вы об этом не пожалеете.

Они поклонились и пробормотали:

– Санкта-Алина.

– Нам нужно переместиться в другое место. Ваша группа достаточно большая, чтобы привлечь внимание, и это не говоря уж о татуировках.

– Куда мы пойдем? – любопытствовала Руби, поправляя шарф, чтобы спрятать татуировку.

– В Каньон.

Я заметила, как начали тревожно переминаясь новые солдаты.

– Сражаться? – спросила она.

– Путешествовать, – ответил Мал.

Ни армии. Ни союзников. У нас оставалось всего три дня до встречи с Дарклингом. Мы рискуем, и если ничего не выйдет, вариантов больше не останется. Я убью единственного человека, которого когда-либо любила и который любил меня. А затем вклинюсь обратно в бой, нося его кости.

## Глава 16

Подступать к Крибирску с этой стороны Каньона было небезопасно, потому мы решили напасть с Западной Равки, а это подразумевало, что нужно обдумать, как до нее добраться. Поскольку Надя с Зоей не могли поддерживать «Выпь» на плаву при таком количестве пассажиров, мы согласились, что Толя поведет солнечных солдат к восточному берегу Каньона и будет ждать нас там. Им потребуются сутки, чтобы доехать туда на лошадях, зато это даст нам время долететь до Западной Равки и найти подходящий базовый лагерь. Затем мы вернемся, чтобы провести остальных через Каньон под защитой моей силы.

Наша группка села на корабль и уже спустя час мчалась к странному черному туману Тенистого Каньона. На сей раз, попав во мрак, я была готова к охватившему меня чувству чего-то родственного, ощущению подобности. Теперь, когда я испробовала скверну, саму силу, сотворившую это место, чувство усилилось. Я стала лучше его понимать – жажду, вынудившую Дарклинга воссоздать эксперименты Морозова, наследие, которое, как он думал, принадлежало ему по праву.

К нам подлетели волькры; я заметила слабое очертание их крыльев, услышала вопли, пока они кружили вокруг призванного мной круга света. Если все пойдет по плану Дарклинга, скоро они будут сыты до отвала. Меня охватил прилив благодарности, когда мы вырвались в чистое небо над Западной Равкой.

Территорию к западу от Каньона полностью эвакуировали. Мы пролетали над заброшенными деревнями и домами, не видя ни души. В конце концов решили приземлиться на яблочной ферме на юго-западе от того, что осталось от Новокрибирска, меньше чем в миле от темных просторов Каньона. Ферма называлась Томикаяна, судя по надписи, выведенной на боку консервного завода и амбара с яблочными прессами. Сады наполнились фруктами, которые уже никогда не соберут.

Хозяйский дом был роскошным, по форме напоминал идеальный торт, держался в чистоте и венчался белым куполом. Я даже ощутила некую вину, когда Хэршоу разбил окно и залез внутрь, чтобы открыть дверь.

– Новые деньги, – фыркнула Зоя, пока мы бродили по чрезмерно украшенным комнатам, каждая полка переполнялась фарфоровыми фигурками и разными сувенирами.

Женя взяла керамическую свинку.

– Мерзость.

– А мне нравится, – возразил Адрик. – Тут мило.

Зоя сделала вид, будто ее тошнит.

– Может, с возрастом у тебя появится вкус.

– Я всего на три года младше тебя.

– Тогда ты просто обречен жить без чувства стиля.

Мебель накрыли белыми простынями. Миша сдернул одну и начал бегать по комнатам, волоча ее за собой, как плащ. Большинство шкафов оказались пустыми, но Хэршоу нашел банку сардин, которую тут же открыл и разделил с Накошкой. Нам придется отправить людей на соседние фермы, чтобы достать еду.

Убедившись, что других незаконных жильцов здесь нет, мы оставили Давида, Женю и Мишу добывать материалы для производства люмии и взрывчатых веществ. Остальные сели на «Выпь», чтобы вернуться на другой берег Равки.

Мы планировали воссоединиться с солнечными солдатами у памятника Санкты-Анастасии, возвышавшемся на низком холме в Цемне. Благодаря Анастасии Цемна пережила изнурительную чуму, забравшую жизнь у половины населения близлежащих деревушек. Но Цемна

не пережила Каньон. Ее поглотило, когда кошмарный эксперимент Черного Еретика сотворил Неморе.

Памятник выглядел жутковато – гигантская каменная женщина выростала из земли, широко разведя руки, ее великодушный взгляд был направлен на пустынный Каньон. По слухам, Анастасия избавила от болезни бесчисленное количество городов. Творила ли она чудеса или просто была одаренной целительницей? А есть ли разница?

Мы прибыли раньше солнечных солдат, а посему приземлились и разбили лагерь на ночь. Воздух был еще достаточно теплым, чтобы не ставить палатки, и мы постелили спальные мешки у основания памятника, рядом с полем, усеянным красными валунами. Мал с Хэршоу пошли добывать нам ужин. Животных здесь почти не водилось, словно они относились к Немору так же настороженно, как и мы.

Я накинула шаль на плечи и спустилась с холма к краю черного берега. «Осталось два дня», – подумала я, глядя на корчащийся темный туман. Разумеется, пытаться предсказать, что будет дальше, не имело смысла. Каждый раз, когда я пыталась предугадать свою судьбу, моя жизнь переворачивалась с ног на голову.

Я услышала тихий скрежет позади себя. Обернулась и замерла. На высоком камне сидел Николай. Теперь он выглядел чище, но носил все те же рваные штаны. Ноги с когтями впились в край камня, тенистые крылья легонько били по воздуху, взгляд черных глаз было невозможно прочесть.

Я надеялась, что он вновь покажется, но теперь не знала, что делать. Вдруг он следил за нами? Если так, что он успел увидеть? Сколько из этого понял?

Я осторожно потянулась в карман, не желая спугнуть его резким движением.

Затем протянула ладонь с изумрудом Ланцовых. Николай нахмурился, между его бровями пролегла морщинка, а потом сложил крылья и бесшумно прыгнул. Было трудно не двигаться с места. Я не хотела бояться, но его движения так отличались от человеческих. Принц начал медленно подходить ко мне, сосредоточив взгляд на кольце. Оказавшись в шаге от меня, склонил голову набок.

Несмотря на черные глаза и чернильные линии, тянувшиеся к шее, его лицо все равно оставалось элегантным – мамины точеные скулы, волевой подбородок, который, должно быть, достался ему от отца-посла. Морщинка углубилась. Внезапно Николай взял изумруд своими когтями.

– Это... – слова так и не сорвались с моего языка. Николай перевернул мою ладонь и надел кольцо на палец.

У меня сперло дыхание от смеси всхлипа и смеха. Он узнал меня! Я не могла сдержать наворачнувшихся слез.

Николай указал на мою руку и взмахнул своей. Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что он имел в виду. Он имитировал то, как я жестикулировала, когда заклинала.

– Хочешь, чтобы я призвала свет?

Его лицо не выражало никаких эмоций. Я позволила свету наполнить мою ладонь.

– Вот так?

Сияние, похоже, оживило его. Он схватил меня за руку и прижал к своей груди. Я попыталась убрать ее, но Николай не позволил. Он цеплялся за меня как клещами, став сильнее после чудовищной мерзости, которую впустил в него Дарклинг.

Я покачала головой:

– Нет.

Он снова хлопнул моей рукой по своей груди, его движения стали чуть ли не отчаянными.

– Я не знаю, как на тебя повлияет моя сила, – возразила я.

Уголки его губ изогнулись – слабейший намек на мрачную улыбку Николая. Я так и слышала, как он говорит: «Серьезно, милая, что может быть хуже?» Под моей ладонью стабильно билось его сердце – человеческое.

Я шумно выдохнула.

– Ладно. Я попробую.

Я призвала слабейший лучик света и позволила ему растечься по моим пальцам. Николай скривился, но его хватка не дрогнула. Сделала свет немного ярче, пытаюсь направить его прямо в Николая, думая о промежутках, как он просачивается сквозь кожу.

Самые черные линии на его торсе начали отступать. Я не верила собственным глазам. Неужели все так просто?

– Сработало! – ахнула я.

Николай поморщился, но махнул мне, чтобы продолжала.

Я призвала в него свет, наблюдая, как черные вены тускнеют и сужаются.

Его дыхание участилось, глаза закрылись. Из рта вырвался низкий стон, полный боли. Хватка на моем запястье стала железной.

– Николай...

И вдруг я почувствовала отдачу, словно тьма внутри него начала сопротивляться. Она оттолкнула свет. В ту же секунду линии рванули обратно, такие же черные, как прежде, будто корни дерева, пьющие отравленную воду.

Николай вздрогнул и, раздраженно рыкнув, отпрянул от меня. Посмотрел на свою грудь, черты лица исказились от муки.

Бесполезно. На ничегоях срабатывал только разрез. Он может уничтожить мрак внутри Николая, но при этом убьет и его.

Плечи принца ссутулились, крылья пошли рябью, как туман в Каньоне.

– Мы что-нибудь придумаем. Давид найдет решение или мы позовем целителя...

Он сел на корточки и облокотился на колени, спрятав лицо в руках. Николай всегда казался бесконечно одаренным, непоколебимым в своей вере, что каждой проблеме есть решение, и именно он его найдет. Я не могла видеть его таким – сломленным и впервые побежденным.

Осторожно подошла к нему и присела. Он отказывался встречаться со мной взглядом. Ласково коснулась его руки, приготовившись отпрыгнуть, если он испугается или зарычит. Его кожа была теплой, такой же, как раньше, несмотря на скрывающиеся под ней тени. Я аккуратно обвила Николая руками, чтобы не задеть крылья, шелестящие сзади, и прошептала:

– Мне жаль.

Он уткнулся лбом мне в плечо.

– Николай, мне так жаль...

Тихо, с содроганием выдохнул.

Затем резко втянул воздух и напрягся. Повернул голову. Я почувствовала его дыхание у себя на шее, острый кончик клыка под подбородком.

– Николай?

Его руки сомкнулись вокруг меня. Когти впились в спину. Рык, сотрясший его грудь, было ни с чем не спутать.

Я оттолкнула его и вскочила на ноги.

– Прекрати! – грубо осадила принца.

Его кулаки сжались. Он оскалился, открывая вид на онисовые зубы. Я знала, что вижу в его глазах: голод.

– Пожалуйста, не надо, – взмолилась я. – Это не ты. Ты можешь контролировать себя.

Он шагнул ко мне. Издал еще один животный, клокочущий рык.

Я подняла руки.

– Николай, – сказала с предупреждением. – Я тебя остановлю.

В эту секунду к нему вернулся здравый смысл. Лицо скривилось от ужаса того, что он хотел сделать, что какая-то часть него до сих пор хотела сделать. Все его тело дрожало от желания утолить голод.

Черные глаза принца заблестели от мерцающих теней. Или это слезы? Он снова сжал кулаки, откинул назад голову. Сухожилия на шее натянулись, и он испустил вопль беспомощности и ярости. Я уже слышала его прежде, когда Дарклинг призывал ничегоей, раздирая ткани мира – крик чего-то, чего не должно существовать.

Он взмыл в воздух и направился напрямиком к Каньону.

– Николай! – позвала я. Но он уже исчез, поглощенный бурлящим мраком, потерянный во владениях волькр.

Сзади раздалися шаги, и, обернувшись, я увидела бегущих ко мне Мала, Хэршоу и Зою. Накошка мяукала и вилась между их ног. Хэршоу достал кремень, Мал снимал винтовку.

Глаза Зои округлились.

– Это была ничегоей?

Я покачала головой:

– Нет, это Николай.

Все резко остановились.

– Он нашел нас? – осведомился Мал.

– Он следовал за нами с тех пор, как мы улетели из Прялки.

– Но Дарклинг...

– Будь он чудовищем Дарклинга, мы были бы уже мертвы.

– Как давно ты знаешь, что он следит за нами? – сердито спросила Зоя.

– Я видела его один раз в шахте. С этим ничегоей нельзя было поделаться.

– Мы могли бы попросить Мала выстрелить в него из лука, – возразил Хэршоу.

Я ткнула в него пальцем.

– Я бы не бросила тебя, и не брошу Николая.

– Полегче, – встрял между нами Мал. – Он уже улетел, так что спорить нет смысла. Хэршоу, иди разожги костер. Зоя, нужно освежевать куропадок, которых мы поймали.

Она уставилась на него, не двигаясь с места. Мал закатил глаза.

– Ладно, их нужно освежевать *кому-то другому*. Пожалуйста, найди подходящего человека и прикажи ему это сделать.

– С удовольствием.

Хэршоу спрятал кремень в рукав.

– Они все безумцы, Накошка, – обратился он к рыжей бестии. – Невидимые армии, принцы-монстры. Пошли подожжем что-нибудь.

Когда они ушли, я потеряла глаза.

– Что, тоже будешь на меня кричать?

– Нет. Я много раз хотел пристрелить Николая, но теперь это будет выглядеть как-то мелко. Но мне любопытно, что это за кольцо.

Я забыла о гигантском драгоценном камне на своей руке. Сняла его и засунула в карман.

– Николай отдал мне его в Прялке. Я подумала, что он может узнать его.

– И как, сработало?

– По-моему, да. Прежде чем он попытался меня сожрать.

– Святые...

– Он улетел в Каньон.

– Думаешь, он планировал...

– Убить себя? Не знаю. Может, теперь это место для него как дача. Я даже не знаю, видят ли волькры в нем добычу. – Я прислонилась к валуну, на котором всего несколько минут назад сидел Николай. – Он попросил меня исцелить его. Но это не сработало.

– Кто знает, на что ты будешь способна, когда получишь все три усилителя.

– В смысле, после того, как я убью тебя?

– Алина...

– Это не обсуждается.

– Ты не можешь просто спрятаться под одеяло и делать вид, что ничего не происходит.

– Могу и так и сделаю.

– Ведешь себя как ребенок!

– А ты ведешь себя как благородный рыцарь, готовый пожертвовать собой, и от этого мне хочется тебя задушить!

– Что ж, это неплохое начало.

– Не смешно.

– А как я должен себя вести? – спросил Мал. – Я не *чувствую* себя благородным и готовым пожертвовать собой. Я просто...

– Что?

Он всплеснул руками.

– Голоден.

– Ты голоден?

– Да! – огрызнулся Мал. – Я голодный, усталый, и почти уверен, что Толя съест всех куропаток.

Я не могла сдержаться. Прыснула от смеха.

– Зоя предупреждала меня об этом. Она тоже становится злой, когда голодна.

– Я не злой.

– Угрюмый, – любезно исправилась я.

– Я не угрюмый!

– Ты прав, – попыталась подавить смех. – Скорее капризный, чем угрюмый.

Он схватил меня за руку и притянул к себе для поцелуя. А потом сильно куснул за ухо.

– Ай!

– Я же предупреждал, что проголодался.

– Ты уже второй за сегодня, кто пытается меня укусить.

– Дальше – хуже. Когда мы вернемся в лагерь, я попрошу рассказать мне «Третью повесть о Креги».

– Я скажу Хэршоу, что ты собачник.

– Я скажу Зое, что тебе не нравится ее прическа.

Мы продолжали в том же духе всю дорогу до «Выпи», пихаясь и поддевая друг друга, чувствуя, как напряжение от последних недель ослабевает. Но когда солнце село и я оглянулась через плечо на Каньон, ко мне в голову закрался вопрос: какие человеческие существа могут быть за пределами его берегов, и слышат ли они наш смех?

\* \* \*

Солнечные солдаты прибыли поздно ночью и поспали всего пару часов, прежде чем мы двинулись в путь. Они опасались Каньона, но я ожидала более бурной реакции – например, что они начнут доставать иконы и бормотать молитвы. Когда мы вошли во тьму и я позволила свету залить окружающую местность, то кое-что поняла: им не нужно молить своих святых. Ведь у них есть я.

«Выпь» парила высоко над нами, спрятавшись под ярким куполом моего света, но я решила путешествовать по песку, чтобы попрактиковаться преломлять свет в пределах Каньона. Для солнечных солдат это новое проявление силы было еще одним чудом, дополнительным подтверждением того, что я – живая святая. Мне вспомнились слова Апрата: «Нет более великой силы, чем вера, и не будет более великой армии, чем та, которой она движет». Я молилась, чтобы он оказался прав, чтобы я не стала каким-то очередным лидером, который воспользуется их преданностью и отплатит за это ненужными, почетными смертями.

У нас ушла большая часть дня и ночи, чтобы пересечь Каньон и сопроводить всех солнечных солдат к западному берегу. К тому времени, как мы вернулись в Томикаяну, Давид с Женей полностью захватили власть над фермой. Кухня выглядела так, будто в ней разразилась буря. Всю плиту занимали кипящие кастрюли, а из амбара с яблочными прессами принесли огромный котел, чтобы служил в качестве охлаждающей ванночки. Давид восседал на стуле за длинным деревянным столом, где, наверное, еще пару недель назад слуги раскатывали тесто. Теперь он был завален стеклом, металлом, мазками какого-то смолистого вещества и бесчисленным количеством бутылок с дурно пахнущей желтой жижей.

– А это точно безопасно? – спросила я.

– Ничто не безопасно наверняка.

– Спасибо, это обнадеживает.

Давид улыбнулся.

– Я рад.

В обеденном зале Женя создала собственное рабочее пространство и помогала соорудить канистры для люмии, а также повязки, чтобы нести их. Остальные будут тянуть до последнего, чтобы активировать их во время нападения, и если в Каньоне со мной случится что-нибудь непредвиденное, им все равно должно хватить света, чтобы выбраться. Вся посуда хозяина фермы использовалась для благого дела – кубки, рюмки, бокалы для вина и коктейлей, утонченная коллекция вазочек и жаровня в форме рыбы.

Чайный сервиз наполнили шурупами и болтами. Миша сидел, скрестив ноги, в кресле с шелковой обивкой, радостно разбирал седла и складывал ремешки и кусочки кожи в аккуратные стопки.

Хэршоу ушел красть любую еду, которую удастся найти в ближайших поместьях, и то, с каким рвением он брался за эту задачу, начинало вызывать беспокойство.

Большую часть дня я трудилась вместе с Женей и Мишей. В саду шквальные тренировались создавать акустический покров. Это вариация трюка, который Зоя провернула во время обвала в пещере, и мы надеялись, что он позволит нам войти в Каньон и занять позиции в темноте, не привлекая внимания волькр. Это, мягко говоря, временная мера, но она должна продержаться достаточно долго, чтобы организовать засаду. Периодически у меня трещало в ушах, и все звуки будто притуплялись, а затем голос Нади раздавался так отчетливо, словно она стояла со мной в одной комнате, или же казалось, что Адрик орет мне прямо на ухо.

Из другого сада, где Мал с близнецами выбирали лучших стрелков из солнечных солдат, доносились хлопки выстрелов. Боеприпасы нужно было экономить, так что они использовали пули с особой осторожностью. Позже я услышала их голоса в гостиной, где они копались в ящиках с оружием и припасами.

Мы соорудили ужин из яблок, твердого сыра и черствого черного хлеба, который Хэршоу нашел в одной из заброшенных кладовок. В обеденном зале и кухне царил беспорядок, поэтому мы разожгли огонь в камине большой приемной и устроили импровизированный пикник, распластавшись на полу или диванах из муара и насаживая хлеб на сучковатые ветки яблони.

– Если мы переживем эту битву, – сказала я, грея ноги у огня, – мне придется как-то компенсировать этим несчастным людям все убытки.

Зоя фыркнула.

– У них не останется выбора, кроме как сделать капитальный ремонт. Так что мы делаем им одолжение.

– А если не выживем, – заметил Давид, – все это место будет поглощено тьмой.

Толя убрал от себя подальше подушку в цветочках.

– Может, это и к лучшему.

Хэршоу глотнул сидра из бутылки, которую Тамара притащила из амбара.

– Если я выживу, то первым делом вернусь сюда, чтобы поплавать в цистерне этого прекрасного напитка.

– Полегче, Хэршоу, – осадила его Тамара. – Ты нужен нам бодрым к утру.

Он застонал.

– Почему все сражения начинаются так рано? – инферн нехотя передал бутылку одному из солнечных солдат.

Мы еще раз прошлись по плану, пока все не запомнили, где и когда должны находиться. В Каньон выступали на рассвете. Шквальные пойдут первыми, чтобы создать акустический покров и скрыть наши передвижения от волькр. Я услышала, как Надя шептала Тамаре, что не хочет брать с нами Адрика, но шуханка рьяно оспорила это решение. «Он – воин, – сказала она. – Если заставишь его почувствовать себя слабым сейчас, он никогда не узнает, насколько может быть сильным». Я отправлюсь со шквальными на случай, если что-то пойдет не так. Позже к нам присоединятся стрелки и гриши.

Мы решили устроить засаду посередине Каньона, почти ровно между Крибирском и Новокрибирском. Заметив скиф Дарклинга, я освещу Неморе, преломив свет, чтобы скрыть нас из виду. Если это его не остановит, то в дело вступят стрелки. Они проредят вражеские ряды, а потом Хэршоу и шквальные создадут такой хаос, чтобы мы с близнецами могли забраться на борт скифа, найти учеников и увести их в безопасность. Как только дело будет сделано, я займусь Дарклингом. Оставалось надеяться, что он не предвидит моей атаки.

Женя с Давидом останутся в Томикаяне с Мишей. Тот наверняка захотел бы пойти с нами, поэтому Женя подсыпала ему снотворное в ужин. Мальчишка уже зевал, свернувшись клубком у камина, и я надеялась, что он проспит наше отбытие утром.

Пикник начал подходить к концу. Все нуждались во сне, но никто пока не хотел ложиться. Некоторые решили устроиться на ночлег у камина в приемной, другие парочками разошлись по дому. Сегодня никто не хотел оставаться один. Женю с Давидом ждала работа на кухне. Тамара с Надей ушли пораньше. Я думала, что Зоя выберет кого-то из солнечных солдат, но когда я скользнула за дверь, она продолжила сидеть у огня и гладить Накошку у себя на коленях.

Я пошла по темному коридору в гостиную, где Мал в последний раз проверял все оружие и снаряжение. Было странно видеть груды винтовок и боеприпасов на мраморной столешнице рядом с небольшим портретом хозяйки дома и милой коллекцией табакерок.

– Мы уже бывали здесь раньше, – сказал он.

– Разве?

– Когда впервые вышли из Каньона. Мы ночевали в саду неподалеку от этого дома. Я узнал его, когда мы отбирали стрелков.

Тогда я вспомнила. Казалось, это было в другой жизни. В то время плоды на деревьях были слишком маленькими и кислыми, чтобы их есть.

– Как сегодня справлялись солнечные солдаты?

– Неплохо. Мало кто из них умеет метко стрелять, но если нам повезет, большего и не потребуется. Многие из них имеют опыт по Первой армии, так что есть шанс, что они будут сохранять спокойствие во время активных действий.

До нас донесся смех из приемной. Кто-то – Хэршоу, как я подозревала, – начал петь. Но в гостиной было так тихо, что я услышала шум дождя.

– Мал, как ты думаешь... все дело в усилителях?

Он нахмурился, проверяя прицел на ружье.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что между нами. Наши силы. Поэтому мы стали друзьями? А потом... – я затихла.

Он взял другое ружье и подул в ствол.

– Может, это и свело нас вместе, но сила не определяет наши личности. Она не сделала тебя девушкой, которая заставляла меня смеяться, когда у меня не было ничего. И она уж точно не сделала меня идиотом, который принимал это как должное. Что бы ни было между нами, мы это выковали. Оно принадлежит нам.

Затем он отложил ружье и вытер руки тряпкой.

– Пойдем со мной, – позвал Мал, после чего взял меня за руку и потянул за собой.

Мы пошли по темному дому. Из коридора лились голоса, поющие непристойную песню, а наверху кто-то громко топал, перебегая из одной комнаты в другую. Я думала, что Мал ведет меня к лестнице на спальный этаж, даже, наверное, надеялась на это, но он повел меня через восточное крыло дома, мимо тихой швейной комнаты, библиотеки, и прямо к прихожей без окон, вдоль которой выстроились совки, лопаты и сухие черенки.

– Э-э... восхитительно.

– Жди здесь. – Он открыл дверь в стене, которую я не заметила раньше.

За ней оказался тускло освещенный проход в длинную, узкую обсерваторию. Капли дождя ритмично били по сводчатой крыше и стекали по стеклянным стенам. Мал пошел вглубь помещения и зажег фонарики по краю небольшого зеркального пруда. У стен выстроились в ряд яблони, их ветки были густо усеяны белыми цветками. Лепестки устилали красный кафельный пол, как снег, и плавали на поверхности воды.

Я побрела за Малом вдоль пруда. Внутри воздух был ароматным, сладким от яблонь и суглинистым от насыщенного запаха грунта. Снаружи поднимался и завывал штормовой ветер, но здесь время будто остановилось. У меня появилось странное ощущение, словно мы можем находиться где угодно, а остальной дом просто исчез. Словно мы здесь совершенно одни.

В дальнем углу комнаты прятался стол. На спинке стула с витиеватым орнаментом висела шаль. На ковре, расшитом цветками яблони, стояла корзинка со швейными принадлежностями. Должно быть, хозяйка приходила сюда вышивать и выпить утренний чай. Днем ей открывался идеальный вид на сады через большие арочные окна. На столе лежала открытая книга. Я присмотрелась к страницам.

– Это дневник, – сказал Мал. – Статистические данные о весеннем урожае, прогресс по выведению растений.

– Ее очки, – заметила я, поднимая стекла в золотой проволочной оправе. – Наверное, ей их не хватает.

Мал прислонился к каменному ободку пруда.

– Ты никогда не задумывалась, как бы обернулась твоя жизнь, если бы экзаменаторы-гриши обнаружили твою силу еще тогда, в Керамзине?

– Иногда.

– Равка была бы другой.

– Может, и нет. От моей силы было мало проку, пока мы не нашли оленя. Без тебя мы бы, скорее всего, никогда не нашли усилители Морозова.

– Ты была бы другой, – уточнил он.

Я отложила хрупкие очки и пролиставла столбики с цифрами и разной информацией, выведенной аккуратным почерком. Каким бы человеком я могла быть? Стали бы мы с Женей подругами, или я смотрела бы на нее как на простую служанку? Появилась бы у меня уверенность Зои? Ее высокомерие? Кем бы стал мне Дарклинг?

– Я могу тебе рассказать, что бы случилось, – сказала я.

– Давай.

Закрыла дневник и повернулась к Малу, примостившись на краю стола.

– Я уехала бы в Малый дворец и стала бы испорченной и избалованной. Ужинала бы с золотых тарелок и никогда не испытывала бы трудностей с использованием своей силы. Это было бы легко, как дышать воздухом, как и должно было быть. И со временем я бы забыла о Керамзине.

– И обо мне.

– Ни за что.

Он вздернул бровь.

– Ладно, наверное, и о тебе тоже, – признала я. Мал рассмеялся. – Дарклинг искал бы усилители Морозова, тщетно, бесплодно, пока однажды следопыт – никто, отказник, обычный сирота – не забрел бы в ледяную Цибею.

– Это если предположить, что я не умер в Каньоне.

– В моей версии тебя никогда туда не отправляли. Вот когда сам будешь рассказывать эту историю, то сможешь придумать себе трагическую кончину.

– В таком случае, продолжай.

– Этот никто, ничто, жалкий сирота...

– Я понял.

– Он стал бы первым за столетия поисков, кто заметил оленя. Поэтому, разумеется, нам с Дарклингом пришлось бы поехать в Цибею в его большом черном экипаже.

– По снегу?

– В больших черных санях, – исправилась я. – И когда мы прибыли бы в Черность, твоему полку позволили бы постоять в нашем высокопоставленном присутствии...

– А нам разрешено ходить, или мы должны ползти на животах, как жалкие черви, коими и являемся?

– Вы ходите, но с большим уважением. Я бы сидела на высоком помосте с драгоценностями в волосах и в золотом кафтане.

– Не черном?

Я призадумалась.

– Может, и черном.

– Это неважно, – покачал головой Мал. – Я бы все равно не смог отвести от тебя взгляда. Я рассмеялась.

– Нет, ты бы строил глазки Зое.

– Зоя тоже там?

– Она везде и всегда.

Он улыбнулся.

– Я бы заметил тебя.

– Еще бы! Я же заклинательница Солнца, в конце-то концов.

– Ты знаешь, что я имел в виду.

Я потупила взгляд, смахивая лепестки со стола.

– Ты когда-нибудь замечал меня в Керамзине?

Мал молчал долгое время, и когда я на него взглянула, он смотрел в стеклянный потолок. Его лицо стало красным, как свекла.

– Мал?

Он прочистил горло, скрестил руки.

– К твоему сведению – да. Меня посещали... очень отвлекающие мысли о тебе.

– Правда?! – поперхнулась я.

– И после каждой из них я чувствовал себя виноватым. Я должен был относиться к тебе как к лучшей подруге, а не... – Он пожал плечами и залился краской пуще прежнего.

– Идиот.

– Этот факт хорошо известен и никоим образом не способствует сюжету.

– Что ж, – сказала я, снова смахивая лепестки, – это не имеет значения, поскольку я бы в любом случае заметила тебя.

– Скромного отказника?

– Верно, – тихо ответила я. Шутливое настроение пропало.

– И что бы ты в нем увидела?

– Солдата – дерзкого, с рубцами, выдающегося. И это стало бы нашим началом.

Мал встал и пересек расстояние между нами.

– Но конец остался бы прежним.

Он был прав. Даже в мечтах у нас не было будущего. Если мы каким-то чудом переживем завтрашний день, мне придется искать союзников и добиваться трона. А Малу – придумывать, как сохранить свое наследие в тайне.

Он ласково взял мое лицо в свои руки.

– Без тебя я бы тоже стал другим. Слабее, безрассуднее, – он слегка улыбнулся. – И до сих пор боялся бы темноты. – Смахнул слезы с моих щек. Я даже не заметила, когда начала плакать. – Но независимо от того, кем бы и чем я стал, я всегда был бы твоим.

Тогда я его поцеловала – с печалью, тоской, с жадой, копившейся годами, с отчаянной надеждой, что мне удастся оставить его в своих объятиях, с проклятым знанием, что это невозможно. Я прильнула к нему, к твердой груди, к широким плечам.

– Я буду скучать по этому, – сказал Мал, целуя мои щеки, подбородок, веки. – По твоему вкусу. – Прижался губами к местечку прямо под моим ухом. – По твоему запаху. – Его руки скользнули по моей спине. – По твоей мягкости. – У меня перехватило дыхание, когда он прижался ко мне бедрами.

Затем Мал отодвинулся и всмотрелся мне в глаза.

– Я желал тебе лучшего. Белую фату на голову. Клятвы, которые мы могли бы сдержать.

– Надлежащую брачную ночь? Просто скажи мне, что это не прощание. Это единственная клятва, которая мне нужна.

– Я люблю тебя, Алина.

Он снова меня поцеловал. Мал не ответил, но в ту секунду мне было плевать, поскольку я полностью отдалась ощущениям от прикосновений его губ и могла сделать вид, что я не спасительница и не святая, и могу просто выбрать его, любить и жить своей жизнью. Будто нас ждет не одна ночь, а тысячи. Я потянула его вниз и пристроилась под его телом, чувствуя холод от пола спиной. У него были руки солдата – грубые, мозолистые, но они обжигали мне кожу, посылали голодные искры по всему телу, от которых мои бедра поднимались в попытке прижаться к нему еще ближе.

Я сняла с него рубашку, провела пальцами по гладким бугоркам мускулистой спины, чувствуя слегка выпуклые линии татуировки. Но когда Мал начал снимать с меня блузку, я напряглась, внезапно вспомнив каждый свой недостаток. Выпирающие кости, слишком маленькую грудь, бледную и сухую, как луковица, кожу. Тогда Мал поднял ладонь к моей щеке, обводя большим пальцем губы.

– Ты все, чего я когда-либо хотел. Ты – все мое сердце.

И тут я увидела себя его глазами – ворчливую, глупую, сложную, милую. Притянув Мала к себе, почувствовала, как он вздрогнул при соприкосновении наших тел, кожи к коже. Ощутила жар его губ, языка, рук, ласкающих меня, пока нетерпение и желание не натянулось между нами, как тетива лука, ожидая, когда ее отпустят.

Он схватил меня за запястье, и мой разум наполнился светом. Все, что я видела, – это лицо Мала; все, что я чувствовала, – это его тело над собой, вокруг меня, поначалу неловко, затем медленно и уверенно, в ритме дождя. Это все, что нам было нужно. Все, что у нас когда-либо будет.

## Глава 17

Следующим утром я проснулась и обнаружила, что Мал уже встал. Он оставил мне поднос с горячим чайничком, окруженным цветками яблони. Дождь прекратился, но стены обсерватории запотели. Я потеряла стекло рукавом и, выглянув, увидела нежно-голубой рассвет. Между деревьями гулял олень, склонив голову к сладкой траве.

Я медленно оделась, выпила чай, постояла у зеркального пруда, чьи фонарики давно погасли. Всего через пару часов это место может окутаться тьмой. Мне хотелось запомнить каждую деталь. Поддавшись прихоти, взяла перо и перевернула на последнюю страничку дневника, где записала наши имена.

*Алина Старкова  
Мальен Оретцев*

Не знаю, зачем я это сделала. Мне просто хотелось оставить память о нашем пребывании здесь.

Остальные собирали вещи в главном зале. Женя подстерегала у двери с моим оливковым шерстяным пальто в руках. Его явно недавно погладили.

– Ты должна выглядеть наилучшим образом, когда закопаешь Дарклинга в могилу.

– Спасибо, – улыбнулась я. – Постараюсь не заляпать его кровью.

Она расцеловала меня в обе щеки.

– Удачи. Мы будем ждать вашего возвращения.

Я взяла ее за ладонь и вложила в нее кольцо Николая.

– Если что-то пойдет не так, если мы не выберемся... отвези Давида и Мишу в Ос Керво. Этого должно хватить на все расходы.

Жена сглотнула и крепко меня обняла.

Солнечные солдаты ждали снаружи, выстроившись плотным строем – за спинами винтовки, через плечо перекинута канистры с неактивной люмией. Татуировки на их лицах смотрелись очень свирепо в свете зари. Гриши переоделись в форму из грубой пряжи. Они выглядели как обычные солдаты.

Хэршоу оставил Накошку под боком у Миши, но теперь она сидела на подоконнике в гостиной, лениво вылизывала себя и наблюдала за нашими сборами. Толя с Тамарой прикрепили к груди брошки с золотым солнцем. Брошь Мала все еще была у Миши. Увидев меня, он улыбнулся и постучал по месту, где должно находиться солнце, прямо над сердцем.

Олень убежал. В саду было абсолютно пусто, пока мы шли через него, оставляя глубокие следы в мягкой почве. Через полчаса мы уже стояли на берегу Каньона.

Я присоединилась к другим эфиреалам: Зое, Наде, Адрику и Хэршоу. Казалось правильным, что мы войдем первыми и сделаем это вместе. Шквальные взмахнули руками, подняли ветер и понизили давление, как сделала Зоя в пещерах. Создали акустический покров, от которого у меня затрещало в ушах. Если он не продержится, мы с Хэршоу были готовы призвать свет и огонь, чтобы отогнать волькр. Все встали в линию и размеренными шагами вошли во мрак Каньона.

Неморе всегда казалось концом всего. Дело было не только в темени, но и в жутком ощущении изоляции, словно весь мир исчез, бросив тебя одного задыхающегося и с бьющимся сердцем.

Когда мы ступили на мертвенно-серый песок и тьма сгустилась, мне потребовались все силы, чтобы не поднять руки и не окутать нас безопасным, защитным светом. Я внимательно прислушивалась, ожидая шороха крыльев или одного из жутких, нечеловеческих воплей, но

ничего не раздавалось, даже звука наших шагов. Что бы ни делали шквальные, у них получилось. Тишина была глубокой и непроницаемой.

– Эй? – прошептала я.

– Мы тебя слышим.

Я резко обернулась. Знала, что Зоя стоит дальше по ряду, но казалось, будто она говорила мне прямо на ухо.

Мы двигались в стабильном темпе. Я услышала щелчок, затем два через десять минут. Миля пройдена. В какой-то момент до нас донеслось далекое хлопание крыльев, и страх заизвивался по нашему строю, как живое существо. Волькры, может, и не слышали нас, но они могли учуять добычу издалека. Вдруг они даже сейчас кружили над нами, чувствуя, что что-то не так, что кто-то рядом? Я сомневалась, что фокус Зои будет долго нас оберегать. В эту секунду я осознала, на какое безумство мы решились. Мы осмелились на то, на что не осмеливался никто другой: войти в Каньон без света.

Наша группка продолжала двигаться вперед. Двумя щелчками позже мы остановились и заняли свои позиции. Как только заметим скиф Дарклинга, нужно будет действовать незамедлительно.

Мои мысли вернулись к нему. Я осторожно проверила нашу связь. Голод пронзил меня с ощутимой силой. Ему не терпелось выпустить силу Каньона, не терпелось приступить к битве. Я тоже это чувствовала. Мои эмоции вторили ему, и я отправила их по связующей нити – это предвкушение, желание: «Я иду за тобой».

Мал и Толя – а может, и все остальные – верили, что усилители нужно соединить, но они никогда не испытывали восторга от использования скверны. Это то, чего не понимал ни один другой гриш, и, в конечном счете, это связывало нас с Дарклингом крепче всего – не наши силы, не их необычность, не то, что мы оба отклонения от нормы, если не сказать мерзость. А понимание запретного, жажда большего.

Шли минуты, мои нервы начали сдавать. Акустический покров шквальных не продержится вечно. Что, если Дарклинг дожидается ночи, чтобы напасть? *Где ты?*

Ответ пришел в виде сиреневого свечения, движущегося к нам с востока.

Два щелчка. Мы встали полукругом, как и тренировались.

Три щелчка. Это мой сигнал. Я подняла руки и осветила Каньон. В ту же секунду свет преломился и начал течь вокруг каждого из моих солдат, словно ручей.

Что видел Дарклинг? Мертвый песок, плоское серое небо, обломки скифов, упавших в пыль. И все. Мы стали невидимыми. Мы – воздух.

Скиф замедлился. Когда он приблизился, я увидела черные паруса с солнцем в затмении, а еще странное затемненное стекло корпуса. По бортам мерцал фиолетовый огонь люмии, слабый и дрожащий в ярком свете моей силы.

У мачт стояли шквальные в синих кафтанах. Вдоль перил выстроилось несколько инфернов с сердцебицами в красном и хорошо вооруженными опричниками в сером по бокам. Но они здесь в качестве запасных. Должно быть, ученики где-то в трюме. Дарклинг стоял на носу скифа, окруженный своей теневой ордой. Он выглядел так же, как и в видениях: более реальным, более насыщенным, чем все вокруг.

Все случилось так быстро, что я едва успела опомниться. Первый выстрел попал по одному из опричников Дарклинга. Он перевалился за борт скифа. Дальнейшие выстрелы последовали быстрой дробью, как капли дождя барабанили по крыше при начале бури. Гриши и опричники заваливались друг на друга, на палубе воцарилась суматоха. Я увидела, как на песок падают очередные тела.

Кто-то крикнул: «Открыть ответный огонь!», и воздух взорвался режущим ухо грохотом залпов, но мы держали безопасную дистанцию. Ничегои хлопали крыльями, кружа широкими

дугами, и пытались найти цель. Заскрежетали кремни, и оставшиеся на скифе инферны выпустили пламенные столбы. Хэршоу, скрытый из виду, ответил им тем же. Раздались крики.

А затем наступила тишина, прерываемая лишь стонами и приказами со стеклянного скифа. Наши стрелки хорошо справились с работой. Палуба вокруг перил была усыпана телами. Невредимый Дарклинг показывал на сердцебита и выкрикивал какую-то команду. Я не разобрала слов, но знала, что сейчас он воспользуется учениками.

Осмотрелась, наблюдая за стрелками, гришами, чувствуя их присутствие в своем свете.

Один щелчок. Шквальные послали огромную волну песка по воздуху. С палубы донеслись новые крики, когда шквальные Дарклинга попытались отразить атаку.

Пришла наша очередь. Мы с близнецами помчались к корме скифа. У нас оставалось мало времени.

– Где они? – прошептал Толя, когда мы перелезли на борт. Было странно слышать его, но не видеть.

– Наверное, внизу, – ответила я. Скиф был полым, но места на нем хватало.

Мы осторожно пошли по палубе, пытаясь найти люк и не задеть гришей со стражами Дарклинга.

Оставшиеся опричники нацелили ружья на пустой песок за скифом. Мы находились достаточно близко, чтобы я могла увидеть капельки пота на их лбах, округленные глаза. Они вздрагивали и подпрыгивали от каждого реального и воображаемого звука. «Малени», – шептали они. Призраки. Только Дарклинг оставался непоколебимым. С безмятежным лицом он осматривал организованные мной разрушения. Я стояла достаточно близко, чтобы нанести удар, но его все еще защищали теневые солдаты. У меня появилось тревожное ощущение, что он чего-то ждал.

Внезапно опричник крикнул: «Ложись!»

Люди вокруг нас упали на палубу, и воздух взорвался выстрелами.

В поле зрения появились еще два стеклянных скифа с кучей опричников. Как только они выплыли на свет, то загорелись светящимся фиолетовым огнем люмии.

– Алина, неужели ты думала, что я приду к тебе на встречу неподготовленным? – попытался перекричать хаос Дарклинг. – Неужели думала, что я не пожертвую целым флотом скифов ради своей цели?

Сколько бы он ни отправил, добрались только два. Но и их достаточно, чтобы повернуть ход событий. Я услышала вопли, крики, ответный залп наших солдат. На песке расплылось багровое пятно, и я с дрожью поняла, что одного из наших людей ранили. Это мог быть Владим. Зоя. Мал. Нужно увести их оттуда. Где же ученики? Я постаралась сосредоточиться. Нельзя, чтобы свет пропадал. У нас были канистры с люмией. Они могли убежать дальше в Каньон, но я знала, что ребята не станут этого делать. Не до тех пор, пока я на скифе Дарклинга.

Прокравшись вокруг мачт, я продолжила искать хоть какой-то намек на люк или потайную дверь.

Как вдруг плечо пронзила обжигающая боль. Вскрикнув, я упала на спину. Меня подстрелили.

Я распласталась на палубе, чувствуя, как хватка на свете ослабевает. Рядом возникло очертание Толи. Попыталась восстановить свой контроль. Толя вновь пропал, но сквозь перила начали появляться солдаты и гриши на песке. Опричники прыгнули с других скифов, намереваясь напасть, и ничего не кинулись в битву.

Меня охватила паника. С отчаянием попыталась вернуть остатки самообладания. Правая рука онемела. Я заставила себя дышать равномерно. «Хватить пыхтеть, как дикий вепрь». Если Адрик мог заклинать с одной рукой, то и я смогу.

Тамара появилась на носу корабля, испарилась, вновь замелькала. На нее набросилась ничегога. Девушка закричала, когда в ее спину глубоко впились когти.

*Нет!* Я собралась с силой и начала делать разрез, хоть и могла орудовать только одной рукой. Меня терзали сомнения, что я смогу попасть в теневого солдата, не причинив вред Тамаре, но я не собиралась просто смотреть, как она погибает.

И тут с неба спикировал еще один силуэт – прямо в гущу сражений. Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что я вижу: Николая – со звериным оскалом и распростертыми крыльями.

Он схватил когтями ничегою, которая держала Тамару, и потянул ее за голову, заставляя отпустить шуханку. Чудище извивалось и брыкалось, но Николай подлетел вверх и швырнул его во мрак. Откуда-то издалека раздались неистовые вопли – волькры. Теневой солдат больше не появлялся.

Николай спустился и полетел тараном на еще одну из ничегой Дарклинга. Я почти слышала его смех. «Что ж, раз уж я теперь монстр, то с тем же успехом могу стать королем монстров».

Внезапно мою целую руку прижали к палубе, и я ахнула. Надо мной нависал Дарклинг, больно наступив ботинком на запястье.

– Вот ты где, – произнес он своим холодным, режущим, как стекло, голосом. – Ну здравствуй, Алина.

Мой свет погас. Тьма сгустилась, освещаемая лишь жутковатым мерцанием фиолетового пламени.

Дарклинг сильнее надавил на кости моей руки, и я закричала.

– Где все ученики? – удалось процедить мне.

– Не здесь.

– Что ты с ними сделал?

– Они в целости и сохранности в Крибирске. Сейчас, наверное, как раз обедают. – Его ничегои кружили вокруг нас, образуя идеальный защитный купол из корчащихся тел – крыльев, когтей и лап. – Я знал, что угрозы будет достаточно. Ты действительно поверила, что я подвергну опасности детей-гришей, когда мы столько потеряли?

– Я думала... – Я думала, что он способен на все. «Он хотел, чтобы я поверила», – осенило меня. Показав трупы Боткина и Аны Куи, Дарклинг убедил меня в своей безжалостности.

Затем я вспомнила его слова, сказанные так давно: «Считай меня злодеем».

– Я знал, что ты подумаешь обо мне то же, что и всегда. Так ведь гораздо проще, не правда ли? Кичиться собственной праведностью.

– Я не выдумывала твои преступления.

Еще не все кончено. Мне нужно только достать кремень из рукава. Всего одна искра. Это вряд ли нас убьет, но будет чертовски больно, и это выиграет другим время.

– Где мальчишка? Заклинательница уже у меня. Теперь я хочу своего следопыта.

Слава святым, Мал по-прежнему оставался для него обычным следопытом. Моя здоровая рука сжалась в рукаве, задела край кремня.

– Я не позволю его использовать. Ни как рычаг, ни как что-либо другое.

– Лежишь на спине, верующие умирают вокруг тебя, а ты все равно дерзишь.

Он резко поднял меня на ноги. Ничегои схватили меня по бокам, и кремень выскользнул из пальцев. Дарклинг расстегнул пальто, скользнул ладонями по моему телу. Когда его рука нащупала первый пакетик взрывчатого порошка, мое сердце ухнуло вниз. Он достал его из кармана и быстро нашел второй пакетик. Затем вздохнул.

– Я чувствую твои намерения точно так же, как ты – мои, Алина. Твою безнадежную решимость, мученическую готовность. Я узнаю их даже сейчас.

Связь. Мне пришла идея. Шанс невелик, но я им воспользуюсь.

Дарклинг подкинул пакетики со взрывчатым порошком ничегою, и та улетела во тьму. Он наблюдал за мной ледяными серыми глазами, пока мы ждали, звуки сражения приглушились

вихрем теневых солдат вокруг меня. Через секунду откуда-то издалека раздался громоподобный взрыв.

Дарклинг покачал головой.

– Возможно, мне потребуется вся жизнь, чтобы сломать тебя, Алина, но я приложу к этому все усилия.

Он отвернулся, и я взялась за дело. Хватканичегой не давала использовать разрез, но я не была беспомощной. Крутанула запястьями. Фиолетовый свет люмии преломился вокруг меня. В то же время я дернула за связывающую нас нить.

Дарклинг резко поднял голову, и на долю секунды, хотьничегои по-прежнему держали мое невидимое тело, я посмотрела на него со стороны мачт. Видение девушки перед ним было абсолютно невредимым. Она подняла руки, чтобы хлестнуть разрезом. Дарклинг действовал не задумываясь – он среагировал. Это была кратчайшая секунда, маленький промежуток между инстинктом и пониманием, но его хватило. Теневые солдаты отпустили меня и кинулись защищать его. Я помчалась к перилам и прыгнула за борт скифа.

Приземлилась на раненую руку, и мое тело пронзила боль. Сзади донесся полный гнева вой Дарклинга. Я знала, что потеряла контроль над светом, а значит, стала видимой. Заставила себя шевелиться, ползти по песку, подальше от фиолетового сияния люмии. У освещаемых скифов боролись солнечные солдаты и гриши. Хэршоу погиб. Руби истекала кровью.

Я заставила себя подняться. Голова кружилась. Прижала раненую руку к груди и нырнула во мрак. Я ничего не видела, не понимала, куда иду, но направлялась глубже в черноту, пытаясь что-нибудь придумать, изобрести какой-то план. Волькры могли схватить меня в любую секунду, но я не осмеливалась призывать свет. «Думай!» – мысленно кричала на себя. У меня закончились идеи. Взрывчатого порошка больше нет. Я не могла создать разрез. Мой рукав промок от крови, шаги замедлились. Нужно найти кого-то, кто исцелит мне руку. Нужно перегруппироваться! Я не могла просто уйти от Дарклинга, как сделала в первый раз в Каньоне. С тех пор я только и делала, что бежала.

– Алина.

Я развернулась. Во тьме звучал голос Мала. «Пусть это будет какой-то обман звука», – взмолилась я. Но в то же время знала, что покров шквальных давно исчез. Как он нашел меня? Глупый вопрос. Мал всегда меня найдет.

Я ахнула, когда он взял меня за раненую руку. Несмотря на боль и риск, призвала слабое сияние и увидела его прекрасное лицо, испачканное грязью и кровью. А еще нож в ладони. Я его узнала. Он принадлежал Тамаре, это сталь гришей. Подарила ли она ему нож специально для этого момента? Или он сам ее попросил?

– Мал, не надо. Еще не все кончено...

– Нет, Алина.

Я попыталась отстраниться, но он крепко обхватил меня руками за талию, сжимая пальцы, и по нам прошел электрический разряд силы, взывая ко мне, требуя, чтобы я прошла через ту дверь. Другой рукой он вложил мне в ладонь рукоятку ножа. Свет заколебался.

– Нет!

– Не позволяй всем тем смертям быть напрасными, Алина.

– Пожалуйста...

Над шумом битвы поднялся мучительный крик. Напоминавший Зою.

– Спаси их, Алина. Я не хочу жить, зная, что мог это остановить.

– Мал...

– Спаси их. Дай мне хоть в этот раз понести тебя, – он посмотрел мне в глаза. – Покончи с этим.

Его хватка усилилась. «У нашей истории не будет конца».

Я никогда не узнаю, что руководило моей рукой: алчность или самоотверженность. Ладонь Мала направляла мою, и я воткнула нож в его грудь.

По инерции подалась вперед и споткнулась. Затем отстранилась, нож выпал из наших рук, из раны захлестала кровь, но Мал продолжал держать меня за запястье.

– Мал, – всхлипнула я.

Он закашлялся, и на его губах выступила кровь. Мал покачнулся. Я чуть не упала на спину, прижимая его к себе. Хватка на моем запястье была такой крепкой, что я испугалась, как бы у меня не сломались кости. Он резко втянул воздух, из горла раздалось влажное бульканье. Мал навалился на меня всем своим весом и потянул вниз, ни на секунду не переставая обхватывать мою руку пальцами, словно проверял пульс.

Я сразу поняла, когда он меня покинул.

На секунду вокруг наступила полная тишина, будто мир задержал дыхание... а затем взорвался белым пламенем. Уши наполнил рев, лавина звука, который сотряс песок и заставил сам воздух вибрировать.

Я кричала, пока сила затапливала меня, сжигала, поглощала изнутри. Я стала живой звездой. Возгоранием. Новым солнцем, рожденным, чтобы сотрясать воздух и пожирать землю.

*Я – сокрушение.*

Мир задрожал, расщепился, съежился.

А затем сила исчезла.

Мои глаза распахнулись. Вокруг царил густой мрак. В ушах звенело.

Я стояла на коленях. Нашупала руками тело Мала, влажную ткань пропитанной кровью рубахи.

Вскинула руки, призывая свет. Ничего не произошло. Я попыталась снова, потянувшись к силе и обнаруживая лишь ее отсутствие. Сверху послышался визг. Волькры сужали круг. Я видела вспышки огня инфернов, тусклые силуэты солдат, сражавшихся в фиолетовом сиянии скифов. Где-то Толя с Тамарой звали меня по имени.

– Мал... – горло охрипло. Я не узнавала собственный голос.

Я тянулась к свету, как однажды в недрах Белого собора, пытаюсь найти хоть слабый лучик. Но сейчас все было по-другому. Я чувствовала рану внутри себя, брешь в том месте, где было что-то целое и правильное. Я не сломлена. Я пустая.

Сжала в кулаках рубашку Мала.

– Помогите, – выдохнула я.

«Что в жизни бесконечно? Вселенная да человеческая жадность».

Что это за урок такой? Что за ненормальная шутка? Когда Дарклинг игрался с силой в сердце созидания, наградой ему послужил Каньон – место, где его сила бесполезна, мерзость, которая держала его и всю страну в рабстве на протяжении сотен лет. Значит, это мое наказание? Неужели Морозов действительно был сумасшедшим, или просто неудачником?

– Кто-нибудь, помогите! – крикнула я.

Толя с Тамарой уже бежали ко мне, Зоя плелась позади, их силуэты подсвечивались стеклянными канистрами люмии. Толя хромал. У Зои обгорела половина лица. Тамара практически полностью была покрыта кровью из ран, нанесенных ничегоей. Увидев Мала, все резко остановились.

– Верните его, – простонала я.

Близнецы опустили на колени рядом с ним, но я заметила, как они переглянулись.

– Алина... – начала Тамара.

– Пожалуйста, – всхлипнула я. – Верните его ко мне.

Тамара открыла рот Мала, пытаюсь сделать ему искусственное дыхание. Толя опустил руку ему на грудь и надавил на рану, чтобы возобновить сердцебиение.

– Нам нужно больше света, – сказал он.

Из меня вырвался сдавленный смешок. Я подняла руки, моля свет и всех когда-либо существовавших святых. Тщетно. Жест казался неестественным. Пантомимным. Во мне ничего не осталось.

– Не понимаю! – воскликнула я и прижалась влажной щекой к Малу. Его кожа уже становилась холодной.

Багра предупреждала меня: «Возможно, ты не переживешь жертву, которую потребует скверна». Но в чем был смысл этой жертвы? Ради чего мы жили – чтобы стать поучительным примером цены жадности? В этом истина безумия Морозова – в каком-то жестоком уравнении, которое взяло всю нашу любовь и скорбь и помножило их на ноль?

Это было слишком. Меня охватили ненависть, боль, печаль. Если бы сила хоть на секунду ко мне вернулась, я бы сожгла весь мир дотла.

И тут я увидела его – свет вдалеке, сияющий меч, пронзивший тьму.

Не успела я обдумать это зрелище, как появился еще один – яркий луч, разделившийся на два широких, проносящихся высоко и хаотично над моей головой.

Из тьмы всего в паре метров от меня вспыхнул поток света. Когда мои глаза привыкли, я увидела Владима – его рот открылся от изумления и недоумения, а из ладоней лился свет.

Повернув голову, я увидела, как по Каньону один за другим возникают огоньки, словно звезды в сумеречном небе. Солнечные солдаты и опричники позабыли об оружии, их лица выражали озадаченность, восторг, ужас и купались в свете.

Мне вспомнились слова Дарклинга, произнесенные на корабле, который плыл по ледяным водам Костяной тропы. «Морозов был странным человеком. Немного похожим на тебя – его тоже тянуло к обыкновенным и слабым».

У него была жена-отказница.

Он чуть не потерял дочь-отказницу.

Он считал себя единственным в мире, единственным с такой силой.

Теперь я поняла. Поняла, что он сделал. Вот в чем крылся дар трех усилителей: сила, умноженная в тысячу раз, но не в одном человеке. Сколько только что появилось новых заклинателей? Как далеко распространялось могущество Морозова?

Вокруг меня расцветали дуги и каскады света, и эта неестественная ночь поросла ярким садом. Лучи соединялись, скрещивались, и в тех местах тьма сгорала.

Каньон начал разрушаться, и тогда я услышала яростные вопли волькр. Это чудо.

Но мне было плевать. Пусть святые подавятся своими чудесами. Пусть гриши подавятся долгой жизнью и своими поучительными случаями. Мал мертв.

– Как?

Я подняла голову. Сзади стоял пораженный Дарклинг, наблюдая за невероятной картиной – как Каньон уничтожался вокруг нас.

– Не может быть. Не без жар-птицы. Третий... – он резко замолчал, и его взгляд остановился на теле Мала, а также крови на моих руках. – Не может быть, – повторил Дарклинг.

Даже сейчас, когда знакомый нам мир преобращался вспышками и всплесками света, он не мог осознать, кем Мал был на самом деле. Не хотел осознавать.

– Что это за сила?! – требовательно спросил он. Дарклинг решительно направился к нам, в его ладонях сгушался мрак, монстры завихрились вокруг хозяина.

Близнецы достали оружие. Не задумываясь, я подняла руки и потянулась к свету. Ничего не произошло.

Дарклинг уставился на меня. Опустил руки. Мотки тьмы рассеялись.

– Нет, – произнес он, впав в замешательство и качая головой. – Нет. Это не... Что ты наделала?

– Продолжайте работать, – приказала я близнецам.

– Алина...

– *Верните его ко мне!*

Я была не в себе и знала это. Они не обладали властью Морозова. Но Мал мог найти кролика даже под камнем. Мог найти север, стоя на голове. Он найдет путь обратно, ко мне.

Я резко поднялась на ноги, а Дарклинг подошел и схватил меня за горло.

– Нет... – прошептал он.

Только сейчас я поняла, что ошейник отпал. Опустила взгляд. Его куски лежали рядом с телом Мала. Мои запястья были голыми; окова тоже сломалась.

– Это неправильно, – сказал Дарклинг, и в его голосе я услышала отчаяние, новые и незнакомые страдания. Он провел пальцами по моей шее, поднял ладонь к щеке. Я не ощутила прилива уверенности. Во мне не осталось света, чтобы откликнуться на его зов. Его серые глаза всматривались в мои – сбитые с толку, чуть ли не испуганные. – Тебе было суждено стать такой, как я. Тебе предначертано... Теперь ты *никто*.

Он опустил руки. Я увидела, как его осенило. Теперь он действительно остался один. И всегда таким будет.

Глаза Дарклинга остекленели, зияющая дыра внутри него расширилась и превратилась в бесконечную черную пустошь. Спокойствие покинуло его, как и вся суровая уверенность. Дарклинг закричал от ярости.

Широко разведя руки, призвал тьму. Ничегои кинулись врассыпную, словно стая птиц, которых согнали с изгороди, и накинулись на солнечных солдат и опричников, сокращая их количество, гася лучи света, излучаемые их телами. Я знала, что боль Дарклинга бездонна. Он просто будет падать все ниже и ниже.

*Милосердие.* Понимала ли я по-настоящему, что это такое? Неужели считала, что знаю, что значит страдать? Прощать? «Пощада, – подумала я. – Для оленя, для Дарклинга, для нас всех».

Если бы мы до сих пор были связаны, он бы почувствовал, что я задумала. Мои пальцы дрогнули в рукаве пальто, закручивая клочок тени вокруг лезвия ножа – ножа, который я подняла с песка, мокрого от крови Мала. Это единственная сила, которая у меня осталась, которая никогда мне и не принадлежала. Эхо, шутка, карнавальный фокус. «Это то, что ты взяла от него».

– Мне не нужно быть гришой, – прошептала я, – чтобы владеть их сталью.

Одним движением я вонзила окутанный тенью клинок глубоко в сердце Дарклинга.

Он издал тихий звук, чуть громче выдоха. Посмотрел на рукоятку, торчащую из груди, потом на меня. Нахмурился и сделал шаг, слегка покачиваясь. Затем выпрямился.

С его уст сорвался смешок, и подбородок забрызгало кровью.

– Вот *так*?

Его ноги подкосились. Он пытался поддержать себя руками, но тщетно, и упал на спину. «Все довольно просто. Подобное притягивает подобное». Сила Дарклинга. Родная кровь Морозова.

– Голубое небо, – сказал он. Я подняла взгляд. Вдалеке виднелось тусклое мерцание, почти полностью закрытое черным туманом Каньона. Волькры отлетали от просвета, искали, где бы спрятаться. – Алина, – выдохнул Дарклинг.

Я присела рядом. Ничегои прекратили свое нападение. Они кружили и клекотали над нами, не зная, что делать. Мне показалось, что я увидела среди них Николая, мчащегося к тому голубому просвету.

– Алина, – повторил Дарклинг, пытаясь нащупать меня пальцами. Я с удивлением обнаружила, что мои глаза наполняются слезами.

Он провел костяшками по влажным дорожкам на моей щеке. Окровавленных губ коснулась легчайшая улыбка.

– Хоть кто-то будет меня оплакивать. – Дарклинг уронил руку, словно та весила слишком много. – Не надо могилы, – выдавил он, сжимая мою ладонь, – они ее осквернят.

– Хорошо, – кивнула я. Слезы пошли сильнее. «У меня ничего не останется».

Он задрожал. Его веки начали закрываться.

– Еще раз, – попросил Дарклинг. – Назови мое имя еще раз.

Он древний, я это знала. Но в эту секунду он был просто мальчишкой – гениальным, одаренным непосильным могуществом, обремененным вечностью.

– Александр.

Его веки с трепетом опустились.

– Не бросай меня одного, – пробормотал он. И его не стало.

По Каньону пролетел звук, напоминающий шумный вздох, и разметал мои волосы.

Ничегои расщепились, рассеялись, как пепел на ветру, а удивленные солдаты и гриши пялились на то место, где они были секунду назад. Раздался душераздирающий вопль, и я подняла голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как крылья Николая растворяются; тьма вытекала из него темными струйками, пока он падал на серый песок. Зоя побежала к нему, пытаясь замедлить падение восходящим потоком.

Я знала, что пора уходить. Что-то делать. Но мои ноги отказывались работать. Я лежала между Малом и Дарклингом, последними из рода Морозовых. Из пулевого ранения сочилась кровь. Коснулась кожи на шее. Она казалась голой.

Я смутно осознавала, что гриши Дарклинга отступали. Некоторые опричники тоже предпочли уйти, свет продолжал источаться из них неконтролируемыми рывками. Я не знала, куда они пойдут. Может, обратно в Крибирск, чтобы предупредить своих товарищей, что их господин мертв. А может, просто сбегут. Мне было все равно.

До меня донесся шепот Толи с Тамарой. Я не разбирала слов, но в их голосах отчетливо слышалось смирение.

– Ничего не осталось, – тихо произнесла я, чувствуя пустоту внутри себя, пустоту повсюду.

Солнечные солдаты радостно кричали и метали свет огненными дугами, сжигая Каньон. Некоторые из них залезли на стеклянные скифы Дарклинга. Другие построились в ряд и соединили свои лучи, послав каскад солнечного света сквозь тонкие клочья мрака и уничтожая Каньон пульсирующей волной.

Они плакали, смеялись, ликовали от своего триумфа, да так громко, что я почти его не услышала – тихий хрип, хрупкий, невозможный. Я попыталась не обращать на него внимания, но надежда вцепилась в меня стальной хваткой, а еще – острая тоска, чей конец стал бы моей гибелью.

Тамара всхлипнула. Толя выругался. И вот снова он: слабый, чудесный звук, когда Мал сделал вдох.

## Глава 18

Из Каньона нас отвезли на одном из скифов Дарклинга. Зоя с легкостью захватила власть на побитом стеклянном судне и заняла любопытных солнечных солдат делом, пока Толя с Тamarой поднимали нас на борт, спрятанных под тяжелыми пальто и сложенными кафтанами. Тело Дарклинга завернули в синюю мантию одного из его падших inferнов. Я дала ему клятву и намеревалась сдержать ее.

Шквальные – Зоя, Надя и Адрик – выжили и остались такими же невредимыми, как до начала битвы. Они наполнили черные паруса ветром и повезли нас над мертвым песком так быстро, как позволяла их сила.

Я лежала рядом с Малом. Он по-прежнему мучился от ужасной боли и часто терял сознание. Толя продолжал трудиться над ним, проверяя пульс и дыхание.

Где-то на скифе послышался голос Николая – сиплый и срывающийся от темной мерзости, которая владела им раньше. Мне хотелось увидеть его лицо, убедиться, что все нормально. Он наверняка сломал себе кости при падении. Но я потеряла много крови и тоже выскальзывала из реальности, мой изнуренный разум требовал забытья. Когда глаза начали слипаться, я схватила Толю за руку.

– Я умерла в Каньоне. Ты понимаешь? – Он нахмурился. Наверняка думал, что я в бреду, но мне было нужно достучаться до него. – Это – мое мученичество, Толя. Сегодня я умерла.

– Санта-Алина, – тихо произнес он и поцеловал костяшки моих пальцев – изысканный жест, достойный джентльмена, приглашающего даму на танец. Я молилась всем настоящим святым, что он меня понял.

\* \* \*

В конечном итоге друзья хорошо поработали над моей смертью и даже лучше над воскрешением Николая.

Нас вернули в Томикаяну и спрятали в амбаре за яблочными прессами – на случай, если вернуться солнечные солдаты. Николая помыли, подстригли, дали ему чай с сахаром и черствый хлеб. Женя даже нашла ему форму Первой армии. Через пару часов он уже направлялся в Крибирск вместе с близнецами, Надей и Зоей, переодевшихся в синие кафтаны, которые украли у погибших.

Придуманная ими история была довольно проста: Николай стал пленником Дарклинга, приговоренным к казни в Каньоне, но он сбежал и, с помощью заклинательницы Солнца, смог одолеть Дарклинга. Мало кто знал правду о случившемся. Битва превратилась в хаос насилия, совершаемого в почти кромешной темноте. Я подозревала, что гриши и опричники Дарклинга будут слишком заняты тем, чтобы сбежать или молить о королевском прощении, чтобы оспорить новую версию событий. В итоге вышла добротная сказка с трагическим концом – заклинательница Солнца отдала жизнь, чтобы спасти Равку и ее нового короля.

Большинство времени, проведенного мной в Томикайне, превратилось в размытое пятно: аромат яблок, шорох голубей на карнизах, вдохи и выдохи Мала, лежащего рядом. В какой-то момент нас решила проведать Женя, но я подумала, что мне это приснилось. Шрамы на ее лице остались, но большинство черных полос исчезло.

– Твое плечо тоже выглядит лучше, – улыбнулась она. – Шрамы по-прежнему на месте, но уже не такие пугающие.

– А твой глаз? – спросила я.

– Утерян навсегда. Но я уже привязалась к своей повязке. Мне кажется, она придает мне определенную лихость.

Должно быть, я задремала, поскольку уже в следующую секунду передо мной стоял Миша с мукой на руках.

– Ты что, готовил? – немного несвязно поинтересовалась я.

– Ага, имбирный пирог.

– А почему не яблочный?

– Меня уже тошнит от яблок. Хочешь помешать глазурь?

Я помнила, как кивнула, а потом вновь уснула.

\* \* \*

Поздно ночью к нам заглянули Зоя с Тамарой, чтобы рассказать новости из Крибирска. Похоже, сила усилителей распространилась до самих доков. Взрыв сбил гришей и докеров с ног, а когда из всех отказников в радиусе действия полился свет, начались беспорядки.

Увидев, что Каньон расщепляется, они осмелились зайти за его берега и присоединились к разрушению. Некоторые взяли оружие и пошли охотиться на волькр, окружая их в оставшихся ошметках Каньона и истребляя одну за другой. Поговаривали, что часть монстров сбежала, преодолев яркий свет, чтобы искать тень в другом месте. Теперь же, благодаря докерам, солнечным солдатам и опричникам, от Неморя осталось всего несколько черных струек, которые парили в воздухе или скользили по земле, как отбившиеся от стада существа.

Когда слухи о смерти Дарклинга достигли Крибирска, в военном лагере воцарился хаос... и тогда к ним явился Николай Ланцов собственной персоной. Он обжился в королевских покоях, собрал капитанов Первой армии и командиров гришей, после чего просто начал раздавать приказы. Принц мобилизовал все оставшиеся армейские подразделения, чтобы укрепить границы, послал сообщение на побережье, чтобы призвать флот Штурмхонда и, судя по всему, справился со всем этим без сна и с двумя сломанными ребрами. Никому другому не хватило бы ни способностей, ни тем более храбрости – и уж точно не младшему сыну, слывшему бастардом. Но Николай готовился к этому всю свою жизнь и обладал даром к невозможному.

– Как он? – спросила я у Тамары.

Она выдержала паузу, но потом ответила:

– Его преследуют призраки прошлого. Он изменился, хотя вряд ли это заметит кто-то другой.

– Возможно, – допустила Зоя. – Но я никогда не видела ничего подобного. Если он подключит все свое очарование, мужчины и женщины начнут кидаться ему под ноги ради чести, чтобы по ним потоптался новый равкианский король. И как ты перед ним устояла?

– Хороший вопрос, – пробормотал рядом Мал.

– Как оказалось, мне плевать на изумруды, – ответила я.

Зоя закатила глаза.

– А также на королевскую кровь, ослепительную харизму, невероятное богатство...

– Мы тебя поняли, – перебил Мал.

Я опустила голову ему на плечо.

– Все это чудесно, но моя истинная страсть – это безнадежные случаи. – Или только один. *Безнако*. Мой безнадежный случай вновь нашелся.

– Меня окружают идиоты, – вздохнула Зоя, но на ее губах играла улыбка.

Прежде чем девушки вернулись в дом, Тамара осмотрела наши раны. Мал все еще был слабым, но если учесть, через что ему пришлось пройти, этого следовало ожидать. Тамара исцелила пулевое ранение на моем плече, и, не считая легкой дрожи и боли в мышцах, я чув-

ствовала себя как новенькая. По крайней мере, так я им говорила. В том месте, где была моя сила, ощущалось ноющее отсутствие, будто фантомная конечность.

Я спала на матрасе, который затащили в амбар, а когда проснулась, Мал лежал на боку и наблюдал за мной. Он выглядел бледным, голубые глаза горели слишком ярко. Я провела рукой по шраму вдоль его челюсти, который он получил во Фьерде, когда только начал охоту на оленя.

– Что ты видел? – поинтересовалась я. – Когда...

– Когда умер?

Я легонько его пихнула, и он скривился.

– Видел Илью Морозова на единороге, играющего на балалайке.

– Очень смешно.

Он осторожно прилег на спину и подложил руку под голову.

– Ничего. Я помню только сильную боль. Казалось, будто нож загорелся внутри меня и выжигал сердце из груди. А потом – ничего. Просто тьма.

– Ты умер, – вздрогнула я. – И тогда моя сила... – мой голос сломался.

Мал выпрямил руку, и я аккуратно положила голову на его плечо, чтобы не задеть повязки на груди.

– Мне жаль, – прошептал он. – Были времена... были времена, когда я хотел, чтобы твоя сила исчезла. Но я никогда не желал тебе подобного.

– Я благодарна, что выжила. Каньона не стало. Ты в безопасности. Просто... это больно.

Я чувствовала себя жалкой. Хэршоу мертв, как и половина солнечных солдат, включая Руби. Были и другие: Сергей, Мария, Паж, Федор, Боткин, Багра. Столько жизней утеряно из-за этой войны! Их список тянулся до бесконечности.

– Утрата есть утрата, – рассудительно произнес Мал. – Ты имеешь полное право горевать.

Я уставилась на деревянные потолочные балки амбара. Даже те ошметки тьмы, которыми я владела, бросили меня. То могущество принадлежало Дарклингу и покинуло мир вместе с ним.

– Я чувствую себя опустошенной.

Мал молчал долгое время, но потом ответил:

– Я тоже. – Я поднялась на локти. Его взгляд смотрел вдаль. – Пока не отправлюсь на охоту, точно сказать не смогу, но я чувствую себя иначе. Раньше я просто знал. Даже лежа здесь, я мог бы ощутить оленя на поле, птицу на ветке, может, даже мышку в стене. Я никогда об этом не задумывался, но теперь я слышу только... тишину.

Утрата. Мне стало любопытно, как Толе с Тамарой удалось вернуть Мала. Я была готова просто назвать это чудом. Но теперь, кажется, поняла. Мал обладал двумя жизнями, но только одна принадлежала ему по праву. Вторую украли – наследие, порожденное скверной, выхваченное из творения в сердце мира. Эта сила оживила дочь Морозова, когда ее смертная жизнь оборвалась; сила, которая скрывалась в костях Мала. Она стучалась в его крови, и эта похищенная частица созидания сделала его таким выдающимся следопытом. Сила связывала его с каждым живым созданием. Подобное притягивает подобное.

А теперь она исчезла. Жизнь, украденная Морозовым и отданная его дочери, достигла своего апогея. Жизнь, с которой Мал родился – хрупкая, смертная, временная, – принадлежала только ему. Утрата. Это цена, которую мир требовал за баланс. Но Морозов не мог знать, что человек, который раскроет тайны его усилителей, не будет каким-то древним гришом, прожившим тысячи лет и уставшим от своего могущества. Он не мог знать, что все сведется к двум сиротам из Керамзина.

Мал взял меня за руку и прижал ее к своей груди.

– Как думаешь, ты сможешь стать счастливой? – спросил он. – С издержанным следопытом?

Я улыбнулась. Дерзкий, очаровательный, храбрый и опасный Мал. Неужели в его голос прокралось сомнение? Я ласково его поцеловала.

– Если ты сможешь быть счастливым с человеком, который вонзил нож в твою грудь.

– Я помогал. И я уже говорил, что могу справиться с плохим настроением.

Я не знала, что будет дальше, кем мне теперь быть. У меня ничего не было, даже моя одежда принадлежала кому-то другому. И все же, лежа в амбаре, я осознала, что не боюсь. После всего пережитого во мне не осталось страха – грусть, благодарность, может, даже надежда, но страх поглотили боль и трудности. Святой больше нет. Заклинательницы тоже. Я снова обычная девушка, но та, которая не обязана своей силой судьбе, случаю или высшей цели. С силой я родилась, а все остальное – заслужила.

– Мал, тебе нужно быть осторожным. Вдруг история об усилителях просочится? Люди могут подумать, что ты до сих пор обладаешь могуществом.

Он покачал головой.

– Мальен Оретцев умер вместе с тобой, – его слова настолько вторили моим мыслям, что у меня волосы на руках встали дыбом. – С той жизнью покончено. Может, в следующей я буду умнее.

Я фыркнула.

– Поживем – увидим. Знаешь, нам ведь придется выбрать новые имена.

– Миша уже готовит список вариантов.

– О, святые...

– Тебе-то что жаловаться? Вот я, судя по всему, буду Дмитрием Думкиным.

– Тебе идет.

– Должен предупредить тебя, что я веду учет всех твоих оскорблений, чтобы отплатить сполна, когда выздоровею.

– Полегче с угрозами, Думкин. А не то я расскажу Апрату о твоём чудесном исцелении, и он тоже обратит тебя в святого.

– Пусть попробует, – ухмыльнулся Мал. – Я не намерен тратить свои дни на святые начинания.

– Нет?

– Не-а, – он прижал меня ближе. – Остаток жизни я планирую добиваться одной белокурой девушки. Она очень вспыльчивая и то и дело набивает мою обувь пометом или пытается меня убить.

– Звучит утомительно, – выдавила я, когда наши губы соприкоснулись.

– Она того стоит. И быть может, однажды она позволит мне привести ее в часовню.

Я содрогнулась.

– Не люблю часовни.

– Но я же обещал Ане Куе, что женюсь на тебе.

Я расхохоталась.

– Ты это помнишь?

– Алина, – Мал ласково поцеловал шрам на моей ладони, – я все помню.

\* \* \*

Пришло время покинуть Томикаяну. У нас была всего одна ночь на восстановление, но новости об уничтожении Каньона быстро распространялись, и вскоре могли вернуться хозяева фермы. И хоть я больше не заклинательница Солнца, у меня еще оставались дела, которые нужно закончить прежде, чем я навеки похороню Санкту-Алину.

Женя принесла нам чистую одежду. Мал проковылял за яблочные прессы, чтобы переодеться, пока она помогла мне натянуть простую блузку и сарафан. Крестьянская одежда, даже не военная.

Однажды в Малом дворце Женя вплетала золото мне в волосы, но теперь мне были необходимы более радикальные изменения. Она использовала пузырек с гематитом и пучок ярких петушиных перьев, чтобы временно изменить мой легко узнаваемый белый цвет волос, а затем для верности обвязала мне голову платком.

Мал вернулся в тунике, штанах и простом пальто. На голову надел черную шерстяную шляпу с узкими краями. Женя сморщила носик.

– Ты похож на фермера.

– Бывало и хуже, – он присмотрелся ко мне. – У тебя рыжие волосы?

– Временно.

– И они ей почти идут, – добавила Женя, уходя из амбара. Эффект пройдет через пару дней без ее помощи.

Женя с Давидом поедут отдельно, чтобы встретиться с гришами, собирающимися в военном лагере в Крибирске. Они предложили взять с собой Мишу, но он предпочел пойти со мной и Малом. Сказал, что за нами нужно приглядывать. Мы надежно спрятали его золотое солнце и набили карманы сыром для Накошки. А затем двинулись в путь по серому песку, который однажды был Каньоном.

Нам легко удалось смешаться с толпой, приезжающей и уезжающей из Равки. Среди нее были семьи, группы солдат, дворяне и крестьяне. Дети прыгали по обломкам скифов. Люди собирались спонтанными группками. Они целовались и обнимались, передавали по кругу бутылки кваса и запеченный хлеб с изюмом, а еще приветствовали друг друга восклицаниями: «Юнейхость!» Единство.

Но и в празднике хватало горя. В руинах того, что однажды было Новокрибирском, царил тишина. Большинство зданий рассыпались в пыль. От улиц остались только слабые намеки, все краски практически обесцветились до серого. Круглый каменный фонтан по центру города теперь походил на полумесяц, поглощенный темным могуществом Каньона. Старики бродили по странным развалинам и тихо переговаривались. Даже за границами разрушенного города плакальщики оставляли цветы на обломках скифов и строили маленькие алтари в корпусах.

Повсюду встречались люди в одежде с вышитым двуглавым орлом, которые несли знамена и размахивали равкианским флагом. Девушки заплетали голубые и золотые ленты в волосы, и до меня доносился шепот о муках, которые пришлось вынести бравому юному принцу от рук Дарклинга.

Они часто упоминали мое имя. Пилигримы наводняли Каньон, чтобы посмотреть на это чудо и помолиться Санкте-Алине. Торговцы снова начали выставлять лотки с тем, что, по их утверждениям, было моими костями. Мое лицо смотрело на меня с разрисованных поверхностей деревянных иконок. Но это была не совсем я. Та девушка выглядела красивее, с круглыми щечками и безмятежными карими глазами, рога ошейника Морозова покоились на ее тонкой шее. Алина из Каньона.

На нас никто не обращал внимания. Мы не дворяне, не солдаты Второй армии, не члены новой странной группы заклинателей. Мы – безмянные, обыкновенные странники.

Кампания в Крибирске шла полным ходом. Судоходные доки ярко горели разноцветными лампочками. Люди пили и пели на палубах скифов. Толпились на ступеньках в казармы и совершали налет на палатку с едой. Я заметила желтый флаг палатки картографов, и хоть часть меня скучала по ней, хотела вернуться, вдохнуть знакомый запах чернил и старой бумаги, я не могла рисковать тем, что один из картографов меня узнает.

Городские бордели и таверны бурно развивали свой бизнес. На центральной площади устроили спонтанные танцы, хотя чуть дальше по улице стояла старая церковь, в которой собралась толпа, чтобы зачитать имена на стенах и зажечь свечки в память об усопших. Я остановилась, чтобы зажечь одну за Хэршоу, затем еще одну и еще. Ему бы понравились эти огоньки.

Тамара сняла нам комнату в одном из самых уважаемых постоялых дворов. Я оставила там Мала с Мишей, пообещав вернуться к наступлению ночи. Новости из Ос Альты не вносили особой ясности, и мы так пока и не получили информации о маме Миши. Я знала, что он наверняка надеется на лучшее, но мальчик не проронил ни слова об этом, только торжественно пообещал приглядывать за Малом в мое отсутствие.

– Почитай ему религиозные притчи, – прошептала я Мише. – Он их *обожает*.

Мне едва удалось увернуться от полетевшей в голову подушки.

\* \* \*

В королевскую казарму я пошла не сразу, предпочтя прогуляться дорогой, которая вела мимо места, где однажды стоял шелковый шатер Дарклинга. Я предполагала, что он снова его возведет, но поле пустовало, и дойдя до покоев Ланцовых, я быстро поняла почему. Дарклинг обжился там. Его черное знамя свисало с окон, а вырезанный рисунок двуглавого орла над дверью сменили солнцем в затмении. Теперь рабочие снимали черные шелка и меняли их на равкианские сине-золотые. Внизу установили тент, чтобы собирать штукатурку, в то время как солдат бил крупным молотком по каменному символу над дверью, превращая его в пыль. Толпа разразилась радостными криками. Я не могла разделить их восторг. Несмотря на все его преступления, Дарклинг любил Равку и жаждал ответной любви.

Я нашла стража у входа и попросила привести Тамару Кир-Батар. Он окинул меня презрительным взглядом, видя перед собой тощую крестьянку, и на секунду я вспомнила слова Дарклинга: «Теперь ты *никто*». Девушка, которой я была раньше, ему бы поверила. Девушка, которой я стала, была не в настроении.

– Ну, чего стоим, кого ждем? – рявкнула я. Солдат часто заморгал и пришел в действие. Через пару минут близнецы уже спускались ко мне по лестнице.

Толя заключил меня в медвежьи объятия.

– Это наша сестра, – объяснил он любопытному стражу.

– Наша сестра? – прошипела Тамара, как только мы вошли в казарму. – Она вообще на нас не похожа! Напомни мне никогда не позволять тебе работать в разведке.

– У меня есть дела и получше, чем распространять слухи, – задрал нос он. – Кроме того, она *действительно* нам как сестра.

Я проглотила комок в горле.

– Я не вовремя?

Тамара помотала головой.

– Николай закончил собрание пораньше, чтобы люди могли посетить... – ее голос затих. Я кивнула.

Они повели меня по коридору, завешанному военными орудиями и картами Каньона. Теперь их придется перерисовывать. Интересно, порастет ли когда-нибудь этот омертвевший песок?

– Ты останешься с ним? – поинтересовалась я у Тамары. Николай отчаянно нуждался в людях, которым можно доверять.

– На какое-то время. Надя хочет остаться, да и некоторые солдаты из двадцать второго все еще живы.

– Невский?

Она покачала головой.

– Стиггу удалось выбраться из Прялки?

Снова покачала. Были и другие, о ком стоило бы разузнать – список жертв, который я боялась зачитывать, – но это подождет.

– Я, возможно, тоже останусь, – сказал Толя. – Зависит от...

– Толя! – резко оборвала его сестра.

Тот покраснел и пожал плечами.

– Просто зависит.

Мы дошли до тяжелых двойных дверей, чьи ручки были сделаны в форме голов двух кричащих орлов.

Тамара постучала. В комнате было темно, горел только огонь в камине. Мне потребовалась секунда, чтобы найти Николая в этом полумраке. Он сидел перед камином, его отполированные сапоги были закинута на пуфик для ног. Рядом с ним стояла большая тарелка с едой и бутылка кваса, хотя я знала, что он предпочитает бренди.

– Мы будем снаружи, – сказала Тамара.

Когда дверь захлопнулась, Николай вздрогнул. Затем вскочил на ноги и поклонился.

– Прости. Я потерялся в собственных мыслях, – тут он улыбнулся и добавил: – Это для меня незнакомая территория.

Я прислонилась к стене. Необычное поведение. Замаскированное щедрой долей очарования, но все равно необычное.

– Тебе необязательно это делать.

– И все же, – улыбка слетела с его губ. Он указал на кресла у камина. – Присоединишься ко мне?

Я пересекла комнату. Длинный стол был завален документами и стопками писем, заклеенных королевской печатью.

На кресле лежала открытая книга. Николай убрал ее, и мы уселись.

– Что читаешь?

Он глянул на название.

– Одну из военных историй Каменского. На самом деле я просто хотел пробежаться взглядом по тексту.

Он провел пальцами по обложке. На его руках было множество порезов и царапин. Хотя мои шрамы и посветлели, Николая Дарклинг осквернил по-иному. Вдоль каждого пальца шли блеклые черные линии там, где когти прорвались сквозь кожу. Ему придется выдавать их за признаки пыток, которые он пережил, пока был пленником Дарклинга. В каком-то смысле это правда. Радует хотя бы то, что остальные отметины вроде как сошли.

– Я не мог читать, – продолжил он. – Когда был... я видел таблички на витринах, надписи на ящиках. Мне был непонятен их смысл, но я помнил достаточно, чтобы знать, что это не просто царапины на стене.

Я устроилась поудобнее в кресле.

– Что еще ты помнишь?

Его светло-карие глаза стали задумчивыми.

– Слишком многое. Я... я до сих пор ощущаю тьму внутри себя. Все надеюсь, что она уйдет, но...

– Понимаю, – кивнула я. – Тебе уже легче, но она по-прежнему там. – Как тень на сердце. Я не знала, что это говорит о силе Дарклинга, и не хотела об этом задумываться. – Может, со временем она исчезнет.

Николай сжал переносицу двумя пальцами.

– Не таким народ Равки хочет видеть своего короля. Не такого они от меня ждут.

– Дай себе возможность исцелиться.

– Все за мной наблюдают. Их нужно успокоить. Фьерданцы или шуханцы не заставят себя долго ждать, скоро они выступят против меня.

– И что будешь делать?

– Мой флот остался цел, слава святым и Петру, – он имел в виду офицера, которого оставил за главного, когда отказался от звания Штурмхонда. – Они смогут нейтрализовать Фьерду на какое-то время, да и в гавани уже стоят корабли снабжения с поставками оружия. Я послал весточку в каждый действующий военный аванпост. Мы сделаем все возможное, чтобы укрепить наши границы. Завтра я отправлюсь в Ос Альту, и мои эмиссары уже в пути, чтобы вернуть ополченцев под флаг короля, – он тихо засмеялся. – Мой флаг.

Я улыбнулась.

– Только представь, сколько тебя ждет поклонов и лобызаний в будущем.

– Да здравствует пиратский король!

– Корсар.

– Чего ходить вокруг да около? Скорее «Король-бастард».

– Вообще-то, тебя уже зовут «*Королем резни*». – Я слышала, как люди на улицах Крибир-ска шептали: «Король шрамов».

Он резко поднял голову.

– Думаешь, они знают?

– Сомневаюсь. Но ты привык к слухам, Николай. И это может послужить тебе на пользу.

Он поднял бровь.

– Я знаю, что тебе нравится, когда тебя любят, – сказала я, – но определенная доля страха тоже не помешает.

– Это Дарклинг тебя научил?

– И ты. Никак не могу забыть одну историю о пальцах фьерданского капитана и голодном псе.

– В следующий раз предупреждай, если слушаешь. Я буду меньше болтать.

– Что ж ты раньше не сказал!

Его губы расплылись в слабой улыбке. Затем Николай нахмурился.

– Мне следует предупредить тебя... сегодня здесь будет Апрат.

Я выпрямилась.

– Ты помиловал священника?

– Пришлось. Мне нужна его поддержка.

– Предложишь ему место при дворе?

– Мы на этапе переговоров, – с горечью произнес он.

Я могла предоставить ему всю имевшуюся информацию об Апрате, но что-то мне подсказывало, что больше всего поможет местонахождение Белого собора. К сожалению, Мал единственный, кто мог бы найти дорогу обратно, но я сомневалась, что это все еще возможно.

Николай лениво крутанул бутылку кваса.

– Еще не поздно, – сказал он. – Ты могла бы остаться. Вернуться со мной в Большой дворец.

– И что я буду там делать?

– Преподавать, помогать мне восстанавливать Вторую армию, валять дурака у озера?

Вот на что намекал Толя. Он надеялся, что я вернусь в Ос Альту. Мне было больно даже думать об этом.

Я покачала головой.

– Я не гриш и определенно не дворянка. Мне не место при дворе.

– Ты могла бы остаться со мной, – тихо произнес Николай, продолжая вертеть бутылку. – Мне по-прежнему нужна королева.

Я встала с кресла и толкнула его ноги с пufика, присаживаясь на низенький стул, чтобы взглянуть ему в глаза.

– Я больше не заклинательница Солнца, Николай. Я даже не Алина Старкова. Мне *не хочется* туда возвращаться.

– Но ты понимаешь... это. – Он похлопал себя по груди.

Да. Скверна. Тьма. Ее можно одновременно ненавидеть и жаждать.

– Я стану только обузой. Власть обязывает, – напомнила я.

– Обожаю, когда ты меня цитируешь, – он вздохнул. – Жаль, что я такой чертовски мудрый.

Я засунула руку в карман и положила изумруд Ланцовых на колено Николая. Женя вернула его мне, когда мы покидали Томикаяну.

Он поднял его, покрутил. Зеленый камень засверкал в свете пламени.

– Значит, шуханская принцесса? Пышногрудая фьерданка? Дочь керчийского магната? – он протянул мне кольцо. – Оставь себе.

Я уставилась на него.

– Сколько же кваса ты выпил?!

– Нисколько. Оставь его себе. Пожалуйста.

– Николай, я не могу...

– Я перед тобой в долгу, Алина. Как и вся Равка. Это меньшее, что я могу тебе предложить. Займись благотворительностью, выкупи оперный театр или смотри на кольцо с тоской во взгляде, когда будешь думать о прекрасном принце, который мог стать твоим. К твоему сведению, я бы выбрал последний вариант, желательно в сочетании с обильными слезами и декламацией отвратительных стихов.

Я рассмеялась.

Николай взял меня за руку и вложил в нее кольцо.

– Возьми его и построй что-то новое.

Я повертела кольцо на ладони.

– Я подумаю об этом.

Он закатил глаза.

– Что у тебя за проблемы со словом «да»?

На глаза накатились слезы, и я часто заморгала.

– Спасибо.

Николай отклонился.

– Мы были друзьями, не так ли? Не просто союзниками?

– Не будь дураком, Николай. Мы и *сейчас* друзья. – Я стукнула его по колену. – Итак, теперь мы с тобой обсудим некоторые вопросы по Второй армии. А затем ты пойдешь смотреть, как я горю.

\* \* \*

По пути к докам я ускользнула и нашла Женю. Они с Давидом ютились в палатке фабрикатов на восточной стороне лагеря. Когда я вручила ей запечатанное письмо с равкианским двуглавым орлом, она замерла, держа его так осторожно, словно к тяжелой бумаге было опасно прикасаться.

Девушка погладила восковую печать, ее пальцы слегка дрожали.

– Это...?

– Помилование.

Она разорвала конверт, а затем прижала бумажку к себе.

Давид поинтересовался, не отрывая взгляда от рабочего стола:

– Нас посадят в тюрьму?

– Пока нет, – ответила Женя, смахивая слезы. – Спасибо. – Тут она нахмурилась, поскольку я вручила ей второе письмо. – Это что?

– Предложение о работе. – Мне пришлось долго убеждать Николая, но в конечном итоге он увидел смысл в моих словах. Прочистила горло. – Равка по-прежнему нуждается в своих гришах, а гриши все еще нуждаются в пристанище в этом мире. Я хочу, чтобы ты руководила Второй армией. Вместе с Давидом. И Зоей.

– Зоей?! Это мое наказание?

– Она сильная, и мне кажется, что в ней есть задатки хорошего лидера. Или же она превратит твою жизнь в кошмар. Вероятно, и то, и другое.

– Почему мы? Дарклинг...

– Дарклинга больше нет, как и заклинательницы Солнца. Теперь гриши могут сами собой управлять, и я хочу, чтобы были представлены все ордены: эфиреалы, субстанциалы и ты... как корпориа́л.

– Я ненастоящий корпориа́л, Алина.

– Когда у тебя была возможность, ты выбрала красный. И я надеюсь, что это разделение перестанет иметь значение, если гришами будет руководить кто-то из своих. Все вы могущественны. Все вы знаете, каков соблазн силы, статуса или знаний. Кроме того, вы все герои.

– Они последуют за Зоей, может, даже за Давидом...

– Гм-м? – рассеянно спросил он.

– Не обращай внимания. Тебе придется снова посещать собрания.

– Ненавижу собрания, – пробубнил он.

– Алина, – обратилась Женя. – Я сомневаюсь, что они последуют за мной.

– Так *заставь* их, – я коснулась ее плеча. – Помни, храбрая и несокрушимая.

Ее лицо медленно расплылось в улыбке, и девушка подмигнула.

– И изумительная.

Я просияла.

– Так ты согласна?

– Согласна.

Я крепко обняла подругу. Она рассмеялась, затем заправила локон, выбившийся из моего платка.

– Цвет уже блекнет, – заметила она. – Может, освежим тебя?

– Завтра.

– Завтра, – согласилась Женя.

Я еще раз ее обняла, а затем выскользнула под остатки дневного света.

\* \* \*

Я бродила по лагерю, следуя за толпой мимо доков к пескам того, что еще недавно было Неморем. Солнце почти село, наступали сумерки, но не заметить погребальный костер было невозможно – огромный бугор из веток березы, сплетающихся, как белые конечности.

Я увидела уложенную сверху девушку, и по мне прошла дрожь. Ее волосы рассыпались вокруг головы белым ореолом. На ней был сине-золотой кафтан, шею сковывал ошейник Морозова, оленьи рога казались серебристо-серыми на фоне кожи. Какую бы проволоку ни использовали фабрикатеры, чтобы скрепить кусочки, она была скрыта из виду.

Мой взгляд прошелся по ее лицу – моему лицу. Женя проделала необычайную работу. Все черты выглядели идентичными моим – форма носа, абрис челюсти. Татуировка на щеке исчезла. От Руби почти ничего не осталось – солнечного солдата, который стал бы заклинателем, если бы не погиб в Каньоне. Она умерла обычной девушкой.

Мне претило использовать ее тело подобным образом, ведь тогда ее семье будет нечего хоронить. Но Толя меня переубедил. «Она верила, Алина. Даже если тебе это не нравится, позволь ей исполнить свой последний акт веры».

Рядом с Руби лежало тело Дарклинга в черном кафтане.

«Кто привел его в порядок?» – гадала я, чувствуя, как в горле появляется комок. Кто так аккуратно зачесал назад его черные волосы? Кто сложил его элегантные руки на груди?

Кто-то в толпе жаловался, что Дарклинг не должен делить погребальный костер со святой. Но мне это казалось правильным, а народ должен был увидеть конец нашей истории.

Оставшиеся солнечные солдаты собрались вокруг костра, их голые спины и грудь были украшены татуировками. Среди них стоял Владим со склоненной головой, выпуклая плоть его клейма очерчивалась сиянием огня. Многие плакали. Николай стоял поодаль, безукоризненный в своей армейской форме. Сбоку от него появился Апарат. Я натянула платок на голову.

Взгляд Николая на секунду сомкнулся с моим с другой части круга. Он подал сигнал. Апарат поднял руки. Инферны чиркнули кремнями. Пламя взлетело ослепительной дугой, как шустрые воробьи кружа и разделяясь между ветками, облизывало сухой трут, пока тот не задымился и не загорелся.

Пламя росло, его язычки мерцали, поглощая листья большого золотого дерева. Стоны и рыдания толпы вокруг меня стали громче.

«Санкта, – кричали они. – Санкта-Алина!»

Глаза защищало от дыма. Появился неприятный приторный аромат.

«Санкта-Алина!»

Никто не знал, проклинать его имя или восхвалять, поэтому я произнесла его тихо, на одном дыхании.

– Александр, – прошептала я. Имя мальчика – отринутое и почти забытое.

## Эпилог

На побережье Западной Равки, к югу от Ос Керво, на берегах Истиноморя стояла часовня. Тихое местечко, двери которого почти облизывали волны. Отбеленные стены были усеяны ракушками, а купол, паривший над алтарем, больше напоминал синие морские воды, чем небеса.

У них не было ни грандиозного венчания, ни контракта или выкупа невесты. У девочки с мальчиком не осталось семей, которые суеились бы над ними, водили в ближайший городок, устраивали в их честь застолья. На невесте не было ни кокошника, ни золотого платья. Единственными свидетелями стали рыжая кошка, забившаяся между скамьями, и мальчик с деревянным мечом, который остался сиротой. Ему пришлось встать на табуретку, чтобы держать короны из веток над их головами, пока священник благословлял пару. Они назвали выдуманные имена, но клятвы дали настоящие.

\* \* \*

В мире все еще разражались войны и появлялись сироты, но здание, построенное на руинах Керамзина, полностью отличалось от предыдущего. Теперь оно не было княжеским поместьем, полным вещей, которые нельзя трогать. Теперь оно стало домом для детей. Крышку пианино в музыкальном классе никогда не закрывали. Дверь кладовой оставалась открытой. В спальнях всегда горели лампочки, чтобы разгонять тьму.

Слуги этого не одобряли.

Ученики были слишком шумными. На сахар для чая, уголь на зиму, книги, в которых содержались одни лишь сказки, тратилось слишком много денег. И зачем каждому ребенку новая пара коньков?

Юные. Богатые. Вероятно, ненормальные. Вот что шептали о паре, управляющей приютом. Но они платили сполна, а мальчишка источал такое очарование, что на него было невозможно злиться, даже когда он отказывался пороть какого-то проказника, оставившего грязные следы по всей прихожей.

Поговаривали, что он дальний родственник князя, и хотя мальчик хорошо умел вести себя за столом, было в нем что-то и от солдата. Он учил детей охотиться и расставлять ловушки, а также новым методам ведения сельского хозяйства, которые предпочитал король Равки. Сам же князь поселился в своем зимнем имении в Ос Альте. Последние годы войны плохо отразились на его здоровье.

Девочка изменилась – хрупкая, странная, с белыми волосами, которые оставались распущенными, как у незамужней женщины. Казалось, она абсолютно не обращала внимания на сердитые взгляды и неодобрительное цоканье языком преподавателей и слуг. Она рассказывала ученикам причудливые небылицы о летающих кораблях и подземных замках, о чудовищах, которые пожирали землю, и о птицах, летающих на огненных крыльях. Девочка часто ходила по дому босая, а в коридорах постоянно витал запах свежей краски, поскольку она безудержно обновляла дом, рисуя карту на стенах одного из кабинетов или покрывая потолок в комнате учениц ирисами.

– Художник из нее так себе, – заметил один из преподавателей.

– Но у нее определенно богатое воображение, – ответил второй, скептически поглядывая на белого дракона, свернувшегося вокруг перил лестницы.

Ученики изучали математику и географию, науку и искусство. Из местных городов и поселков привезли мастеров, чтобы обучать их ремеслу. Новый король надеялся отменить при-

звив через пару лет, и если он преуспеет, каждому равкианцу потребуется начать свое дело. Когда у детей выявляли способности гришей, им разрешалось выбирать, поедут ли они в Малый дворец или нет, но в любом случае двери Керамзина всегда оставались для них открытыми. По ночам их просили упоминать в своих молитвах имя юного короля – Короля шрамов, который сделает Равку сильной.

\* \* \*

Даже если мальчик с девочкой не были дворянского происхождения, у них определенно имелись друзья из высших слоев общества. Им часто приходили подарки, иногда отмеченные королевской печатью: набор атласов для библиотеки, плотные шерстяные одеяла, новые сани и пара одинаковых белых лошадей для них. Однажды к ним приехал мужчина с флотом игрушечных лодок, и дети тут же устроили мини-регату в ручье. Преподаватели отметили, что незнакомец был юным и красивым, с золотистыми волосами и светло-кариими глазами, но определенно странным. Он остался на ужин и ни разу за вечер не снял перчатки.

Каждую зиму, во время празднования Святого Николая, по заснеженной дороге проезжали сани, запряженные тройкой лошадей, и из них выходили три гриша в мехах и плотных шерстяных кафтанах – красном, фиолетовом и синем. Их сани были загружены подарками: инжиром с абрикосами, пропитанными медом, кулками ореховых сладостей, перчатками, отороченными мехом норки, и сапогами из мягкой, как масло, кожи. Они засиживались допоздна, намного позже того, когда дети ложились спать, и беседовали, смеялись, рассказывали истории, ели маринованные сливы и жарили сосиски из баранины на огне.

В первую зиму, когда друзьям пришло время уезжать, девочка вышла под снег, чтобы попрощаться, и роскошная шквальная со смольными волосами вручила ей еще один подарок.

– Синий кафтан, – сказала учительница математики, качая головой. – И что она будет с ним делать?

– Может, она знала погибшего гриша, которому он принадлежал, – предположила повариха, заметив, как на глаза девочки навернулись слезы. Они не видели записки, в которой было сказано: *«Ты всегда будешь одной из нас»*.

Мальчик и девочка оба познали потери, и горе никогда их не покидало. Иногда он обнаруживал ее у окна, играющей с лучиками света, которые лились через стекло, или сидящей на ступеньках приюта и глядящей на пень дуба неподалеку от ворот. Тогда мальчик крепко ее обнимал и вел к берегу пруда Тривка, где жужжали насекомые, высоко росла сладкая трава, и где забывались старые раны.

Девочка тоже видела его грусть. Хотя лес по-прежнему приветствовал мальчика, теперь они перестали быть связанными врожденными узами, которые сгорели в тот же момент, когда он отдал жизнь ради девочки.

Но уже через час преподаватели ловили парочку на том, что они хихикали в темном коридоре или целовались у лестницы. Да и кроме того, у них было слишком много забот, чтобы долго печалиться. Нужно было вести уроки, готовить еду, писать письма. По вечерам мальчик приносил девочке чай с цветком яблони, плавающим в голубой чашке, и кусочек лимонного пирога. Он целовал ее в шею и нашептывал ласковые слова на ухо: красавица, любимая, заветная, мое сердце.

Они прожили заурядную жизнь, полную заурядных событий – если любовь можно так назвать.

## Благодарности

Пару лет назад я начала путешествие во тьму вместе с девочкой, у которой на то время еще не было имени. Мне повезло быть знакомой с людьми, которые поддерживали меня и подбадривали на каждом шагу.

### КОМАНДА «НАУКА»(!)

Самое забавное в трюке Алины с преломлением света то, что это один из некоторых научных фактов, которые упоминаются в этих книгах. В нашем мире он называется «эффект плаща-невидимки» (что в высшей степени меня радует). Погуглите и приготовьтесь взорвать себе мозг. Эту идею предложил мне Питер Байбринг, и Томикаяна названа в честь его дочери Айрис Томмико. Харпер Сейко: обещаю, твое имя будет в следующей книге. Также хотелось бы поблагодарить жену Питера, Мишель Тихару – мою любимую подругу и прекрасную писательницу. Когда «Генри Холт» выкупил трилогию «Гриши», я танцевала на ее кухне. Это не эвфемизм. Огромная благодарность Джону Уильямсу за искру идеи, которая привела к акустическому покрову.

### КОМАНДА СЛОВОБЛУДОВ

Мы с Ноем Уилером спорили из-за названий, сблизилась из-за книг и сдружилась из-за клеток. Спасибо, что превратил этот тяжелый труд в веселье. Также огромное спасибо Джону Ягеду, Джин Фейвел, Лауре Годвин, Ангусу Киллику, Элизабет Фитиан, Люси дель Прайор, Эйприл Вард, Ричу Диасу, Эллисон Верость, неутомимой терпеливой Молли Брюлле и замечательной Ксении Винницкой с Кейтлин Свини, которые сделали все возможное, чтобы продвинуть трилогию в интернете. Еще хотелось бы выразить особую благодарность Веронике Рот, Джону Пикасио, Майклу Скотту, Лорен Де Стефано и Рикку Риордану за то, что были так добры ко мне и этим книгам.

### КОМАНДА «НЬЮ-ЛИФ»

Спасибо Джоанне Вольп – гениальному агенту и замечательной подруге. В особенности за то, что напугала меня до чертиков в номере отеля в Белфасте. Спасибо Кейтлин Ортиз, что сделала «Гришей» международной серией и что терпела мой абсурдный подход к договорам и планируемым поездкам; Пое Шабазияну за то, что смеялся над моими дурацкими шутками и помогал освоить дебри Голливуда; а еще Даниэль Бартель и Джейде Темперли за то, что пошли на баррикады, вооружившись изяществом и хорошим юмором.

### КОМАНДА КРУТЫХ ДАМОЧЕК

Морган Фахи была замечательной читательницей, составляла мне компанию в ночных чатах, а еще веселила по электронной почте. Спасибо, что столько раз не давала Лийоре прыгнуть с обрыва. Сара Мисл помогла мне со многими сюжетными трудностями, и я никогда не забуду наш бункер-чат в новогоднюю ночь – «Скаймол»! Кейт Гаффар, aka Императрица Свэга, aka Мастер-Фабрикатор, aka Мисс Всезнайка: не знаю, что бы я без тебя делала в качестве заговорщицы и наперсницы. Премного благодарностей Синди Пон, Мари Руткоски, Робин Вассерман, Эми Кауфман, Дженнифер Раш, Саре Риз Бреннан, Кассандре Клэр и Мэри Лю за поддержку, сплетни и вдохновение. А также Эмми Лейбурн, Джессике Броди и Анне Бэнкс – у меня такое впечатление, что мы вместе побывали в летнем лагере или же на войне, и я наслаждалась каждой минутой. Особая благодарность Холли Блэк, которая сломала меня и построила заново за время поездки на такси. Народ, эта женщина всемогущая! Это так, к слову.

### **КОМАНДА «ЛОС-АНДЖЕЛЕС»**

Выражаю огромную любовь и благодарность Рэю Тежаде, Остину Уилкину и Рейчел Тежаде с ю-туб канала «Ocular Curiosity» (ака Лиги Непостижимого Веселья!). Дэвид и Эрин Питерсон, моя любимая могущественная парочка, – спасибо, что так щедро делились своим временем и талантом. Рэйчел Мартин готовит чертовски классные энергетические булочки, а Робин Бэйкон именно та женщина, которой следует довериться, когда дело касается ПРАВОСУДИЯ. Джимми Фриман баловала меня добротой, подбадриванием и своим гостеприимством. Гретхен Макнейл была мне изумительной соседкой по комнате на конвенциях и, как для такой Марианны, давала удивительно хорошие советы. Огромная благодарность Дэну Брауну, Брэндону Харви, Лиз Гамильтон, Джошу Каменски, Хизер Джой и малышке Фиби, Аарону Уилсону и Лауре Реччи, Майклу Пессу, абсурдно крутой Кристине Стрейн, Роми Кортьеру, Трэйси Тейлор, Лорен Мессии, Мел Кейн, Майку ДиМартину и Курту Матилла, который заново посадил меня на комиксы. Брэй Фарвелл, ты не живешь в Лос-Анджелесе, но ни в какую другую категорию не вписываешься. Негодяй!

### **КОМАНДА ПРОМОУТЕРОВ**

Огромное спасибо библиотекарям, преподавателям, блогерам и книготорговцам, которые помогли этим книгам найти своих читателей. И, как обычно, лучи любви «Братству без знамен», которые приняли меня в один из самых добрых и щедрых фандомов. А еще они устраивают лучшие вечеринки.

### **КОМАНДА «ТАМБЛЕР»**

Некоторые люди начали поддерживать трилогию «Гришей» загодя, и им необходимо воздать должное: Ирен Кох, которая изменила мой взгляд на собственных персонажей; Кире, ака дажечастытебялюбилаетого, которая начала рано и часто продвигать серию; замечательным дамам из Армии Гришей; Эмили Пёрсел, Лауре Мальдонадо, Елене из «Novelsounds», Лауре и Кайре, а также Мэделин Мишо, которая задает лучшие вопросы. Есть еще много людей, которые создавали арты, фанмиксы, фанфики, болтали со мной, вдохновляли и заставляли двигаться дальше. Спасибо, что сделали это путешествие таким волшебным.

### **КОМАНДА «СЕМЬЯ»**

Кристин, Сэм, Райан, Эмили – ребята, я вас люблю. Шэм – ты восхитительный художник и лучший из всех людей, с кем можно было посмотреть на Нью-Йорк. И наконец, премного любви и благодарностей моей очаровательной, замечательной мамочке, которая плакала в нужных сценах и научилась свободно говорить на языке нарвалов.